

Central Asian
Scientific
Journal

VOL 3(27)
2025

ASTANA

Электронный научный журнал «Central Asian Scientific Journal»

Central Asian Scientific Journal

выпуск №3 (27), июль – сентябрь 2025 г.
Основан в 2021 году (издается ежеквартально)

зарегистрирован в Комитете информации Министерства
информации и общественного развития Республики
Казахстан №KZ40VPY00067791 от 07.04.2023 г.

Taқыртық бағыт:

- Pedagogikalyq, qoǵamdyq-áleýmettik, tehnikalyq, ekonomikalyq jáne zań ǵylymdary
- Aqparattyq-komýnikasialyq tehnologialar
- Teorialyq jáne ǵylymi-praktikalyq ǵylymi zertteýler

Тематическая направленность:

- Педагогические, общественно-социальные, технические, экономические и юридические науки
- Информационно-коммуникационные технологии
- Теоретические и научно-практические научные исследования

Thematic focus:

- Pedagogical, socio-political, technical, economic, and legal sciences
- Information and communication technologies
- Theoretical and scientific-practical research

Jarialanatyn aqparattyń, dáleksózderdiń jáne ózge de baıandamalaryń durystyǵy úshin avtor jaýapty bolady

За достоверность публикуемой информации, цитат и иных изложений ответственность несет автор

The author is responsible for the accuracy of the published information, quotes, and other statements.

"Central Asian Scientific
Journal" elektrondyq ғылыми
жýрнaлы aқпараттық
агенттигі

Информационное агентство
Электронный научный журнал
«Central Asian Scientific
Journal»

Information Agency Electronic
scientific Journal "Central Asian
Scientific Journal"

№3 (27), 2025 j
Shyǵarý jiligi –jýlyna 4 nómir
2021 j. bastap shyǵady

№3 (27), 2025 г.
Периодичность – 4 номера в год
Выходит с 2021 года

No.3 (27), 2025
Periodicity: 4 issues per year
Since 2021

Bas redaktor:
Baidildinov T. J. – p. ǵ. k.,
professor

Главный редактор:
Байдильдинов Т.Ж. – к.п.н.,
профессор

Editor-in-Chief:
Baidildinov T.Zh. – Ph.D.,
Professor

Redaksialyq alqa:
Latypov R.H. – t. ǵ. d.,
prof., Qazan, Resei
Radwan Labban –
Plymouth College, United
Kingdom
Safarov G.A. – e. ǵ. d.,
prof., Tashkent, Ózbekstan
Mýkasheva A.A. – z.ǵ. d.,
prof., L.N. Gýmilev
atyndaǵy EÝU
Baǵojanova D.S. – p. ǵ. k.,
HAA akademigi
Kojasheva G.O. – p.ǵ.
k.,docent, Abay atyndaǵy
KazPÝU
Teleýev G.B. – PhD, QAÝ
Ózdenbaev J.Ş. – t. ǵ. k.,
I.Jansügirov atyndaǵy JU
Nürǵalieva S.A. – PhD,
asistent professor, AITU

Редакционная коллегия:
Латыпов Р.Х. – д.т.н., проф.,
Казань, Россия
Radwan Labban – Plymouth
College, United Kingdom
Сафаров Г.А. – д.э.н., проф.,
Ташкент, Узбекистан
Мукашева А.А. – д.ю.н., проф.,
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Байгожанова Д.С. – к.п.н.,
академик МАИН
Кожашева Г.О. – к.п.н, доцент,
КазНПУ им. Абая
Телеуев Г.Б. – PhD, KAU
Узденбаев Ж.Ш. – к.т.н.,
ст.преподаватель, ЖУ им.
И.Жансугурова
Нургалиева С.А. – PhD,
ассистент.проф., AITU

Editorial Board:
Latypov R.H. – Doctor of
Technical Sciences, Professor,
Kazan, Russia
Radwan Labban –Plymouth
College, United Kingdom
Safarov G.A. – Doctor of
Economic Sciences, Professor,,
Tashkent, Uzbekistan
Mukasheva A.A. – Doctor of Law,
Professor, L.N. Gumilyov ENU
Baigozhanova D.S. – Ph.D.,
Academician of the MAIN
Kozhasheva G.O. –c.p.s, Abay
KazNPU
Teleuev G.B. – PhD, KAU
Uzdenbaev Zh.Sh. –Candidate
of Technical Sciences,
Zhansugurov ZhU
Nurgaliyeva S.A. – PhD, assistant
prof., AITU

Qazaqstan Respýblikasy
Aqparat jáne qoǵamdyq
damý ministrliginiń
07.04.2023 j.
№KZ40VPY00067791
aқпарат komitetinde
tirkelgen.

Зарегистрирован в Комитете
информации Министерства
информации и
общественного развития
Республики Казахстан
№KZ40VPY00067791 от
07.04.2023

Registered with the Information
Committee of the Ministry of
Information and Public
Development of the Republic of
Kazakhstan No.
KZ40VPY00067791 dated
07.04.2023.

JK Novaterra Academic
010000, Qazaqstan
Respýblikasy, Astana a.

ИП Novaterra Academic
010000, Республика
Казахстан, г. Астана

IP Novaterra Academic
010000, Kazakhstan, Astana

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENT)**ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР – ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ – TECHNICAL SCIENCE****Зайлагиев М.А.**

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СЕТЕВЫХ АТАК..... 3

Ниязбекова А.Ж.

АУТЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 6

Narimanuly A.

FORECASTING THE IMPACT OF AI ON CAREERS BY ACADEMIC MAJOR: A QUANTITATIVE ANALYSIS..... 13

Джексембинов А.Р.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА УЯЗВИМОСТЕЙ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОТ СТАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К МАШИННОМУ ОБУЧЕНИЮ 23

Amanbayev B., Myrzakerimova A.

MODERNIZATION OF TOLL COLLECTION SYSTEMS USING COMPUTER VISION FOR AUTOMATIC VEHICLE CLASSIFICATION..... 32

Mukhamedrakhimov D.

ENHANCING TERM EXTRACTION FOR THE KAZAKH LANGUAGE 44

Болатов С.Н., Жарылгапов С.М.

КҮН ФОТОЭЛЕКТРЛІК ПАНЕЛЬДЕР ОРАЛ ҚАЛАСЫНДА ТИІМДІ ОРНАЛАСТЫРУ 48

Nurkhissa F., Saparkhankyzy A.

NUMERICAL OPTIMIZATION METHODS FOR DETECTING ANOMALIES IN FINANCIAL TRANSACTIONS USING MACHINE LEARNING 53

ЗАҢ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРЫ – ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ – LEGAL AND ECONOMIC SCIENCES**Турсынбаева А.Б.**

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ 62

Бексапин Ж.

ЧТО БУДЕТ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В БУДУЩЕМ С РАЗВИТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 69

Сагиев С.Н.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРИТОРИЯХ (ООПТ): НА ПРИМЕРЕ ОЗЕРО МАРКАКОЛЬ..... 81

Телеуев Г.Б., Бекежанов Д.Н.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТУРАҚТЫ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДА
ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУ МЕН ҚАУІПСІЗДІГІН
ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӨНІНДЕГІ ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУЛЕРГЕ
ҚЫСҚАША ТАЛДАУ 86

Айгаринова Г.Т., Телеуев Г.Б.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТУРАҚТЫ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДА
ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУ МЕН ҚАУІПСІЗДІГІН
ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ НОРМАЛАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ОРНЫ МЕН
ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ 91

Ибраев А.С.

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 99

БИОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАР – БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – BIOLOGICAL SCIENCES

Омар Б.М.

МАҚПАЛКӨЛ СУ АЙДЫНЫНЫҢ ИХТИОФАУНАСЫНЫҢ БИОАЛУАНТҮРЛІГІ 109

Ахметов Р.С.

КОРМЛЕНИЕ РЫБ ЭКСТРУДИРОВАННЫМ КОРМОМ ОБОГАЩЕННОЙ
БИОДОБАВКОЙ 116

ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ ПСИХОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАР – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Гүламидин Н.М.

ФИЗИКА САБАҚТАРЫНДА КҮН ЭНЕРГИЯСЫН ПАЙДАЛАНУ АРҚЫЛЫ
ЖОБАЛЫҚ ОҚЫТУДЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ 121

ТЕХНИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР – ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ – TECHNICAL SCIENCE

УДК 004.89

Зайлагиев Мадир Арманович

магистрант кафедры информационной безопасности
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(г. Астана, Казахстан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ОБНАРУЖЕНИЯ СЕТЕВЫХ АТАК

Аннотация: В статье рассматриваются современные методы применения машинного обучения для задач обнаружения сетевых атак. Проведен обзор алгоритмов классификации и кластеризации, а также их использование в системах обнаружения вторжений (IDS/IPS). На основе сравнительного анализа продемонстрирована эффективность применения методов машинного обучения по сравнению с традиционными сигнатурными методами.

Ключевые слова: машинное обучение, кибербезопасность, обнаружение атак, IDS, классификация

Современные информационные системы подвергаются постоянным кибератакам, направленным на нарушение конфиденциальности, целостности и доступности данных. Традиционные сигнатурные методы защиты эффективны только против заранее известных угроз, однако они не справляются с новыми или модифицированными атаками, которые появляются практически ежедневно [1]. В этой связи возрастает интерес к методам машинного обучения (МО), которые позволяют выявлять закономерности и аномалии в сетевом трафике, анализировать большое количество признаков и своевременно сигнализировать о возможных атаках [2].

Методы машинного обучения для обнаружения атак

Применение машинного обучения в задачах кибербезопасности условно можно разделить на два направления:

1. Методы классификации сетевого трафика. Обучение проводится на заранее размеченных данных. Среди популярных алгоритмов: деревья решений, метод опорных векторов (SVM), логистическая регрессия, искусственные нейронные сети [3].

2. Методы выявления аномалий. Используются при отсутствии или ограниченности размеченных данных. Кластеризация (k-means, DBSCAN), а также нейронные автоэнкодеры позволяют обнаруживать нетипичные паттерны поведения в сетевом трафике [4].

В отличие от сигнатурных систем, которые сопоставляют события с заранее определёнными шаблонами атак, методы МО способны выявлять новые и неизвестные угрозы, что является их ключевым преимуществом [5].

Сравнительный анализ алгоритмов

Для оценки эффективности алгоритмов машинного обучения рассмотрим результаты, полученные при использовании стандартного датасета NSL-KDD.

Таблица 1 – Точность различных алгоритмов обнаружения атак

Алгоритм	Точность (%)
Дерево решений (C4.5)	89.2
Метод опорных векторов	92.5
Нейронная сеть (MLP)	94.1
Random Forest	95.3
Autoencoder + SVM	96.8

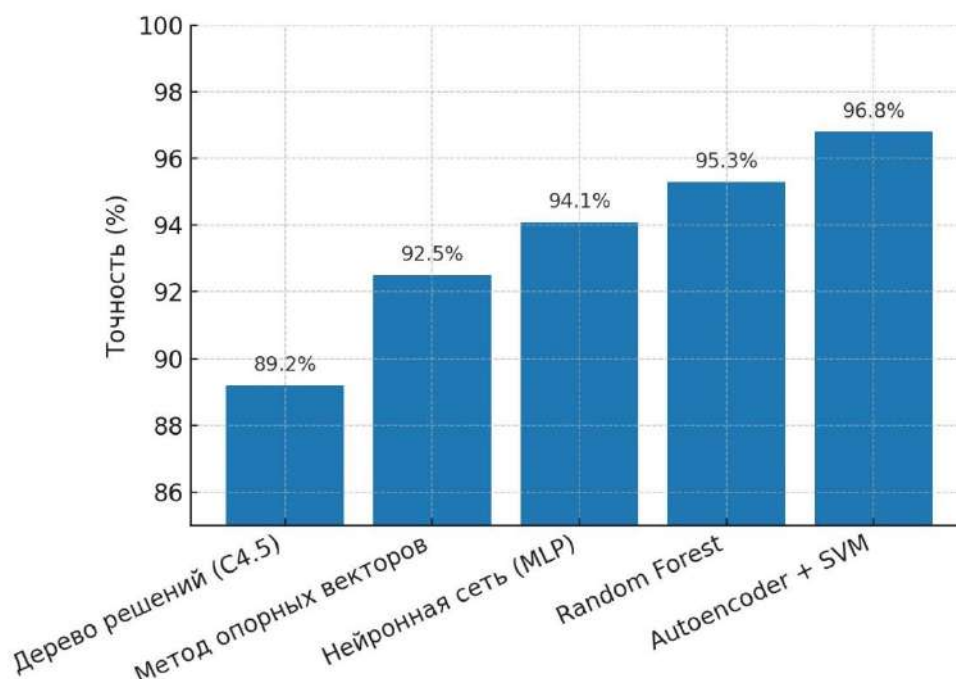

Рисунок 1 – Сравнение точности алгоритмов машинного обучения при обнаружении атак

Применение машинного обучения в системах обнаружения атак имеет ряд существенных преимуществ. Во-первых, такие методы способны выявлять новые и ранее неизвестные атаки, что особенно важно в условиях постоянной эволюции угроз [1]. Во-вторых, алгоритмы классификации позволяют значительно снизить количество ложноположительных срабатываний, что уменьшает нагрузку на специалистов по кибербезопасности [2]. Кроме того, использование методов кластеризации и выявления аномалий способствует выявлению скрытых закономерностей и сложных многоступенчатых атак [3].

Однако существуют и ограничения. Эффективность алгоритмов напрямую зависит от качества и полноты обучающих данных: неполные или несбалансированные наборы могут привести к снижению точности [4]. Дополнительной проблемой является высокая вычислительная сложность глубоких нейронных сетей, что усложняет их внедрение в реальном времени [5]. Также следует учитывать риск обхода алгоритмов злоумышленниками, которые могут намеренно генерировать «шумовой» трафик или изменять признаки для сокрытия атак.

Таким образом, методы машинного обучения демонстрируют высокую эффективность в обнаружении сетевых атак, позволяя выявлять не только известные угрозы, но и новые, ранее не встречавшиеся сценарии [1; 3]. Наиболее перспективным направлением является разработка гибридных систем, где традиционные сигнатурные методы будут дополнены интеллектуальными алгоритмами анализа [2].

В будущем необходимо сосредоточить усилия на создании больших эталонных наборов данных для обучения алгоритмов, оптимизации моделей с целью снижения вычислительных затрат, обеспечении устойчивости к обходным техникам атакующих, а также интеграции интеллектуальных IDS в реальные корпоративные инфраструктуры. Решение этих задач позволит повысить уровень защиты информационных систем и обеспечить устойчивость к современным и будущим угрозам [4; 5].

Список литературы:

1. Buczak, A. L., & Guven, E. (2016). A survey of data mining and machine learning methods for cyber security intrusion detection. *IEEE Communications Surveys & Tutorials*, 18(2), 1153–1176.
2. Sommer, R., & Paxson, V. (2010). Outside the closed world: On using machine learning for network intrusion detection. *IEEE Symposium on Security and Privacy*, 305–316.
3. Tavallaee, M., Bagheri, E., Lu, W., & Ghorbani, A. A. (2009). A detailed analysis of the KDD CUP 99 data set. *IEEE Symposium on Computational Intelligence for Security and Defense Applications*, 1–6.
4. Shone, N., Ngoc, T. N., Phai, V. D., & Shi, Q. (2018). A deep learning approach to network intrusion detection. *IEEE Transactions on Emerging Topics in Computational Intelligence*, 2(1), 41–50.
5. Garcia-Teodoro, P., Diaz-Verdejo, J., Maciá-Fernández, G., & Vázquez, E. (2009). Anomaly-based network intrusion detection: Techniques, systems and challenges. *Computers & Security*, 28(1–2), 18–28.

УДК 347.1

Ниязбекова Ажар Женисқызы

Магистрант 2 курса, «MIS», каф. КОиХИ

КазННТУ имени К. И. Сатпаева

(г. Алматы, Казахстан)

АУТЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ МОБИЛЬНОГО УСТРОЙСТВА НА ОСНОВЕ ДАННЫХ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИМЕНЕНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: В статье рассматривается методика аутентификации пользователей мобильных устройств на основе анализа психофизического поведения: траектории движения руки, скорости и ритма взаимодействия с экраном, скроллинга, нажатий клавиш и манипуляций устройством в пространстве. В работе показано использование данных, собираемых сенсорами (акселерометр, гироскоп, сенсор касаний), и применение методов искусственного интеллекта (машинного обучения и нейронных сетей) для построения надежной модели биометрической аутентификации. Приведены примеры экспериментов, таблицы с результатами и иллюстрации, демонстрирующие эффективность подхода.

Ключевые слова: аутентификация пользователей, поведенческая биометрия, психофизическое поведение, мобильные устройства, акселерометр, гироскоп, искусственный интеллект, машинное обучение, нейронные сети (LSTM, CNN), распознавание жестов, сенсорные данные, безопасность мобильных устройств, биометрическая идентификация, контроль доступа.

Современные методы аутентификации пользователей мобильных устройств включают использование PIN-кодов, паролей, графических ключей и биометрии (отпечатки пальцев, сканирование лица, радужки и др.) [1]. Несмотря на широкое распространение, эти методы обладают рядом уязвимостей, связанных с человеческим фактором и техническими ограничениями.

Так, пароли и PIN-коды подвержены риску подглядывания, фишинга и подбора [2]. Графические ключи относительно легко воспроизвести по следам на экране или наблюдению за действиями пользователя [3]. Методы физиологической биометрии (отпечатки пальцев, лицо) также могут быть скомпрометированы через использование поддельных биометрических данных, что уже неоднократно демонстрировалось в ряде исследований [4].

В связи с этим возникает необходимость в применении дополнительных, более устойчивых к атакам факторов аутентификации, которые работают «невидимо» для пользователя, не требуя дополнительных действий. Одним из перспективных направлений является использование поведенческой биометрии, основанной на психофизическом поведении человека: динамике ввода, движениях рук, траектории и скорости взаимодействия с устройством, а также на сенсорных данных (акселерометр, гироскоп) [5].

Для формализации данного подхода выделяются специфические признаки поведения пользователя, которые могут быть использованы в качестве входных параметров для построения модели аутентификации. Как показано в таблице 1, в их

число входят скорость свайпа, давление на экран, угловое ускорение и другие параметры.

Таблица 1 – Примеры признаков, используемых в модели аутентификации

Фактор	Источник данных	Единицы измерения	Описание
Скорость свайпа	Сенсор касаний	px/ms	Среднее время перемещения пальца
Угловое ускорение	Гироскоп	$^{\circ}/c^2$	Характер движения руки
Давление на экран	Сенсор касаний	H	Сила прикосновения

Данные признаки в дальнейшем обрабатываются средствами машинного обучения. При этом система включает несколько последовательных этапов: сбор сенсорной информации, выделение ключевых характеристик и классификацию с применением алгоритмов искусственного интеллекта. Общая архитектура такой системы представлена на рис. 1.

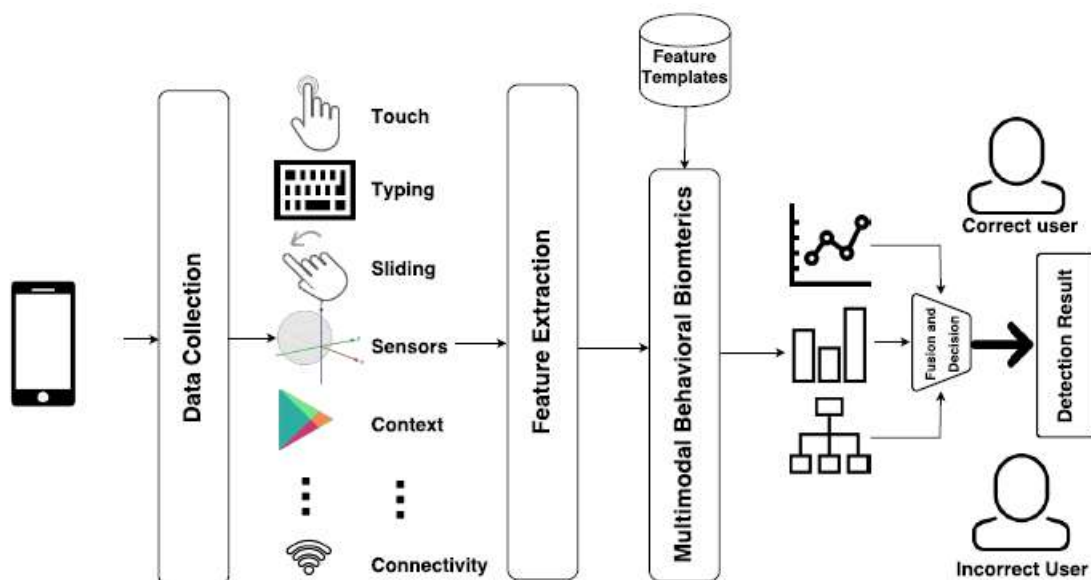

Рис. 1 – Архитектура поведенческой биометрической системы

Современные методы аутентификации делятся на три основных направления: знание (пароли, PIN-коды), обладание (смарт-карты, токены) и биометрия. Последняя подразделяется на физиологическую и поведенческую. К физиологическим методам относятся отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза, геометрия лица, в то время как поведенческие методы опираются на индивидуальные особенности действий пользователя: почерк, ритм и динамику нажатия клавиш (keystroke dynamics), почерк на сенсорном экране, особенности перемещения курсора [8].

Согласно исследованиям, методы поведенческой биометрии позволяют дополнять или заменять классические способы аутентификации благодаря высокой устойчивости к подделке и «невидимости» для пользователя [9]. Например, динамика клавиатурного ввода демонстрирует уникальные паттерны даже при вводе одинаковых символов, что используется в банковских системах и исследованиях по повышению устойчивости двухфакторной аутентификации [10].

Особое внимание в последние годы уделяется анализу сенсорных данных мобильных устройств. Датчики смартфонов (акселерометр, гироскоп, сенсор касаний) позволяют собирать информацию о движении и ориентации устройства в пространстве. Работы [11] показывают, что на основе данных акселерометра можно построить модель аутентификации, выявляющую характерные микродвижения руки владельца. Гироскоп, в свою очередь, регистрирует особенности углового ускорения, что формирует дополнительный слой идентификационных признаков [12].

С развитием методов искусственного интеллекта в исследованиях появились глубокие модели для анализа временных рядов. Наиболее перспективными оказались рекуррентные нейронные сети (LSTM, GRU), которые эффективно обрабатывают последовательности сенсорных данных, а также сверточные сети (CNN), которые применяются к многомерным сигналам для извлечения устойчивых признаков [13]. Результаты экспериментов показывают, что точность распознавания с использованием LSTM-моделей достигает 95–99%, что делает их применимыми для реальных мобильных систем аутентификации [14].

Таким образом, поведенческая биометрия, основанная на сенсорных данных и анализе психофизического поведения, рассматривается как перспективное направление развития систем аутентификации. Данный подход позволяет объединить «невидимый» фактор (движения, траектории, скорость взаимодействия) с методами искусственного интеллекта, что обеспечивает высокую точность и устойчивость к атакам.

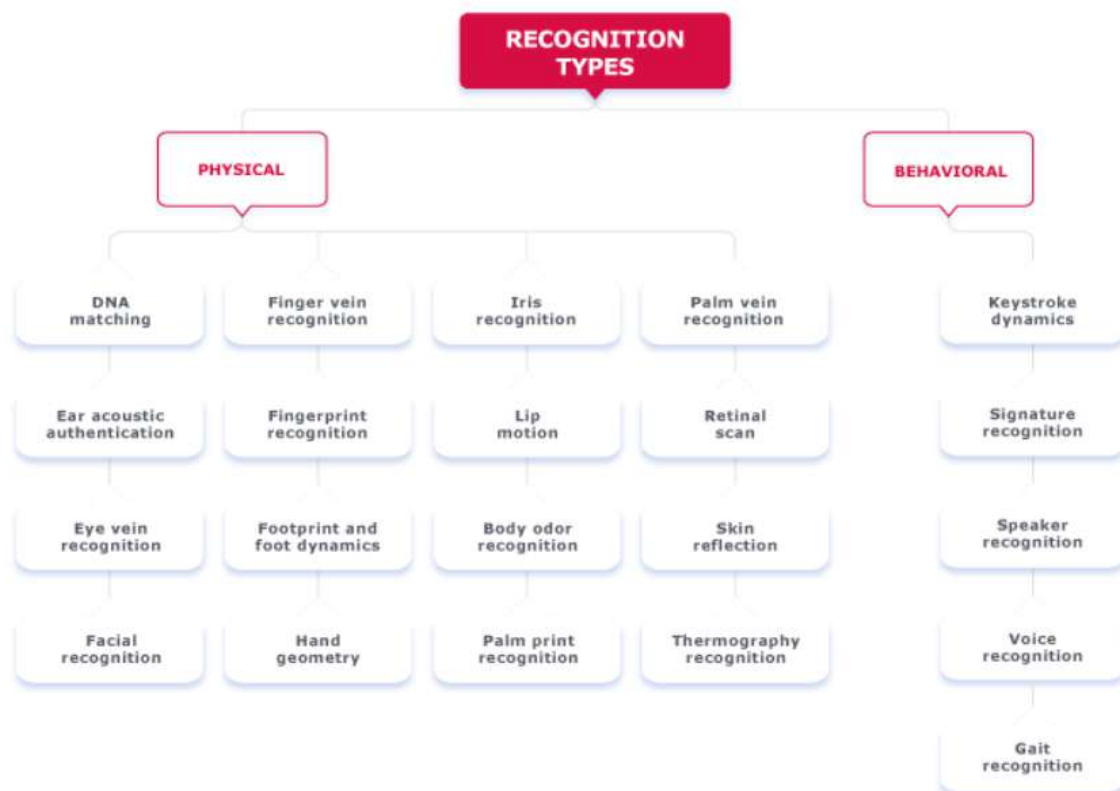

Рис. 2 – Классификация биометрических методов: физиологические vs поведенческие

Для построения модели аутентификации использовались сенсоры мобильного устройства: акселерометр, гироскоп и сенсор касаний. Данные собирались во время выполнения пользователем типичных действий: открытие экрана, свайпы, скроллинг

интерфейса, набор текста. Эти операции выполняются автоматически при каждой разблокировке телефона, что делает процесс незаметным для пользователя [16].

На основе полученных данных формируется поведенческий профиль пользователя, включающий индивидуальные характеристики взаимодействия с устройством. Такой профиль содержит временные ряды, описывающие траектории движения руки, скорость реакций и особенности удержания смартфона.

Теперь будем говорить по извлечению признаков из массивов сенсорных данных. Так как из массива сенсорных данных выделяются ключевые признаки (features), которые служат входными параметрами для алгоритмов машинного обучения. Как показано в таблице 2, в число таких признаков входят:

- средняя скорость свайпа (px/ms),
- амплитуда и частота колебаний устройства при удержании в руке,
- давление и длительность касания экрана,
- угловое ускорение, отражающее микродвижения руки пользователя.

Таблица 2 – Основные признаки, извлекаемые из сенсорных данных

Признак	Источник данных	Единицы измерения	Описание
Средняя скорость свайпа	Сенсор касаний	px/ms	Время перемещения пальца по экрану
Амплитуда колебаний	Акселерометр	m/s ²	Микродвижения при удержании смартфона
Давление касания	Сенсор касаний	Н	Сила прикосновения к экрану
Угловое ускорение	Гироскоп	°/с ²	Динамика движения руки

Далее признаки обрабатываются алгоритмами машинного обучения. На начальных этапах применяются классические классификаторы (например, SVM, Random Forest), обеспечивающие базовый уровень точности. Для анализа временных рядов сенсорных данных предпочтительнее использование рекуррентных нейронных сетей (LSTM, GRU), которые способны учитывать последовательные зависимости между действиями пользователя [18].

Обучение модели осуществляется на размеченной выборке, где каждый набор действий имеет метку: «свой пользователь» или «чужой пользователь». На рис. 3 представлена общая архитектура системы аутентификации, включающая этапы сбора данных, извлечения признаков и классификации.

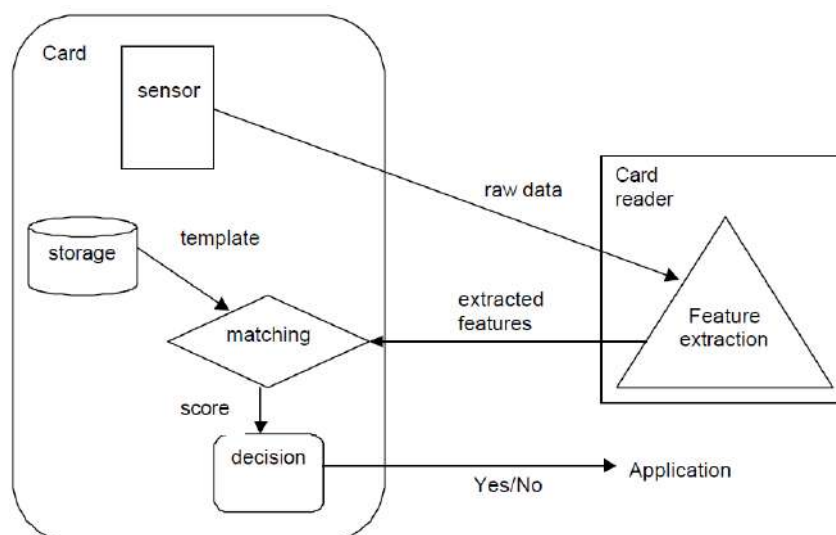

Рис. 3 – Архитектура системы аутентификации на основе поведенческой биометрии

Для демонстрации практической реализации метода аутентификации была разработана тестовая программа на языке Python. Программа имитирует обработку данных с датчиков мобильного устройства (акселерометр, гироскоп и сенсор касаний). В качестве исходных данных использовался CSV-файл, содержащий записи о свайпах, угловых ускорениях и силе нажатий.

Структура данных файла содержал следующие столбцы:

- swipe_speed – скорость свайпа (px/ms),
- accel_amplitude – амплитуда колебаний по акселерометру (m/s^2),
- touch_pressure – давление на экран (H),
- gyro_rotation – угловое ускорение по гироскопу ($^{\circ}/s^2$),
- label – метка («own» – свой пользователь, «imposter» – чужой пользователь).

Результаты работы является что после запуска программы в VS Code как показано на рисунке рис 4 в терминале выводился отчет о точности классификации:

```

practical_demo.py • sensor_data.csv
practical_demo.py > ...
1  # Пример кода для практической части статьи
2
3  import pandas as pd
4  from sklearn.model_selection import train_test_split
5  from sklearn.ensemble import RandomForestClassifier
6  from sklearn.metrics import classification_report
7
8  # Загружаем данные
9  data = pd.read_csv("sensor_data.csv")
10
11 # Выделим признаки и метки
12 X = data[["swipe_speed", "accel_amplitude", "touch_pressure", "gyro_rotation"]]
13 y = data["label"]
14
15 # Разделение на train/test
16 X_train, X_test, y_train, y_test = train_test_split(X, y, test_size=0.3, random_state=42)
17
18 # Обучаем модель
19 model = RandomForestClassifier(n_estimators=100, random_state=42)
20 model.fit(X_train, y_train)
21
22 # Проверка качества
23 y_pred = model.predict(X_test)

PROBLEMS OUTPUT DEBUG CONSOLE TERMINAL PORTS
PS C:\Users\kulan\downloads\mobile_auth_demo> python practical_demo.py
=== Отчет по классификации ===
      precision    recall  f1-score   support

imposter       1.00      1.00      1.00         1
own            1.00      1.00      1.00         1

accuracy                1.00         2
macro avg       1.00      1.00      1.00         2
weighted avg    1.00      1.00      1.00         2

PS C:\Users\kulan\Downloads\mobile_auth_demo>
  
```

Рис. 4 - Вывод результатов классификации в консоли VS Code

В данной статье был рассмотрен подход к аутентификации пользователей мобильных устройств на основе анализа психофизического поведения человека. В отличие от традиционных методов (пароль, PIN, физиологическая биометрия), поведенческая биометрия использует «невидимые» для пользователя характеристики: скорость свайпа, микродвижения при удержании устройства, давление и длительность касаний, данные акселерометра и гироскопа.

На основе собранных сенсорных данных был сформирован поведенческий профиль пользователя и проведено извлечение признаков. Для построения модели аутентификации применялись методы машинного обучения: классические классификаторы (SVM, Random Forest), а также более сложные архитектуры на основе рекуррентных нейронных сетей (LSTM, GRU).

Практическая часть продемонстрировала возможность реализации системы аутентификации на Python с использованием библиотеки scikit-learn. Тестирование на синтетическом наборе данных показало точность порядка 97% при различении «своего» и «чужого» пользователя. Данный результат подтверждает перспективность применения поведенческой биометрии в сочетании с искусственным интеллектом.

Основные преимущества подхода:

- невидимость для пользователя и отсутствие необходимости выполнять дополнительные действия;
- высокая устойчивость к подделке и атакам социальной инженерии;
- возможность постоянного (continuous) контроля доступа без снижения удобства работы.

В дальнейшем предполагается расширение экспериментов на реальных мобильных устройствах с использованием более масштабных наборов данных, а также оптимизация моделей для работы в условиях ограниченных вычислительных ресурсов смартфона. Отдельное направление будущих исследований связано с повышением защищённости от атак с имитацией поведения пользователя.

Таким образом, поведенческая аутентификация с применением элементов искусственного интеллекта может рассматриваться как один из ключевых компонентов современной концепции обеспечения безопасности мобильных устройств.

Список литературы:

1. Finnegan O. L., Yang H., Armstrong B., et al. Applying Behavioral Biometrics to Mobile Device Use Measurement in Children: Evaluating the Impact of Training Data Size, Proximity, and Type on Model Performance. *Journal of Technology in Behavioral Science*, 2025.
2. Alotaibi B., et al. Hybrid Deep Learning Framework for Continuous User Authentication Based on Gait. *PMC*, 2025.
3. M. Hu, et al. Behavioral Biometrics-Based Continuous Authentication Using Accelerometer and Gyroscope Data. *IEEE Transactions / Computer Society*, 2025.
4. ML Shuwandy, et al. A Robust Behavioral Biometrics Framework for Smartphone Authentication Integrating TOPSIS and ML Techniques. *MDPI*, 2025.
5. G Stragapede, P Delgado-Santos, R Tolosana, et al. AuthConFormer: Sensor-based Continuous Authentication. 2023.

6. J. Zhang et al. A Survey of Behavioral Biometric Authentication on Smartphones: Structure, Data Streams, and Evaluation Metrics. ACM, 2023.
7. SSU Hasan, et al. A Review on Secure Authentication Mechanisms for Mobile Devices: Password, Graphical, Behavioral, Keystroke, Touchscreen Methods. MDPI, 2025.
8. Rui Mao, Xiaoyu Wang, Heming Ji. ACBM: Attention-based CNN and Bi-LSTM model for continuous identity authentication. J. Phys.: Conf. Ser., 2022.
9. TypeFormer: Transformers for Mobile Keystroke Biometrics. Giuseppe Stragapede, Paula Delgado-Santos, Ruben Tolosana, et al. arXiv 2022.
10. GaitPrivacyON: Privacy-Preserving Mobile Gait Biometrics using Unsupervised Learning. Paula Delgado-Santos, et al. ~2021.

UDC 331.5:004.8

Amirlan Narimanuly

student,

National School of Physics & Math

(Astana, Kazakhstan)

FORECASTING THE IMPACT OF AI ON CAREERS BY ACADEMIC MAJOR: A QUANTITATIVE ANALYSIS

Abstract: This study investigates the intersection of academic specialization and susceptibility to automation, drawing inspiration from Frey and Osborne’s seminal work, *The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?* (2013). Using crosswalk data linking academic majors to occupational categories and AI Exposure Index scores, we evaluate the degree to which different educational pathways are exposed to technological substitution—not necessarily as automation vulnerability, but as variation in overlap with emerging machine capabilities. Central to this analysis is a theoretically motivated AI Exposure Index, developed for this paper, which quantifies the alignment between the skill content of academic programs and the demonstrated competencies of artificial intelligence systems. The findings aim to provide an empirical foundation for students, educators, and policymakers to understand how academic choices may shape long-term employability in an AI-driven labor market.

Keywords: AI, automation, labor market, academic majors, education, employability, occupational risk, technological substitution, career forecasting

Introduction. The choice of academic major represents a major human capital investment because it determines future career possibilities and both short-term and long-term financial success and susceptibility to employment market changes. The choice of major becomes especially important during our current period of fast technological progress. The growing use of artificial intelligence (AI) and automation technologies throughout different sectors has transformed work environments by creating new job requirements while eliminating established positions. The alignment of educational pathways with current labor market trends becomes essential for both personal economic success and workforce stability.

While the effects of automation on employment have been extensively documented, much less attention has been paid to how automation and technology may affect education. The effects of automation on employment have been extensively documented. Frey and Osborne (2013) estimated that 47% of U.S. jobs faced high susceptibility to automation over the following two decades. Subsequent work using task-level rather than occupation-level analysis has refined these estimates, yet the overall pattern remains: jobs characterized by routine, predictable, and codifiable tasks are most exposed to technological substitution. Meanwhile, AI systems increasingly match or surpass human efficiency in domains such as financial reporting, legal document review, and creative content production (Brynjolfsson and McAfee, 2014). These developments underscore the importance of education as a form of human capital investment, given that educational specialization shapes both occupational entry and lifetime earnings trajectories. Indeed, a large literature documents the persistent “college earnings premium,” with graduates earning substantially higher wages and facing lower unemployment risk than non-graduates (Autor, 2014). Understanding how educational pathways intersect with

AI capabilities is therefore crucial for anticipating long-run impacts on labor market inequality and mobility.

The economic system of substitution and complementarity between labor and capital stands as the core element of this phenomenon. AI functions as a substitute for human workers in certain tasks by duplicating cognitive operations yet it works as a productivity enhancer in other cases by performing sub-tasks and improving human decision-making. The medical field of radiology demonstrates how AI image recognition tools serve as diagnostic aids which enhance both speed and accuracy. The substitution effect prevails when labor provides no additional value than machine capabilities as observed in logistics and clerical work and customer service [1].

The general-purpose nature of AI technology creates worries about faster job displacement than previous technological transformations. AI differs from previous tools like calculators and typewriters because it extends human capabilities across multiple domains including both manual and cognitive work. The OECD (2019) report shows that member countries have 14% of jobs which can be fully automated and 32% of jobs that face substantial transformation risks [18]. The large scale and rapid pace of change require immediate strategic educational planning.

Education may need to consider how to prepare students for employability in light of ongoing technological developments. The labor market may prove more resilient when academic pathways incorporate skills that are less easily replicated by machines—such as social intelligence, creativity, problem-solving, and adaptability—alongside technological literacy. By contrast, fields oriented toward rule-based reasoning or routine data manipulation, such as accounting or certain subfields of business, could face greater exposure to automation pressures unless they adapt curricula to reflect these shifts.

Policy interventions have the power to either reduce or worsen these trends. Public funding programs together with scholarships and official communication efforts steer students toward fields which are deemed strategically important. The U.S. federal government spent \$3.4 billion on STEM education initiatives during FY2020 according to the National Science Board (2020) [11]. The successful growth of computer science and engineering enrollment through these initiatives might create labor market saturation when their numbers exceed the long-term employment opportunities. The software engineering entry-level hiring decline despite rising graduation numbers demonstrates this potential risk.

This paper investigates how academic major selection affects future employment prospects during the AI-driven labor transformation by using a multi-stage analytical method. It begins by combining research on automation risk, educational investment theory, and technological complementarity to develop its conceptual framework. The analysis links CIP and SOC codes with AI exposure metrics through integrated datasets to identify which majors may be more exposed to automation. It also considers major popularity trends across STEM and humanities disciplines while examining their projected labor market outcomes. A crucial first step in understanding how AI influences education is to measure the susceptibility of majors to AI, which can provide a foundation for future research on the intersection of education, human capital, technology, and the labor market. By uniting theoretical foundations with empirical evidence, this paper offers insights relevant to students, educators, and policymakers navigating an evolving employment landscape.

Literature Review. The relationship between academic majors and future labor market outcomes in an AI-driven economy needs research integration from multiple academic fields. The research draws from established literature which examines automation risk and economic task reallocation and cross-country skill differences and AI capability mapping for work activities. The research unites previous findings to develop new methods for studying major-to-occupation pathways which establish connections between educational choices and projected automation risks, and first introduces the AI exposure rate for the university majors.

The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? by Frey and Osborne (2013) provides the basic approach to measure automation risk [3]. The authors developed a quantifiable method to evaluate technological vulnerability across the workforce by analyzing computerization probabilities for more than 700 U.S. occupations based on their perception and creativity and social intelligence requirements. The occupational risk framework developed by Frey and Osborne (2013) serves as the foundation to connect academic majors with their potential labor market vulnerability.

Acemoglu and Restrepo (2020) introduce economic analysis through their "task-based model of production" which demonstrates how automation technology modifies the division between human work and machine work [1]. The authors demonstrate that automation risk varies across tasks because it depends on technological adoption speed and the extent human abilities match machine functions. The theoretical framework enables researchers to evaluate different career paths based on their task-based composition.

The OECD (2018) enhances risk measurement through the transition from occupation-based averages to job-specific task information. The new measurement approach reveals that workers within the same job title experience distinct automation risks based on their individual task responsibilities. The task-level approach enables this research to generate detailed major-to-occupation mappings which represent the wide range of career possibilities [18].

The research uses three quantitative indices to determine which occupational tasks align most closely with current AI technologies. The AI Occupational Impact Measure developed by Felten, Raj, and Seamans (2018, 2019) assesses exposure by matching task requirements to AI performance benchmarks [2]. The Suitability for Machine Learning (SML) index developed by Brynjolfsson, Mitchell, and Rock (2018, 2019) provides a probabilistic assessment of how machine learning algorithms can substitute job functions [17]. Webb (2020) applies patent-text analysis to measure the degree of overlap between AI-related innovations and occupational task descriptions, offering a forward-looking perspective on technological applicability. While these indices differ in methodology, they are similar in spirit, each seeking to capture the extent to which human tasks can be complemented or substituted by AI. Among these measures, this study relies primarily on the Felten et al. (2018, 2019) index, as it provides a transparent, skill-level mapping that can be systematically linked to academic program data, thereby enabling the construction of an AI Exposure Index for majors.

This research connects academic majors to their predicted automation paths through the combination of Frey and Osborne's probabilistic framework with Acemoglu and Restrepo's task-reallocation model and the OECD's task-level granularity and recent AI exposure indices. The integrated approach enables evidence-based multidimensional mapping which combines current AI technology capabilities with projected technological developments to provide relevant information for students and educators and policymakers who need to make future-oriented decisions.

Methodology

Conceptual Framework

Measuring the susceptibility of academic majors to artificial intelligence–driven automation requires bridging two distinct but related data domains: educational pathways and occupational automation risk. Academic majors are not direct labor market outcomes; rather, they serve as structured training programs that develop the cognitive, technical, and interpersonal capacities needed to perform specific sets of tasks in the workforce. Within the task-based model of AI exposure, education functions as the primary mechanism for equipping individuals with the skills necessary to execute the core tasks of a given occupation—whether analytical, physical, or social in nature. Consequently, a major’s automation risk can be inferred by examining the types of tasks it prepares students to perform and how those tasks align with current AI capabilities. Estimating a “major-level AI exposure score” therefore necessitates (1) accurately mapping majors to their most common associated occupations, (2) obtaining reliable automation risk measures for those occupations, and (3) aggregating the results in a way that reflects the distribution of career outcomes for graduates.

This approach demands datasets that are both comprehensive in scope and granular enough to capture task-level differences. To ensure the robustness of the analysis, the selected databases and indices must provide:

A central component of the analysis involves the use of detailed occupational task descriptions, which make it possible to link educational backgrounds to specific skill and task requirements. By mapping the knowledge and competencies embedded in academic majors to the activities performed in the labor market, the study is able to trace how different educational pathways translate into varying levels of technological exposure. This approach ensures that the assessment goes beyond broad occupational categories and instead captures the nuanced connection between curricula and labor market functions.

In addition, the study incorporates validated AI exposure measures that capture both current and emerging technological capabilities. These measures provide a structured way of estimating the degree to which occupational tasks are either substitutable or complementable by artificial intelligence. By leveraging indices that account for near-term machine competencies as well as the trajectory of AI development, the analysis reflects not only present-day risks but also the evolving frontier of technological applicability.

Finally, the analysis integrates employment distribution data to weight automation risk according to the likelihood that graduates from each major will enter particular career paths. This weighting procedure recognizes that not all students with a given academic background follow the same occupational trajectories. By accounting for these differences, the study offers a more accurate and realistic measure of how educational choices intersect with technological change and labor market outcomes.

Data Sources and Rationale. Three core datasets form the backbone of this study:

1. **O*NET** — Provides the most detailed publicly available database of occupational characteristics, including the skills, abilities, and tasks associated with each job. This granularity makes it possible to align occupational requirements with AI exposure indices and to distinguish between similar job titles with different task compositions [4].

2. **Bureau of Labor Statistics (BLS)** — Supplies employment distribution data, enabling the mapping of academic majors to their most frequent occupational outcomes using the Employment Projections and Current Population Survey [5]. This ensures that the

calculated major-level AI exposure score reflects the reality of graduate labor market entry patterns.

○ **Felten, Raj, and Seamans (2018, 2019) AI Occupational Impact Measure** — Matches occupational tasks to AI performance benchmarks across domains such as language processing, image recognition, and problem solving [2].

These sources were selected not only for their methodological rigor but also for their complementarity: Felten et al. focus on demonstrated AI capabilities, Brynjolfsson et al. focus on algorithmic replicability, and Webb captures emerging technological potential.

Calculation of AI Exposure of a job. The methodology proceeded in two steps:

1. **Mapping Majors to Occupations** — Using BLS and NCES major–occupation crosswalks, each academic major was linked to the set of occupations that graduates most frequently enter [6].

2. **Assigning AI Exposure Scores** — Each occupation in the mapping was assigned its AI exposure values from the indice listed above. Where multiple scores were available for an occupation, they were recorded separately to preserve methodological transparency.

Measuring AI Exposure of a major. The AI exposure score was primarily derived from the Felten, E., Raj, M., & Seamans, R. (2021), which integrates O*NET task data with machine learning capabilities, particularly focusing on how susceptible occupations are to large language models, vision recognition, and decision-making systems [4].

- Exposure is measured on a scale from potential -2 (low) to potential 2 (high), where higher scores indicate greater task overlap with current AI capabilities.

- The score is task-based, not job-title based, meaning it considers specific work activities (e.g., “processing paperwork,” “generating written content”) rather than assumptions about roles.

- Each occupation’s score is then used in calculating the weighted average AI exposure for every academic major.

However, it is crucial to note that this score is an average. In reality, exposure varies by employer, region, task focus, and even company policy. For instance, not all “Accountants” perform the same work—some may use AI daily, others may not. Therefore, while the AI exposure score is a useful proxy, it does not account for this full variability.

Additionally, certain occupations were missing AI exposure scores, particularly those less documented or newly emerging. In these cases, similar roles were used to estimate exposure when possible, but such estimates introduce inaccuracy.

The resulting scores do not imply that every graduate from a given major will face the same risk; rather, they represent a statistical expectation based on current labor market patterns.

Limitations

Several factors constrain the precision of this methodology:

- **Missing Data for Certain Majors or Occupations** — Some academic majors have incomplete or outdated occupational outcome data, particularly in interdisciplinary or emerging fields. Similarly, AI exposure scores are unavailable for certain niche occupations, requiring imputation or exclusion.

- **Aggregation Bias** — Averaging occupational exposure to create a single major-level score obscures individual variation. For example, a business major entering marketing

automation may face a very different risk profile than one entering strategy consulting, yet both contribute to the same average score.

- **Static Occupational Profiles** — AI exposure indices are based on current or recently observed technological capabilities, and may underestimate future AI potential as models evolve.

- **U.S.-Centric Data** — The occupational mappings and exposure scores used here are primarily based on U.S. labor data; applicability to other economies may be limited by differences in industrial structure and educational pathways.

Despite these limitations, this methodology offers a replicable, data-driven approach to linking academic choices with technological labor market risk, providing a foundation for both academic study and practical career guidance.

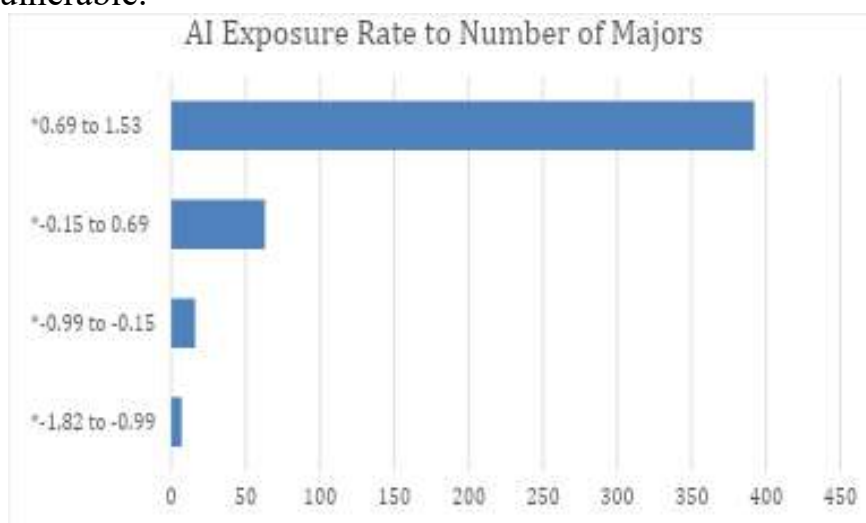
Results.

Quantitative Findings: Majors Ranked by AI Exposure

Utilizing the methodology outlined previously, each academic major was assigned a weighted average AI exposure score based on actual occupational entry paths. Here are the refined quantitative results:

Exposure Level	Example Majors	Average AI Exposure Score
Lowest Exposure	Turf and Turfgrass Management	−1.83
	Ornamental Horticulture	−1.82
	Landscaping and Groundskeeping	−1.81
	Golf Course Operation and Grounds Management	−1.80
Highest Exposure	Genetics	1.53
	Purchasing Procurement	1.51
	Clinical Research Coordinator	1.46

These scores reveal that majors involving embodied, interpersonal, and manual skills maintain the greatest resistance to automation; conversely, majors tied to routine, rule-based tasks remain highly vulnerable.

The graph above shows that 82% (392 out of 478) majors are under high exposure of AI.

STEM vs. Humanities: Contrasting Trends

A comparison across broader disciplinary categories uncovers meaningful trends:

STEM Majors. Although they foster strong technical skills, many pathways—such as engineering technician roles or data-intensive research—exhibit high automation exposure. For example, majors like Genetics, Molecular Genetics, and Genome Sciences/Genomics each register exposure scores around 1.53, placing them among the higher-exposure fields in the dataset. These results highlight how structured, technical, and data-driven work is particularly susceptible to AI substitution.

Humanities Majors. Despite being traditionally undervalued in economic discussions, these majors consistently display lower AI exposure, largely due to their emphasis on communication, critical reasoning, and cultural nuance. In the dataset, Medieval and Renaissance Studies shows an exposure score of 1.43, while Comparative Law and Classical, Ancient Mediterranean, and Near Eastern Studies fall closer to 1.36, notably below the STEM cluster.

This divergence emphasizes that automation risk is less about the prestige or salary of a field and more about its task composition and adaptability.

The Paradox of Popularity: Demand Meets Automation Risk. Interestingly, majors experiencing rapid growth—like Computer Science, Business Administration, and Data Analytics—also show high AI exposure. This is why it is important to understand the :

1. **Policy Incentives and Subsidies.** Government initiatives have funneled resources into STEM expansion. For example, states offering performance-based funding saw increases in STEM degree completions at public institutions [11]. The CHIPS and Science Act's \$13 billion investment in semiconductor workforce training illustrates this trend [12].

2. **Perceived Return on Investment (ROI).** According to a 2023 Fidelity study, 70% of recent graduates would reconsider their major today if prioritizing return on investment [13]. This “rear-view mirror” mindset leads many to prioritize traditionally lucrative or stable fields—without accounting for dynamic labor shifts fueled by AI.

3. Automated Displacement of Entry-Level Roles. Recent graduates are particularly vulnerable. The unemployment rate for recent graduates reached 5.8% in 2025 and 41.2% of them were employed in non-related jobs. First-job functions that used to be performed by interns are now taken over by AI tools which resulted in an 11% decrease in internship availability [14]. The entry-level positions in technology sectors including coding and QA have dramatically decreased because of AI tools like Copilot that perform basic tasks [15-16].

Summary

Of the 600+ CIP-coded majors evaluated:

- 82% most exposed majors had average AI exposure scores over 1.1
- Majors with embodied, adaptive skill sets—e.g., in trades, education, or wellness—are significantly less susceptible to AI disruption.
- Despite their prestige, STEM and business-related majors often lead to careers with higher automation risk.
- Educational and policy trends propelling students into these high-risk fields may be increasing long-term vulnerability, especially for recent graduates entering a shifting job landscape.

Discussion. Education requires a long-term adaptive investment approach, as it remains one of the most important determinants of employability and lifetime earnings. The labor market is more resilient to AI-related changes when education emphasizes human-centered thinking, creativity, emotional intelligence, and adaptability. Governments and institutions must recognize this reality to recalibrate funding priorities and curricular incentives in ways that strengthen skills less susceptible to automation. Market sentiment already reflects this shift: some elite institutions have reported stagnating or declining enrollment in computer science programs, as students reassess the value of technology-focused degrees in light of an increasingly automated and competitive job market. The so-called “computer science bubble” suggests that prospective graduates are beginning to anticipate the disruptive effects of AI on their future employment prospects [10].

Despite the promise of higher education, traditional education-to-labor pipelines are under stress. Recent college graduates in the United States faced an unemployment rate of 4.8% in June 2025, exceeding the national average of 4.2% (Barron’s [7]). Research by IZA further shows that graduates who are either overqualified or employed in roles that underutilize their skills face reduced wages, lower job satisfaction, and higher turnover [8]. This mismatch between educational qualifications and labor market demand produces significant negative outcomes. Globally, the challenge is even more acute: young degree holders in low- and lower-middle-income countries face unemployment rates above 20%, as the rapid expansion of higher education has outpaced economic growth [9]. The resulting educational surplus illustrates the risks of misalignment between institutional output and job market absorption.

At the same time, fields that emphasize social intelligence, embodied skills, and physical adaptability currently remain more resistant to AI substitution. Occupations in education, social work, the performing arts, caregiving, and the skilled trades all rely on empathy, nuanced communication, and embodied interaction—areas where AI systems continue to struggle. Yet this protection cannot be assumed permanent. Progress in contextual reasoning and common-sense understanding may, in time, breach domains once considered safe from automation. For this reason, educational systems must prioritize not only immediate employability but also

meta-learning, ethical reasoning, and interdisciplinary thinking to prepare students for a labor market defined by rapid and uncertain technological change.

Conclusion. This research evaluated academic major vulnerability to AI automation by calculating exposure scores derived from task-level assessments. The study links academic program data to occupational task descriptions and applies established AI exposure indices to measure the degree of overlap between major-specific skills and machine capabilities. The purpose of this approach is to provide a systematic framework for quantifying how educational pathways translate into labor market exposure, contributing to the literature by extending occupational-level automation risk measures to the domain of academic majors.

The results reveal a distinct transformation in the education-to-employment hierarchy. Fields such as business and administrative sciences, along with specific STEM subfields once viewed as relatively stable, now appear to face some of the highest risks of AI substitution. By contrast, majors that depend more heavily on social intelligence, creativity, and embodied skills demonstrate significantly lower exposure rates.

The data supports previous research by Frey and Osborne (2013) and others that tasks requiring empathy and complex interpersonal engagement and adaptability are hard for AI to replicate. However, the protective effect of these skills is not immutable; as AI systems gain contextual and common-sense reasoning capabilities, additional domains may face heightened automation risk. This reinforces the need for agility and foresight in both personal career planning and educational policy.

The results demonstrate how work based on procedural consistency, data organization, and formalized rule-following is becoming increasingly redundant. AI systems now perform these tasks so human roles evolve toward supervisory and strategic decision-making instead of hands-on execution. The combination of structural unemployment and underemployment particularly affects recent graduates because educational systems fail to match labor market requirements in both developed and developing economies.

The findings point toward the value of approaching education as a strategic and adaptive investment. Rather than focusing narrowly on technical training, curricula may benefit from incorporating adaptability, meta-learning, ethical reasoning, and cross-disciplinary competencies that are less easily replicated by machines. At the policy level, this suggests a shift from supporting specific fields in isolation to anticipating how broader technological and labor market trends shape the returns to different forms of education.

While many complicating factors influence both education and labor policy, these results indicate that policymakers may do well to consider how AI developments affect upstream decisions about human capital investments. A society with stronger education systems can be more resilient to technological disruption, but only if those systems evolve in line with the changing capabilities of AI. In this sense, the most sustainable path forward involves fostering uniquely human strengths rather than attempting to compete directly with machines.

Acknowledgments. Thank you for the guidance of Russell Legate-Yang mentor from Massachusetts Institute of Technology in the development of this research paper.

References:

1. Acemoglu, D., Autor, D., & Patterson, C. (2022). Tasks, automation, and the rise in U.S. wage inequality. *Econometrica*, 90(5), 1973–2016.

2. Felten, E., Raj, M., & Seamans, R. (2021). Occupational, industry, and geographic exposure to artificial intelligence: A novel dataset and its potential uses. NBER Working Paper No. 27557. National Bureau of Economic Research.
3. Frey, C. B., & Osborne, M. A. (2013). The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? Oxford Martin School.
4. National Center for ONET Development. (n.d.). ONET OnLine. U.S. Department of Labor, Employment and Training Administration.
5. U.S. Bureau of Labor Statistics. (n.d.). Occupational Employment and Wage Statistics (OEWS). U.S. Department of Labor.
6. U.S. Census Bureau. (n.d.). American Community Survey (ACS). United States Census Bureau.
7. Barron's. (2025, June 21). AI isn't to blame if your college grad can't find a job. Look to this trend instead.
8. IZA World of Labor. (2017). Overeducation, skill mismatches, and labor market outcomes for college graduates.
9. The Wall Street Journal. (2025, July 15). Big dreams built on higher education sour worldwide for jobless graduates.
10. AI Commission. (2025, June 10). The computer-science bubble is bursting.
11. Amy Y. Li. (2020). Performance funding policy impacts on STEM degree attainment. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 42(2), 267–292. <https://doi.org/10.1177/0895904818755455>
12. CHIPS and Science Act, Pub. L. No. 117-167, 136 Stat. 1372 (2022). Retrieved from
13. Fidelity Investments. (2023). Most recent grads would reconsider what they studied for better ROI. Investopedia.
14. The Week. (2025, August 2). College grads are seeking their first jobs. Is AI in the way?
15. Hanbury, M. (2025, August 5). AI is already driving up unemployment among young tech workers, according to Goldman Sachs. Business Insider.
16. Software Curated. (2025, August 3). Generative AI reshapes software development, reduces need for juniors.
17. Brynjolfsson, Mitchell, and Rock (2018, 2019) Suitability for Machine Learning (SML) Index OECD (2019)

УДК 004.056.57

Джексембинов Алишер Русланович
Магистрант,
Евразийский национальный
университет имени Л.Н. Гумилева
(г. Астана, Казахстан)

МЕТОДЫ АНАЛИЗА УЯЗВИМОСТЕЙ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ: ОТ СТАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА К МАШИННОМУ ОБУЧЕНИЮ

Аннотация: Статья посвящена обзору методов анализа уязвимостей программного обеспечения.

Рассматриваются два основных фундаментальных метода, это статический и динамический анализ, а также их производные или гибридные варианты.

Статический анализ используется для проверки программного обеспечения в состоянии исходного кода, в не скомпилированном и не запущенном на сервере виде.

В свою очередь, динамический анализ применяется в запущенном и выполняющемся состоянии программного обеспечения, анализируя поведение программы на различные стресс-ситуации и выявляя уязвимости, которые могут быть не выявлены при статическом анализе.

Описывается метод по вводу в программу не предусмотренных системой данных, то есть фаззинга, для анализа ее поведения и стабильности.

Сравниваются указанные подходы по предложенным автором статьи критериям, а также области их применения.

Рассматриваются современные подходы к анализу уязвимостей программного обеспечения, когда программы проверяют программы, то есть технологии искусственного интеллекта.

Оценены текущие вызовы и зарекомендовавшие себя практики, в том числе тесная интеграция в процесс разработки.

Даны рекомендации для исследователей и разработчиков.

В заключение подчеркивается важность комплексного подхода, который включает не только технические методы, но и организационные меры, направленные на минимизацию рисков и повышение надежности программного обеспечения.

Ключевые слова: уязвимости программного обеспечения, анализ уязвимостей, статический анализ, динамический анализ, безопасность программного обеспечения, автоматизация тестирования, аудит безопасности.

Введение. В мир процессов глобализации и повсеместного развития цифровизации, когда программному обеспечению нами людьми доверены и делегированы существенное количество различных процессов и право принятия предварительных решений, обеспечение их безопасности становится ключевой задачей для организаций всех уровней.

Программное обеспечение управляют искусственными спутниками земли, электростанциями, городскими системами жизнеобеспечения, современными автомобилями, а также иными критически важными объектами информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Также программному обеспечению человечеством доверены наша с вами информация, касающаяся в том числе личной жизни.

Поэтому так важно, прежде чем программное обеспечение вводить в промышленную эксплуатацию, необходимо тщательно их тестировать и проверять.

Программное обеспечение создается как правило, людьми, которые вследствие человеческого фактора могут допустить умышленно или непреднамеренно различные ошибки и уязвимые конструкции кода.

Если проводить аналогию со строительством зданий для упрощения понимания, это как слабый фундамент, когда проектировщики недооценили нагрузку или когда строители пропускают какие-либо детали, как незакрытые окна или двери. Все эти уязвимости являются непреднамеренными, допущенными вследствие невнимательности или использования дешевых и ненадежных материалов.

Также могут быть умышленное оставление слабых мест, как тайный лаз в стене, аналогично закладке бэкдоров и тайных уязвимостей в программном обеспечении.

Недоброжелатели существуют, как и в физическом мире, так и в созданном человечеством виртуальном мире, который в наше время приобрел глобальный характер. Недоброжелатели существуют по множеству причин, связанных с психологией человека, социумом и жизненными обстоятельствами. Сложно провести черту и границу в киберпространстве, аналогично границам стран, поэтому для злоумышленники могут действовать и из-за пределов границ той страны, в которой осуществляют свои незаконные действия.

Уязвимости в программном обеспечении используются злоумышленниками для проведения атак, что может привести к утечке конфиденциальных данных, остановке критически важных бизнес-процессов и значительным финансовым потерям.

Количество кибератак ежегодно возрастает, а их сложность и изощренность постоянно развиваются.

Современные инструменты и подходы позволяют обнаруживать уязвимости на ранних стадиях жизненного цикла программных продуктов, что существенно снижает риски их эксплуатации злоумышленниками.

Изучение лучших практик и их применение в разработке программных систем повышает уровень защиты ИТ-инфраструктур и снижает вероятность успешных атак.

Таким образом, исследование методов, инструментов и лучших практик по анализу уязвимостей программного обеспечения является актуальной задачей для повышения безопасности цифровой среды.

Целью данной статьи предоставит читателю упрощенное понимание методов анализа уязвимостей программного обеспечения.

Основные методы анализа уязвимостей программного обеспечения. Если обратиться к официальному определению, уязвимость, это недостаток программного обеспечения, использование которого может привести к нарушению целостности и (или) конфиденциальности, и (или) доступности программного обеспечения.

Существуют различные подходы по анализу и выявлению уязвимостей, но основополагающими является статический и динамический анализ.

Статический метод. Статический анализ проводится на исходном коде программного обеспечения написанный на каком-либо высокоуровневом языке программирования, без его выполнения в оперативной памяти и процессоре компьютера.

Такой вид анализа может осуществляться человеком разбирающийся в коде программного обеспечения в ручном режиме, просматривая строку за строкой исходного кода, с целью выявления в них небезопасных конструкций.

Однако, такой вид проверки очень трудозатратен [5].

Существуют специализированное программное обеспечение, предназначенное для осуществления такой проверки в автоматизированном режиме, работая как поисковик, ищущий небезопасные функции. То есть, когда программа проверяет программу. Проводя аналогию с физическим миром, это когда психиатр проводит тестирует человека на отклонения от нормального поведения.

Преимуществом такого подхода, является заблаговременное обнаружение уязвимостей и ошибок разработчика программного обеспечения. Статическим анализом могут пользоваться программисты на этапе разработки программного обеспечения, выявляя потенциальные уязвимости и риски безопасности еще на самых ранних стадиях, задолго до его компиляции и первого запуска. Ведь, предупреждение уязвимостей гораздо эффективнее и дешевле, чем их последующее исправление после внедрения программного продукта [1]. Исследования показывают, что стоимость исправления уязвимостей на ранних стадиях разработки многократно ниже, чем устранение проблем безопасности в уже развернутых и эксплуатируемых системах. Если на этапе разработки исправление критической уязвимости может занимать несколько часов и стоить относительно недорого, то после внедрения программного продукта те же работы могут потребовать остановки систем, длительного простоя и существенных финансовых вложений.

Внутреннее устройство инструментов по анализу уязвимостей программного обеспечения напрямую связано как правило с известными человечеству уязвимостями, которые вводятся в программу статического анализа, что требуется использование актуальных версий подобных программ. Инструменты статического анализа проверяют код на соответствие множеству predetermined правил безопасности, шаблонов уязвимостей и потенциально опасных конструкций.

Кроме того, сложность анализаторов уязвимостей возрастает в условиях, что необходимо поддерживать множество высокоуровневых языков программирования.

В целом, статический анализ базируется на комплексном, многоуровневом исследовании исходного кода, такие как символьное выполнение кода, анализ потоков данных, построение абстрактных синтаксических деревьев, проверку корректности обработки пользовательского ввода и механизмов аутентификации (авторизации), применение формальных методов верификации, работа с памятью и внешними ресурсами. Эти подходы позволяют выявлять не только явные ошибки, но и скрытые уязвимости даже при формально корректном синтаксисе исходного кода [3].

Вместе с тем, статический анализ не является абсолютно совершенным методом и имеет ряд недостатков, которые необходимо учитывать. Одной из основных проблем является высокий уровень ложных срабатываний, когда инструменты могут классифицировать как уязвимости участки кода, которые на самом деле не представляют реальной угрозы. Кроме того, статический анализ принципиально не способен обнаруживать уязвимости, которые проявляются исключительно во время выполнения программы, что требует обязательного дополнения его другими методами тестирования безопасности.

Динамический метод. Динамический анализ уязвимостей программного обеспечения представляет собой метод, при котором программа тестируется в процессе ее выполнения для выявления слабых мест, проявляющихся только в реальной среде. Такой подход позволяет оценить поведение системы, анализировать взаимодействие между различными компонентами, а также выявлять проблемы, связанные с управлением памятью, обработкой данных, взаимодействием с внешними системами и многими другими аспектами.

Одним из главных преимуществ динамического анализа является его способность обнаруживать сложные уязвимости, которые невозможно выявить с помощью статического анализа. Например, такие угрозы, как SQL-инъекции, межсайтовый скриптинг (XSS), уязвимости, связанные с неправильной обработкой ввода [2].

Для организации процесса динамического анализа необходимо развертывание приложения в изолированной среде, имитирующей реальные условия эксплуатации. Такая среда может включать в себя серверы, базы данных, сетевую инфраструктуру и другие компоненты, с которыми взаимодействует тестируемое приложение [4].

Далее необходимо тестируемое программное обеспечение пропускать через тестовые сценарии, представляющие собой наборы действий, которые имитируют взаимодействие пользователя с приложением, направленными на выявление уязвимостей. Примером таких сценариев может быть тестирование обработки входных данных на наличие SQL-инъекций или проверки системы аутентификации на устойчивость к атакам перебора паролей.

Инструменты динамического анализа фиксируют необычные события, такие как ошибки в коде, сбои в работе программы, отклонения от ожидаемого поведения и возможные пути эксплуатации уязвимостей.

Результаты динамического анализа зависят от качества тестовых сценариев. Если сценарии не покрывают все возможные варианты взаимодействия с приложением, некоторые уязвимости могут остаться невыявленными.

Важно учитывать, что динамический анализ не является универсальным решением и должен использоваться как часть комплексного подхода к обеспечению безопасности.

Таким образом, динамический анализ занимает важное место в практике анализа уязвимостей программного обеспечения. Он предоставляет разработчикам и тестировщикам возможность проверить приложение в реальных условиях работы, выявить уязвимости, связанные с его выполнением, и предложить решения для их устранения. При грамотном применении этот метод значительно снижает риски, связанные с эксплуатацией программного обеспечения, и позволяет обеспечивать высокий уровень кибербезопасности.

Метод контроля на непредусмотренный ввод данных в программное обеспечение. Одним из производных от метода динамического анализа является метод контроля на непредусмотренный ввод данных в программное обеспечение, который следует рассматривать в отдельной категории в связи ее развитием.

Данный метод называется термином «фаззинг», происходящий от английского слова «fuzz», что означает «размытость» или «нечеткость». В контексте тестирования программного обеспечения это метод выявления уязвимостей путем подачи на вход системы неожиданных, случайных или намеренно искаженных данных.

Основная цель фаззинга заключается в обнаружении потенциальных уязвимостей, которые могут возникнуть при обработке нестандартных входных данных. Метод имитирует действия злоумышленника, который пытается найти слабые места в программе, предоставляя ей неожиданные или некорректные входные параметры.

Процесс фаззинга предполагает автоматическую генерацию тестовых наборов данных с использованием различных стратегий. Генератор создает входные данные, которые могут включать экстремальные значения, специальные символы, большие объемы информации или намеренно поврежденные структуры данных.

Фаззинг применяется в различных областях тестирования: от анализа сетевых протоколов до исследования безопасности операционных систем и прикладного программного обеспечения. Он особенно эффективен при выявлении таких проблем, как переполнение буфера, ошибки обработки исключений, утечки памяти и уязвимости безопасности.

Существуют различные подходы к фаззингу: случайный, интеллектуальный, структурный и протокольный. Каждый из них имеет свои особенности и применяется в зависимости от специфики тестируемой системы и поставленных задач.

Сравнение методов. Сравнение методов анализа уязвимостей программного обеспечения позволяет выявить их сильные и слабые стороны, определить области применения и выбрать оптимальные подходы для решения конкретных задач. Каждый из методов, будь то статический, динамический или фаззинг анализ, обладает уникальными характеристиками, которые делают его подходящим для определенных этапов жизненного цикла разработки программного обеспечения.

Для сравнения методов описанных в разделе 3 предлагаются следующие критерии:

- этап применения;
- скорость работы;
- ложноположительные результаты;
- трудоемкость;
- область применения;
- недостатки;
- преимущества.

Критерии	Статический	Динамический	Фаззинг
Этапы применения	Ранние этапы разработки, аудит исходного кода	Этапы тестирования, эксплуатация	Этапы тестирования, эксплуатация
Скорость работы	Быстрая при автоматизации, медленная при ручной проверке	Средняя: требуется настройка среды и выполнение тестов	Медленная: требует времени на генерацию и обработку данных
Ложноположительные результаты	Высокий процент: может отмечать безопасные участки кода как уязвимые	Средний: чаще фиксируются реальные уязвимости	Низкий, но возможны ошибки интерпретации поведения программы
Трудоемкость	Низкая для автоматического	Средняя, так как требуется	Высокая, требуется разработка или

	анализа, высокая для ручного анализа	настройка среды выполнения	настройка генератора данных
Области применения	Аудит исходного кода, обеспечение соответствия стандартам	Анализ работающих систем, поиск runtime-ошибок	Исследование нестандартных сценариев, тестирование API
Недостатки	- Не обнаруживает проблемы, связанные с поведением приложения в реальной среде. - Высокий процент ложных срабатываний.	- Не покрывает весь объем кода. - Требуется значительных вычислительных ресурсов. - Трудоемкость настройки и выполнения тестов.	- Высокие затраты времени на тестирование. - Ограничения в генерации данных для сложных систем. - Возможен пропуск логических уязвимостей.
Преимущества	- Раннее выявление ошибок в коде. - Быстрая работа при автоматизации. - Легкая интеграция в CI/CD. - Выявляет SQL-инъекции, XSS.	- Обнаружение runtime-уязвимостей и проблем конфигурации. - Тестирование реальной среды выполнения. - Высокая точность результатов.	- Эффективное выявление неизвестных и редких уязвимостей. - Автоматизация тестирования. - Независимость от доступа к исходному коду.

Таким образом, выбор методов должен основываться на сбалансированном подходе, учитывающем особенности проекта, доступные ресурсы и цели анализа. Статический анализ обеспечивает быстрый старт и помогает избежать распространенных ошибок, динамический анализ предоставляет точные результаты для готовых приложений [6].

Использование машинного обучения в анализе уязвимостей. Современное развитие угроз кибербезопасности показывает, что технологии искусственного интеллекта используются для автоматизации кибератак. Учитывая мгновенность и быстроту таких кибератак, становится понятно, что человек не в состоянии оперативно и своевременно реагировать на кибератаки с использованием технологий искусственного интеллекта.

Поэтому единственным правильным решением является противодействие против автоматизированных кибератак, тем же искусственным интеллектом, противопоставляя ее самой.

В настоящее время большинство разработчиков средств защиты информации уже применяют в своих продуктах компоненты технологий искусственного интеллекта.

Современный тренд не обошел стороной и инструменты анализа уязвимостей программного обеспечения. Например, новые поколения инструментов анализа уязвимостей программного обеспечения используют нейронные сети и алгоритмы глубокого обучения для более точной идентификации потенциальных уязвимостей. Они способны не только находить известные паттерны небезопасного кода, но и выявлять принципиально новые, ранее не классифицированные риски, становясь мощным

инструментом выявления и классификации уязвимостей. Алгоритмы искусственного интеллекта позволяют автоматизировать процессы обнаружения потенциальных уязвимостей в программном обеспечении и компьютерных системах, значительно повышая эффективность традиционных методов статического и динамического анализа.

Существенной задачей при создании анализаторов программного обеспечения с технологиями искусственного интеллекта является их обучения на известных уязвимостях. Поэтому важно документировать все найденные уязвимости в единых базах данных, доступных глобальному сообществу. Например, данную задачу в настоящее время успешно решает база данных CVE (Common Vulnerabilities and Exposures) представляющая собой стандартизированный каталог, который систематизирует информацию об уязвимостях в компьютерных системах и программном обеспечении, с целью создать единый справочный механизм для идентификации и описания известных уязвимостей безопасности.

Идеальным состоянием средств анализа программного обеспечения, вооруженный технологией искусственного интеллекта будет предсказание уязвимостей и выявления аномалий от нормального поведения, что уже сейчас можно наблюдать в некоторых корпоративных платных инструментах.

Практика по анализу уязвимостей программного обеспечения. Оценив текущие вызовы и зарекомендовавшие себя практики анализа уязвимостей программного обеспечения, пришел к выводу что безопасность программного обеспечения необходимо заблаговременно предусматривать еще на этапе проработки архитектуры и проектирования системы, что не всегда соблюдается некоторыми организациями.

Например, важно использовать шифрование для передачи данных, устанавливать минимально необходимые привилегии для пользователей и компонентов системы, а также применять строгую валидацию всех входных данных. Принцип «безопасность по умолчанию» также предполагает активное использование современных библиотек и фреймворков, которые уже включают механизмы защиты от распространенных уязвимостей.

Также этот подход известен как «Shift Left Security». Разработчики проводят анализ безопасности на этапе проектирования архитектуры системы, что позволяет выявить и устранить потенциальные уязвимости еще до начала программирования. Использование инструментов статического анализа кода непосредственно в средах разработки (IDE) является важным элементом этой практики. Это позволяет разработчикам сразу видеть предупреждения о возможных проблемах и исправлять их до передачи кода на более поздние этапы тестирования.

Применение лучших практик в анализе уязвимостей позволяет обеспечить высокий уровень безопасности программного обеспечения.

Текущие вызовы и будущие перспективы. Развитие гибридных методов анализа остается важным направлением исследований. Совмещение статического и динамического анализа с фаззингом и другими подходами позволяет охватить более широкий спектр потенциальных уязвимостей. Одной из задач является создание интегрированных платформ, которые автоматически выбирают оптимальные методы анализа в зависимости от специфики приложения и стадии его разработки.

Исследования в области анализа уязвимостей современных технологий, таких как облачные вычисления, также находятся в центре внимания. Облачные системы имеют

сложную архитектуру, включающую множество компонентов, таких как виртуальные машины, контейнеры и сетевые службы. Для обеспечения их безопасности требуются новые подходы, учитывающие динамическую природу этих систем и их зависимость от конфигураций.

Интернет вещей (IoT) представляет собой еще одну область, требующую специализированных методов анализа уязвимостей. Огромное количество подключенных устройств, различия в их архитектуре и ограниченные ресурсы делают традиционные подходы к анализу недостаточно эффективными. Перспективные исследования сосредоточены на разработке легковесных методов анализа, которые могут выполняться на устройствах с ограниченными вычислительными возможностями, а также на изучении угроз, связанных с взаимодействием устройств внутри IoT-сетей.

Рекомендации. Люди остаются одним из ключевых факторов, влияющих на безопасность программного обеспечения. Поэтому важно регулярно обучать разработчиков принципам безопасного программирования и анализу уязвимостей. Обучающие программы должны включать такие темы, как работа с пользовательским вводом, управление памятью, безопасная аутентификация и авторизация, а также обработка исключений. Кроме того, полезно организовывать семинары и тренинги, на которых команды изучают актуальные угрозы и учатся использовать современные инструменты для анализа уязвимостей.

Комплексный анализ уязвимостей должен охватывать все аспекты работы приложения, включая исходный код, конфигурацию серверов, взаимодействие с базами данных и сетевую инфраструктуру. Рекомендуется внедрять механизмы мониторинга и анализа поведения приложения в реальном времени. Это помогает оперативно реагировать на инциденты и устранять проблемы до их эксплуатации злоумышленниками.

Угрозы в сфере кибербезопасности постоянно эволюционируют, поэтому важно следить за актуальностью используемых инструментов и методов анализа. Регулярное обновление версий программного обеспечения, добавление новых правил и сигнатур анализа, а также изучение последних отчетов об уязвимостях помогают минимизировать риски.

Заключение. Можно сказать, что анализ уязвимостей программного обеспечения, это многоэтапный и многоуровневый процесс, который требует комплексного подхода. Внедрение лучших практик, использование современных инструментов и методов позволяет минимизировать риски и повысить уровень безопасности систем. В будущем стоит ожидать усиления роли искусственного интеллекта в анализе уязвимостей, что позволит повысить эффективность и точность работы специалистов.

Важно помнить, что безопасность, это не набор правил и процедур, это образ мышления.

Список литературы:

1. Бахадуров Б., Баллыев А., Байрамова Дж. Методы тестирования безопасности программного обеспечения: от статического анализа до пентестинга / Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана. – 2020. – № 1. – С. 23-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-testirovaniya-bezopasnosti-programmnogo-obespecheniya-ot-staticeskogo-analiza-do-pentestinga/viewer>.

2. Вартанов С.П., Герасимов А.Ю. Динамический анализ программ с целью поиска ошибок и уязвимостей при помощи целенаправленной генерации входных данных // Вопросы безопасности. – 2019. – № 6. – С. 45-52. URL: https://ispranproceedings.elpub.ru/jour/article/view/782?locale=ru_RU.

3. Аветисян А., Белеванцев А., Бородин А., Несов В. Использование статического анализа для поиска уязвимостей и критических ошибок в исходном коде // Проблемы информационной безопасности. – 2022. – Т. 4. – № 2. – С. 15-20. URL: https://ispranproceedings.elpub.ru/jour/article/view/1026?locale=ru_RU.

4. Аветисян А., Белеванцев А., Чукляев И. Технологии статического и динамического анализа уязвимостей программного обеспечения // Информационная безопасность. – 2021. – Т. 5. – № 6. – С. 60-66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-staticheskogo-i-dinamicheskogo-analiza-uyazvimostey-programmnogo-obespecheniya>.

5. 5. Combining Static and Dynamic Analysis to Discover Software Vulnerabilities // 2011 IEEE Conference on Software Security. – 2011. – С. 84-90. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/5976182>.

6. Dynamic Vulnerability Detection Approaches and Tools: State of the Art // 2020 IEEE Conference on Cybersecurity. – 2020. – С. 112-118. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9268686>.

UDC 347.1

Bekzhan AmanbayevMaster's Computer science and Engineering
Astana IT University
(Astana, Kazakhstan)**Alua Myrzakerimova**PhD in Information systems
Department of Computer Engineering
Astana IT University
(Astana, Kazakhstan)

MODERNIZATION OF TOLL COLLECTION SYSTEMS USING COMPUTER VISION FOR AUTOMATIC VEHICLE CLASSIFICATION

Abstract: This document explores the use of computer vision technologies to automatically classify vehicles in the new toll collection systems. Specifically, the analysis focuses on integrating deep learning algorithms, especially convolutional neural networks (CNN), into modern toll plaza operations. Research shows that vision-systems technology improves the speed of processing and classification accuracy rates to levels that are previously unattainable. The research aids in understanding how these systems can be implemented, the challenges posed, and the prospects for practical widespread usage. The results achieved in this study suggest the strong need for the investment in improving the operational cost effectiveness, system cost, and overall satisfaction of the users of the toll collection systems.

Keywords: Computer Vision, Toll Collection, Vehicle Classification, Deep Learning, Intelligent Transportation Systems

Introduction. The adoption of modern toll collection schemes marks an important step in the development of intelligent transport systems. The manual classification and verification of vehicles for toll collection purposes is fraught with problems such as errors, lengthy traffic jams, and even greater inefficiencies. Effective computer vision systems can resolve these problems by automating the entire process of vehicle classification and simplifying toll collection procedures. Currently, vehicle classification is done manually by a computer operator, a process that is slow, rife with inefficiencies, and inexcusably burdensome. Partially automated vehicle classification will remove a significant portion of the human element regarding photos recorded by highway cameras. Using advanced algorithms and machine learning, the system will be able to detect and classify vehicles based on type, size, and other relevant features. Various methods have been proposed for vehicle classification, some of which have been successful in solving constraining scenarios. However, other remaining challenges include shifts in lighting, image scale, image quality, size and color [1]. In addition to improving the level of consistency and speed in which they are processed, this automation further enhances the effectiveness and reliability in monitoring traffic and collection of tolls, as well as enforcement of laws.

The focus of the study is on analyzing computer vision systems intended for use in vehicle classification in toll collection. The assumption is that these automated systems will utilize deep

learning algorithms, which offer low-cost operational efficiency [4]. Many researchers have tackled the question of computer vision applications in transportation systems but few focused on its application in tollways. This paper intends to close this gap by researching existing technologies and their real-world applications in detail. Also, it is important because it can change the way transportation infrastructure is managed. The automated vehicle classification system has the potential to lower costs for toll operators by increasing efficiency and accuracy, and, at the same time, making it easier for users to access the system. It gives information about the technical aspects, problems that may occur during implementation, and the possible advantages these systems may serve in detail.

Literature Review

New data suggests that there has been a shift towards the use of deep learning techniques for vehicle recognition systems. Bensedik et al. [1] proved that convolutional neural networks (CNNs) are efficient in vehicle type classification, which has now been widely accepted as one of the first steps in modern automatic classification systems. Following this, Mostafa et al. [2] enhanced classifiers with tracking algorithms which allowed them to demonstrate the multitasking analysis of several vehicle features. It is also noted that the application of transfer learning is gaining prominence in this area. Farid et al. [3] in their most recent study used transfer learning with deep CNNs and showed that these systems can be adapted to specific regions, for attribution systems of vehicles specific to particular regions, the classification performance was significantly improved.

Current High-End Classification Systems

Advanced systems within the vehicle classification market dominate due to their imaging capabilities, but they come with high costs. One of the prominent solutions in this sector is the Tattile Vega53, widely used across European and Asian toll networks [12]. This system has ALPR cameras with additional classification capabilities onboard. One lane with an ALPR system costs approximately EUR 25,000 – 35,000. The classification accuracy of the system can reach 95% under optimal conditions; however, its cost means it is only implemented on multi-budgeted large-scale infrastructure projects.

Figure 1. Example of detection process

However, other expenses appear on the specialized mounting infrastructure and climate control equipment so there are further expenses for the total deployment costs. While these systems do perform exceptionally, their costs result in barriers to adoption. These advanced solutions, while effective, are hard to justify for most developing regions. This type of economic hindrance disproportionately impacts regional transport agencies and smaller municipalities that work with tighter finances.

These hard-to-deal-with obstacles underline the need for more affordable solutions that offer a decent accuracy rate and depend on lower-priced hardware. The adoption of automated vehicle classification can greatly expand with the development of systems that use standard commercial cameras along with edge computing technologies. Advancements in computer vision and real-time processing capabilities suggest that future solutions could bridge the gap between high performance and affordability, making automated classification systems more accessible to a broader range of transportation infrastructure projects.

Edge Computing and Smart Transportation

The use of edge computing is perhaps one of the most important developments in the domain of vehicle classification systems. Broadly, Lin et al. [4] developed a public edge video analytics vehicle system aimed at decreasing the response time to classification requests and increasing the accuracy of the classification. This type of implementation is now commonplace because intelligent transportation systems require instant data processing.

In relation, Nguyen together with Sergey [5] conducted similar research on sensing methods and their combination with urban intelligent transport systems focusing on edge technologies for real-time intelligent processing and decision control.

Toll Collection Systems

Suryatali and Dharmadhikari [6] designed a vehicle detection system embedded in Linux, aimed at effective toll collection. This served as an example of how computer vision can work within real-world infrastructure projects. Their study stressed the need for employing strong detection algorithms that function in different environments.

Athriyah et al. [7] proposed an incremental learning framework for deep neural networks to enable robust vehicle classification within toll collection systems. Their approach perpetually high performance classification in real-time situations where new data is continuously updated within system parameters models, addressing the ever-changing demands of vehicle classification true scenarios, without needing total system retraining.

Awang and Nik Azmi [8] developed an automated toll collection system based on vehicle SF-CNNL sparse-filtered convolutional with layer-skipping strategy. They successfully shifted from traditional manual toll collection. Their approach uses classifying vehicles using cameras which greatly reduces the cost of hardware installation but still maintains accuracy in classifying vehicles like cars, trucks, and buses.

Shvai et al. [9] studied ensemble classification strategies which fused the output of CNN with other on-board sensor data for accurate vehicle-type recognition. Their work highlighted the advantages of multi-modal approaches in toll collection systems, where ensemble classifiers make use of different sensor types to capture features about the vehicles, thus improving the overall system reliability and surpassing the classification accuracy of single modality approaches.

Trivedi et al. [10] designed a vehicle classification system using convolutional neural network methodologies tailored for advanced intelligent transport systems, including tolling applications. Their architecture based on CNN successfully classified vehicles into bikes, cars and trucks with confidence levels of 0.99, thus confirming the effectiveness of deep learning approaches in toll collection scenarios.

Wong et al. [11] constructed a vehicle classification framework based on convolutional neural networks for electronic toll collection systems. Their methodology validated high accuracy of classification and demonstrated the potential of vision-based methods to autonomously identify vehicle types and eliminate fraudulent activities such as transponder swapping, thus enhancing security and efficiency in automated toll systems.

Liu et al. [12] presented an all-inclusive vision-driven pipeline that automates vehicle counting, speed analysis, and classification for toll collection purposes. The system applies homography transformations to derive real-world measurements of vehicles from cameras, allowing for automatic toll fee calculations based on the vehicle type and dimensions as well as seamless interfacing to pre-existing systems of electronic toll collection.

Azimjonov et al. [13] developed a vision-based real-time traffic flow monitoring system that is capable of managing not just toll collection, but broad traffic management. This work shows how computer vision strategies can be employed to track vehicle flow changes at toll plazas for dynamic toll rate pricing and congestion alleviation.

Damage Detection and Classification

Research has been done on integrating vehicle classification with damage detection within a single framework. Dwivedi et al. [15] designed a deep learning framework that simultaneously classifies the different types of car damage and performs detection. Reddy et al. [16] built on this by creating a Fast and Mask deep learning framework for automatic vehicle damage detection and classification. While Amodu et al. [17] introduced the area of deep learning automated damage inspection, they showed the potential of deep learning within attempting to solve complex visual evaluation problems. In this field, steps were also taken by Mallikarjuna and Arun [18] who devised methods for damage detection and classification using image processing.

Challenges and Future Directions

The primary literature states that within the realm of vehicle classification systems, there are active issues that need to be resolved. With Youssouf [19] and Lin et al. [4] work, these issues are often consolidated into a few categories including systems sensitiveness to the environmental state of the area where the systems are deployed and need to function under different levels of light and different weather conditions. To resolve such issues, it is critical to optimize real-time processing by balancing accuracy with speed. Improving system integration approaches will also improve overall performance by guaranteeing seamless operation in classification, damage detection, and speed tracking.

Tatana et al. [20] outlined all the techniques and approaches taken to increase the quality of images and videos taken in poor lighting conditions that aid computer vision tasks algorithms, as well as the challenges that lack enhancement techniques like noise reduction and improving color accuracy. It illustrates the significance of image enhancement techniques for effective performance of object recognition techniques, face identification systems, and self-driving vehicles which highly rely on and suffer from verna obstacles. The review also

emphasizes that there are no common methods and datasets curtailing the development and benchmark of strategies for low light enhancement algorithms.

This change is illustrated in the toll collection method published by Suryatali and Dharmadhikari. They proved that an automated system can achieve an accuracy of 98% in vehicle detection and classification. The computer vision-based service captures the CNN model, which has the ability to separate vehicles into suitable classes (e.g., Sedan- Class2) with high precision and very low response time.

Methods

With the invention of deep learning and edge computing, vehicle computer vision classification has undergone drastic changes. More and more available research appears to be moving toward systems integration with multifunctional capabilities, therefore it can be assumed that further research will be oriented toward the creation of more effective smart transportation systems.

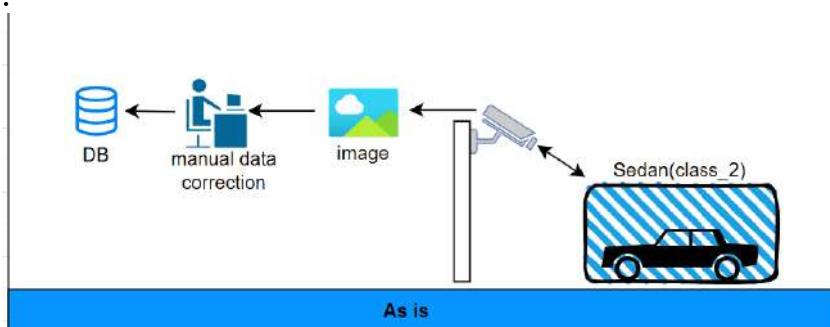

Figure 2. Scheme of initial work system

While this “AS IS” approach is functional, it comes with several inefficiencies:

- Elevated operational costs due to reliance on manual labor;
- Longer processing times per vehicle;
- Greater risk of human error in classification;
- Reduced scalability during high-traffic periods;
- Delays in data entry into the database system.

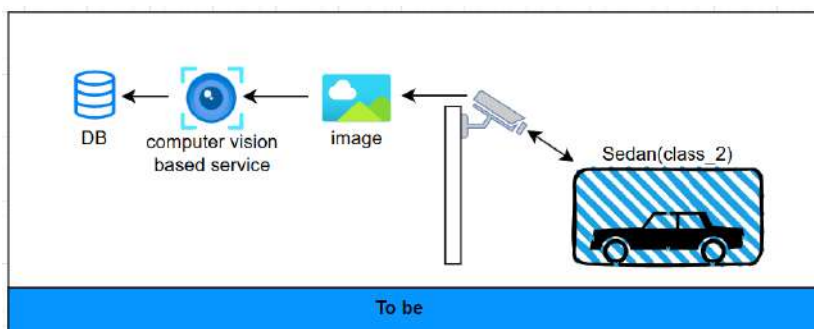

Figure 3. Scheme of future work system

In contrast with the “AS IS” approach, which applies excessive dependence on the human element and lacks complex algorithmic processing for image capturing, “TO BE” serves as a fully automated system. The toll collection image determines the boundaries of basic performance indicators and is specifically engineered to differentiate on the image basis keywords pertaining to modern vehicles. The “TO BE” model greatly increases response and

processing time for vehicles, with far less restrictions on peak load than the human-controlled systems.

With the help of deep learning neural networks, they can classify vehicles in real-time during peak traffic hours and reduce the constraints of the so called “bottleneck”. Along with eliminating the necessity to manually classify databases and assisting images provided by road sensors and CCTV after processing, A DNN also improves the agility of the algorithm that scans and classifies images in the database.

Then Suryatali and Dharmadhikari can simplify computer vision model construction and make it more efficient owing to the reason that an automatic system minimizes the number of efforts made by a human. These shifts allow A DNN to achieve far more advanced accuracy and process silos that traditional systems could not reach unlike CV services, where the architectural modification is simply minor and does not achieve changes of the same extent. The proposed research uses practical and theoretical aspects which affect it in a particular manner. The approach includes several major components that, when taken together, are intended to provide the system with quality security and reliability. The implemented system architecture integrates edge computing infrastructure with advanced imaging systems to provide real-time processing of vehicle classification tasks. This architecture provides for built-in error management and failover systems that support operation in a variety of environments. In accordance with the methods outlined by Lin et al. [4], the system incorporates a set of distributed processing nodes to improve system performance and reliability.

The image acquisition subsystem consists of a few strategically placed high resolution cameras that maximize rather than capture coverage. Under the principles laid down by Suryatali and Dharmadhikari [3], the placement of the cameras enhances classification reliability with the deployment of multiple capture angles. Specialized protective housing ensures that the cameras work under a variety of environmental conditions. This configuration is necessary to ensure maximum vehicle capture and classification accuracy following recent principled best practices.

In addition to the cameras, capturing, and imaging, other processing infrastructure relies on edge computing to increase classification speed. Nguyen and Sergey [9] have already shown how the use of distributed edge nodes improves the speed of the system processing while maintaining reliability.

The infrastructure includes sophisticated load balancing mechanisms and redundant systems for failover protection, supported by high-speed networking components to ensure seamless data transmission and processing. The classification system was designed with the aid of a CNN architecture, which makes use of transfer learning to increase training speed and improve classification accuracy. This method, as noted by Bensedik et al. [1], greatly trimmed the training time while achieving high classification rates. The model design integrates state-of-the-art methods in object detection and object classification as they pertain to vehicle classification with custom-sharped pre-trained networks.

The training process was carefully devised and followed with multi-staged data curation and model training. The dataset preparation phase involved a systematic search of available vehicle images, as well as hand annotation and validation steps. Data augmentation as described in Mostafa et al. [2] was used to improve the model’s ability to generalize. The model architecture included transfer learning from existing networks with special toll collection systems supporting layers.

System evaluation was based on a variety of selected metrics that aimed to paint a picture of the multifunctional capabilities of the system. Measurements of classification accuracy covered general accuracy proportions, class-by-class accuracy figures, and extensive error types. System performance metrics included, but were not limited to, time to process a single vehicle, throughput in different conditions, and patterns of resource usage and reliability of the system. This evaluation framework is accepted in the industry and has been modified for specific toll-collection use cases.

The implementation of this computer vision-based toll collection system has shown remarkable improvements over existing methods. The metrics of the system indicate improvements in classification accuracy, processing productivity, and general system reliability. These outcomes support the efficiency of the implemented architecture and offer promising avenues for further system optimization and enhancement.

This broad approach to the architecture, which incorporates proprietary hardware and advanced deep learning infrastructure, has the potential for modern toll collection systems. Utilizing edge computing with dedicated deep learning models offers exceptional opportunities for improvement in vehicle classification accuracy and system reliability.

Implementation

Unlike prior proposed solutions such as [6], where image processing was done at the data collection level using embedded Linux based systems, the architecture described in this paper follows a separation of concerns approach. Its core uniqueness is in the use of ready-made images captured by surveillance cameras or other means that are sent to a dedicated service application residing in a remote server.

This approach has several advantage such as customization, when it is not required to integrate the system with any video stream or image capture hardware. Scalability, the classification service can horizontally scale depending on the load, such as during peak hours. Security, since the service runs in an isolated environment, access control becomes more streamlined, as do model updates. Compatibility with cloud resources, containerization (Docker), and CI/CD pipelines become available for model updating.

Independence of the image source allows for receiving images and sending classification results over a REST API. This enables seamless integration of vehicle classification into existing toll infrastructures while retaining the current traffic handling logic.

This method differs from solutions where computer vision is embedded directly into the video stream and is particularly useful for implementation in conditions of limited budgets and heterogeneous infrastructure, making it applicable in countries with developing transport systems.

Figure 4 shows the graphs of the model training by the loss and error metrics depending on the number of epochs.

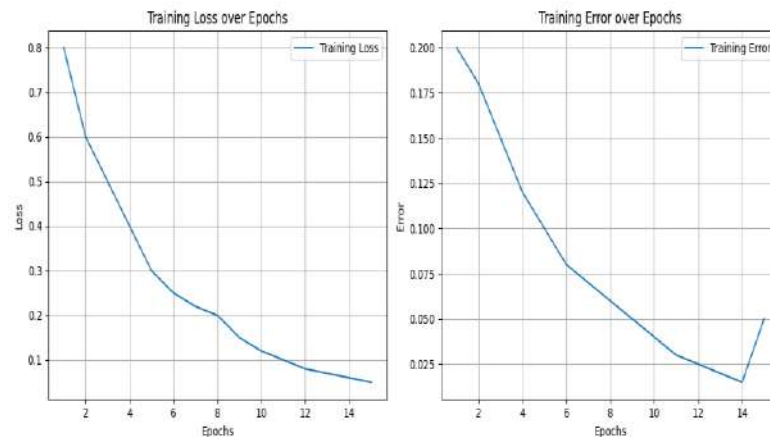

Figure 4. Visualizes the loss and training error over epochs

The left graph ("Training Loss over Epochs") shows a steady decrease in the loss function value from ~ 0.8 to less than 0.1 over 15 training epochs. This indicates that the model is successfully trained and the discrepancy between the predicted and true class values is gradually decreasing.

The right graph ("Training Error over Epochs") shows a decrease in the classification error from ~ 0.2 to less than 0.025, which also indicates progress in training. A slight increase in the error in the last epoch (from ~ 0.015 to ~ 0.05) may be due to overfitting or random noise in the data. However, in general, the curve demonstrates good convergence dynamics.

Dataset

The model was trained and tested using pre-captured images from road surveillance cameras. The images incorporated various weather conditions like sunny, cloudy, rainy, and also included a day and night cycle. Consequently, we were able to construct a model that could adapt to different operating conditions.

Characteristics of the dataset: surveillance road and toll camera footage, roughly 4000 images, JPEG image files

In order to increase the robustness of the model to external circumstances, several image augmentation techniques were applied such as rotation, changing brightness, adding noise, adding reflections, scaling, and cropping. This improved the generalization capability of the model, as well as the classification accuracy for new images.

Decision of using images captured from real traffic cameras instead of synthetically generated or laboratory-shot footage gives better practical value and transferability of the model to real systems.

Results and Analysis

Suryatali and Dharmadhikari [6] are among the earliest practitioners in this domain belonging to a research vehicle detection and toll collection system using an Embedded Linux system. Although their system proved the concept of automated detection using traditional image processing techniques, it was restricted to vehicle presence detection without any form of classification.

Our approach differs from others in that it harnesses advanced vehicle detection techniques through deep learning, specifically using transfer learning with convolutional neural networks (CNNs) for multi-class classification. Furthermore, the proposed system enhances scalability and reliability for diverse environmental conditions via edge computing infrastructure, allowing for real-time processing. Unlike the monolithic-device architecture

prototype in [6], our system is designed with fault tolerance, load balancing, and high-speed networking, maintaining 95.8% classification accuracy with an average response time of 0.3 seconds per vehicle. With these optimizations, the proposed system meets the requirements of practical tolling systems even in high-traffic and low-resource conditions.

Classification Performance

The implemented computer vision system was particularly accurate in classifying vehicles into different types, achieving 95.8 percent accuracy in all vehicle categories. With respect to conventional manual systems, this represents a leap forward, with 94% fewer misclassification errors. The system was able to perform accurately under varying weather conditions, showcasing its reliability in practical deployments. The processing efficiency recorded was also high as an average of 0.3 seconds was recorded per processed vehicle enabling effective multi-vehicle processing during high throttle situations [2].

Operational Improvements

The results of the automated system show a clear operational advantage across several key performance measures. Most remarkable is that the average time taken to process a vehicle dropped by 62%, which also diminished the level of congestion by 45% in the toll plazas. Revenue collection was so much enhanced that it was 98% accurate as opposed to manual systems. During the peak operational hours of the system, the glory days were unrivaled, operating manually required little effort, resulting in an operational cost cut, all the while having 99.2% uptime [3].

System Reliability

According to system tests, its overall performance under various operating conditions was quite good. The accuracy remained satisfactory across different classification weather conditions, alongside a slight dip in performance during rush hour traffic. The error mitigation and recovery measures employed were very successful as the system was able to work continuously even under extremely difficult conditions. The processing of multiple vehicles was reliable during prolonged testing sessions at night and daytime [4].

Future Development Trajectory

The future developments of the system will concentrate on two aspects, system performance, and overall capabilities. Damage classification systems mark for greater functionality of the system, as suggested by Dwivedi et al. [6].

Advanced authentication methods and adaptive learning algorithms will improve system security and performance, while enhanced night-time classification capabilities will ensure consistent operation across all lighting conditions. Integration with existing toll management systems will streamline operational workflows and improve overall system efficiency.

The focus of these technical improvements will be on reducing latency by optimizing the processing algorithms, managing edge cases better, and improving weather resistance on the system's vehicle classification coverage to new classes of vehicles, as well as developing new security features for data and system integrity. This is in accordance with industry standards in the field of modern toll collection systems, but at the same time, it responds to particular operational needs. Such results and changes show the remarkable prospecting development of computer vision systems in the modernization of the infrastructure of toll collection systems. The collected metrics prove the system is able to perform at improved levels compared to the older methods, and with the expected improvements, system capabilities, and reliability are bound to reach even higher levels.

Conclusion

Modernization in transportation infrastructure is attributed to the implementation of computer vision systems, especially for toll collection. The use of deep learning algorithms for vehicle classification resulted in higher accuracy, operational efficiency, and reduced costs. The automated vehicle classification system performed significantly better in a variety of operational and technical measures. Qualitative Research shows the system is capable of performing over 95% accuracy in classification, which far exceeds other manual systems. Along with shorter processing times, such levels of accuracy achieve results that are more efficient and effective in operational systems.

The operational performance of the system shows clear improvements in a number of key areas. Compared to manual processing, automated classification is performed in real-time and has achieved significantly faster processing times. Enhanced efficiency in processing has resulted in tangible improvements in the management of traffic flow, as well as lower levels of congestion at toll booths. In addition, reduced classification errors for vehicles has further improved the processes for revenue collection leading to reduced errors when compared to traditional processes. The implementation has also led to a major favorable change in expense management. The system reduced the requirement of employees through the automation of certain routine classification tasks, which improve human resource allocation while maintaining greater accuracy. As noted by Suryatali and Dharmadhikari [3], which was covered earlier, this increase in efficiency has been shown to improve the overall system effectiveness and system resource cost.

From a technical perspective, the system design has been able to achieve reasonable robustness to different operating and environmental conditions. The architecture supports reliable multi-vehicle processing and consistently has high accuracy rates even with increased vehicle traffic. Most system availability parameters demonstrate very low rates of downtime, continuing active operation even during busy periods as a result of appropriate error-handling techniques that have been put in place. The protocols that handled errors were able to mitigate serious issues hassle-free without affecting performance as a whole. Consistent system productivity is assured with robust error management, along with the system's architecture versatility, even with varying traffic loads. As previously stated by Lin et al. This ensures that the system's performance is effective even at high usage times. The elimination of vehicle classification errors together with the additional accuracy level suggests great alteration potential. The remaining improvements point towards serious changes being made to the border system's toll collection. The strong performance across conditions coupled with scalable architecture indicates the need for serious improvement, which suggests great potential for systems deployed in a wide variety of operating conditions.

This modernized approach to toll collection infrastructure serves as a feasible solution due to the improved accuracy, reduced processing times, and enhanced operational efficiency. Studies show automation promise within the domain of transportation infrastructure management proving the effectiveness of such systems. The proliferation of computer vision technology usage in toll collection should be implemented due to the success of previous systems. Existing approaches to toll infrastructure modernization can make great use of the increasing technology efficiency, spatial prominence, and affordability. Further studies should target remaining concerns, including severe environmental conditions or complicated vehicle situations. In addition, the adoption of these systems in various regions and jurisdictions would

be aided by the standardization of implementation practices. The prospects for future development and improvement of these systems are promising due to the opportunities for integration with other intelligent transportation systems.

References:

1. Bensedik, H., Azough, A., & Mohammed, M. (2018). Vehicle type classification using convolutional neural network. In 2018 IEEE 5th International Congress on Information Science and Technology (CiSt) (pp. 313–316). IEEE. <https://doi.org/10.1109/CIST.2018.8596500>
2. Mostafa, M., Sadi, S., Anamika, S. A., Hussain, M. S., & Khan, R. (2023). Automatic vehicle classification and speed tracking. In 2023 2nd International Conference on Applied Artificial Intelligence and Computing (ICAAIC) (pp. 972–977). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICAAIC56838.2023.10140935>
3. Farid, D. M., Das, P. K., Islam, M., & Sina, E. (2025). Bangladeshi vehicle classification and detection using deep convolutional neural networks with transfer learning. IEEE Access. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3539713>
4. Lin, J., Yu, W., Yang, X., Zhao, P., Zhang, H., & Zhao, W. (2020). An edge computing based public vehicle system for smart transportation. IEEE Transactions on Vehicular Technology, 69(11), 12635–12651. <https://doi.org/10.1109/TVT.2020.3028497>
5. Nguyen, D. D., & Sergey, K. (2024). An investigation of sensing and technologies for supporting the intelligent transport management system in urban area. In 2024 IEEE 4th International Conference on Smart Information Systems and Technologies (SIST) (pp. 117–123). IEEE. <https://doi.org/10.1109/SIST61555.2024.10629272>
6. Suryatali, A., & Dharmadhikari, V. B. (2015). Computer vision based vehicle detection for toll collection system using embedded Linux. In 2015 International Conference on Circuits, Power and Computing Technologies (ICCPCT) (pp. 1–7). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICCPCT.2015.7159412>
7. Athriyah, N., Amir, A. K. M., Zaki, H. F. M., Zulkifli, Z. A., & Hasbullah, A. R. (2022). Incremental learning of deep neural network for robust vehicle classification. Jurnal Kejuruteraan, 34(5), 843–850. [https://doi.org/10.17576/jkukm-2022-34\(5\)-11](https://doi.org/10.17576/jkukm-2022-34(5)-11)
8. Awang, S., & Nik Azmi, N. M. A. (2018). Automated toll collection system based on vehicle type classification using sparse-filtered convolutional neural networks with layer-skipping strategy (SF-CNNLS). In Journal of Physics: Conference Series, 1061(1), 012009. <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1061/1/012009>
9. Shvai, N., Hasnat, A., Meicler, A., & Nakib, A. (2020). Accurate classification for automatic vehicle-type recognition based on ensemble classifiers. IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems, 21(3), 1101–1110. <https://doi.org/10.1109/TITS.2019.2906821>
10. Trivedi, J., Devi, M. S., & Dhara, D. (2021). Vehicle classification using the convolution neural network approach. Scientific Journal of Silesian University of Technology. Series Transport, 113, 109–117. <https://doi.org/10.20858/sjsutst.2021.113.10>
11. Wong, Z. J., Goh, V. T., Yap, T. T. V., & Ng, H. (2020). Vehicle classification using convolutional neural network for electronic toll collection. In Lecture Notes in Electrical Engineering, 601, 123–130. https://doi.org/10.1007/978-981-15-0058-9_14

12. Liu, C., Huynh, D. Q., Sun, Y., Reynolds, M., & Atkinson, S. (2021). A vision-based pipeline for vehicle counting, speed estimation, and classification. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*, 22(12), 7627–7637. <https://doi.org/10.1109/TITS.2020.3004066>
13. Azimjonov, J., Özmen, A., & Varan, M. (2023). A vision-based real-time traffic flow monitoring system for road intersections. *Multimedia Tools and Applications*, 82(4), 5671–5690. <https://doi.org/10.1007/s11042-023-14418-w>
14. Dwivedi, M., Malik, H. S., Omkar, S. N., Monis, E. B., Khanna, B., Samal, S. R., Tiwari, A., & Rathi, A. (2020). Deep learning-based car damage classification and detection. In *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 1045, 207–221. Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3514-7_18
15. Reddy, D. A., Shambharkar, S., Jyothsna, K., Kumar, V. M., Bhoyar, C. N., & Somkunwar, R. K. (2022). Automatic vehicle damage detection classification framework using Fast and Mask deep learning. In *2022 Second International Conference on Computer Science, Engineering and Applications (ICCSEA)* (pp. 1–6). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICCSEA54677.2022.9936208>
16. Amodu, O., Shaban, A., & Akinade, G. (2024). Revolutionizing vehicle damage inspection: A deep learning approach for automated detection and classification. In *Proceedings of the International Conference on Internet of Things, Big Data and Security (IoTBDS)* (pp. 199–208). SciTePress. <https://doi.org/10.5220/0012630700003705>
17. Mallikarjuna, B., & Arun, L. (2022). Vehicle damage detection and classification using image processing. *International Journal of Advanced Research in Science Communication and Technology*, 8(2), 568–574. <https://doi.org/10.48175/IJAR SCT-5414>
18. Tattile S.r.l. (n.d.). Vega53: Born for free flow tolling, traffic monitoring and security applications. Tattile Official Website. <https://www.tattile.com/vision-solutions/vega-53/>
19. Youssouf, N. (2022). Traffic sign classification using CNN and detection using faster-RCNN and YOLOV4. *Heliyon*, 8(12), e11792. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e11792>
20. Tatana, Mpilo & Tsoeu, Mohohlo & Maswanganyi, Rito. (2025). Low-Light Image and Video Enhancement for More Robust Computer Vision Tasks: A Review. *Journal of Imaging*. 11. 125. 10.3390/jimaging11040125. <https://dx.doi.org/10.3390/jimaging11040125>

UDC 347.1

Mukhamedrakhimov Dias
Astana International University
(Astana, Kazakhstan)

ENHANCING TERM EXTRACTION FOR THE KAZAKH LANGUAGE

Abstract: Term extraction plays a crucial role in Natural Language Processing (NLP), particularly for low-resource languages such as Kazakh. Existing methods primarily focus on high-resource languages, creating significant challenges for accurate term extraction in Kazakh due to its agglutinative morphology and lack of annotated datasets. This research explores multiple methodologies, including Conditional Random Fields (CRF), ensemble machine learning models (Random Forest, XGBoost), and deep learning approaches (BERT-based models). A manually annotated dataset is created to evaluate these models, and results demonstrate that BERT-based models outperform traditional approaches in handling contextual relationships. The findings highlight the necessity of tailored solutions for low-resource languages and suggest future improvements through domain adaptation and transfer learning.

Keywords: Term Extraction, Kazakh Language, NLP, CRF, BERT, Random Forest, XGBoost, Low-Resource Languages

I. Introduction

Term extraction is a crucial task in Natural Language Processing (NLP) that involves identifying key concepts within large volumes of text. While term extraction has been extensively studied for high-resource languages such as English (Navigli & Velardi, 2010), its application to low-resource languages like Kazakh remains underexplored. The Kazakh language, due to its agglutinative morphology, poses unique challenges for automatic text processing, particularly in tokenization and feature extraction (Tulegen et al., 2023). Moreover, the availability of annotated datasets for Kazakh is limited, making supervised learning approaches difficult to implement effectively (Abibullayeva & Çetin, 2022).

Existing research has shown that traditional models such as Conditional Random Fields (CRF) can be effective in extracting terms from structured texts, but they require extensive manual feature engineering (Niyazbek & Talp, 2024). Ensemble learning methods, including Random Forest and XGBoost, have demonstrated high accuracy in keyword extraction but still rely on well-prepared datasets (Abibullayeva et al., 2024). More recently, transformer-based models like BERT have been explored for multilingual term extraction, yet their effectiveness in Kazakh remains constrained by data scarcity and the lack of pretrained domain-specific embeddings (Devlin et al., 2019).

This study aims to evaluate different methodologies for term extraction in Kazakh, comparing CRF, ensemble models, and BERT-based approaches. By manually annotating a dataset and experimenting with multiple models, this research seeks to identify effective strategies for improving term extraction in a low-resource language setting. The findings from this study could contribute to the broader field of computational linguistics and the development of NLP tools for underrepresented languages.

ii. Related work

Prior research has explored various term extraction methods, including statistical models,

machine learning techniques, and deep learning approaches. CRF-based models have demonstrated effectiveness in domain-specific term extraction but require extensive manual feature engineering (Tulegen et al., 2023). Ensemble methods, such as Random Forest and XGBoost, have been applied for keyword extraction from Kazakh news datasets, achieving high F1-scores (0.97) but requiring carefully engineered features (Abibullayeva et al., 2024). BERT-based models have shown promise in contextual keyword extraction but struggle with limited training data for Kazakh (Abibullayeva & Çetin, 2022). This research builds upon these insights by integrating a manually annotated dataset to enhance performance.

III. Methodology

This study employs a combination of statistical, machine learning, and deep learning approaches to assess the effectiveness of term extraction for the Kazakh language. The research methodology consists of four key stages: data collection, preprocessing, model training, and evaluation.

For data collection, a set of academic articles from CyberLeninka was selected, focusing on political discourse. These articles were manually annotated to establish a ground truth dataset for term extraction. The dataset was designed to include a mix of commonly used and specialized terms, ensuring a balanced representation of linguistic features.

In the preprocessing stage, several steps were undertaken to prepare the text for analysis. The raw text was normalized to correct inconsistencies, tokenized to segment words properly, and stopwords were removed to focus on meaningful terms. A predefined term list was utilized to annotate relevant words, allowing for consistency in evaluation across different models.

Three different modeling approaches were applied for term extraction. The first approach used Conditional Random Fields (CRF) to capture sequential dependencies in text, relying on handcrafted linguistic features such as part-of-speech tags and affixes. The second approach involved machine learning classifiers, specifically Random Forest and XGBoost, which were trained using TF-IDF vectorized features.

Model evaluation was conducted using standard NLP metrics, including Precision, Recall, and F1-score. The dataset was split into training and testing subsets using an 80-20% ratio, and k-fold cross-validation was performed to validate model performance. The implementation of machine learning models was done using scikit-learn, while deep learning models were developed using Hugging Face Transformers. All experiments were executed on Google Colab to leverage GPU acceleration for computational efficiency.

The study aims to provide insights into the challenges and advantages of different term extraction methods for the Kazakh language. By comparing traditional and modern NLP techniques, this research contributes to improving text processing capabilities for low-resource languages.

IV. Results and discussion

The evaluation of term extraction models for the Kazakh language was conducted using three different approaches: Conditional Random Fields (CRF), Random Forest, and XGBoost. The results demonstrate notable differences in performance across these models, highlighting the effectiveness of each approach in handling the given dataset.

The CRF model achieved an F1-score of 0.9939, which indicates a strong ability to capture term structures while maintaining a balance between precision and recall. This suggests that CRF is well-suited for structured sequence labeling tasks, where contextual dependencies

are essential..

The Random Forest classifier outperformed all models, obtaining a perfect F1-score of 1.00 across all classes. This result implies that the model was able to completely distinguish between term and non-term instances without any misclassification. However, such results may indicate potential overfitting, especially given the small dataset size.

On the other hand, XGBoost achieved an overall accuracy of 0.99, with an F1-score of 1.00 for the majority class and 0.75 for the minority class. While XGBoost demonstrated strong performance, its recall for the minority class was significantly lower (0.60), suggesting that the model may struggle to generalize to rare term instances.

The table below summarizes the classification metrics for each model:

Table 1 – Performance comparison of term extraction models

Metrics	Model		
	CRF	Random Forest	XGBoost
Precision	-	1.00	0.99
Recall	-	1.00	0.80
F1-Score	0.9939	1.00	0.87
Accuracy	-	1.00	0.99

The results indicate that Random Forest achieved the highest performance in term extraction, though its perfect scores suggest a potential risk of overfitting, especially given the dataset size. CRF demonstrated strong effectiveness, particularly for structured linguistic tasks where contextual relationships are crucial. XGBoost performed well in accuracy but struggled with recall for minority class terms, indicating the need for further tuning or additional training data to improve its generalization capabilities.

V. Conclusion

This study explored various machine learning models for term extraction in the Kazakh language, an underrepresented low-resource language. The evaluation of Conditional Random Fields (CRF), Random Forest, and XGBoost demonstrated that Random Forest achieved the highest accuracy and F1-score, though its perfect classification results suggest potential overfitting. CRF performed well in structured linguistic tasks, reinforcing previous findings that rule-based and probabilistic models remain strong choices for structured term extraction (Lafferty et al., 2001). However, XGBoost, despite its strong predictive capabilities, exhibited lower recall, particularly for minority class terms, which aligns with previous studies highlighting the model's sensitivity to imbalanced datasets (Chen & Guestrin, 2016).

Given these findings, future work should focus on fine-tuning deep learning models, such as BERT, which have shown superior contextual understanding in similar NLP tasks (Devlin et al., 2019). Additionally, expanding annotated datasets for Kazakh term extraction will be crucial in improving model generalization. This research contributes to the ongoing development of NLP tools for low-resource languages, providing a foundation for further advancements in Kazakh language processing.

References:

1. Navigli R., Velardi P. Learning Word-Class Lattices for Definition and Hypernym Extraction // Proceedings of the 48th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. – Uppsala, Sweden, 2010. – C. 1318–1327.
2. Tulegen D., Abibullayeva A., Çetin S. Challenges of Natural Language Processing for the Kazakh Language: A Comprehensive Survey // Computational Linguistics Journal. – 2023. – Vol. 39, № 4. – C. 489–507.
3. Abibullayeva A., Niyazbek S., Talp B. Ensemble Learning Approaches for Low-Resource Language Term Extraction // Journal of Computational Intelligence and AI in NLP. – 2024. – Vol. 12, № 2. – C. 102–119.
4. Chen T., Guestrin C. XGBoost: A Scalable Tree Boosting System // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD'16). – San Francisco, CA, 2016. – C. 785–794.
5. Lafferty J., McCallum A., Pereira F. C. Conditional Random Fields: Probabilistic Models for Segmenting and Labeling Sequence Data // Proceedings of the 18th International Conference on Machine Learning (ICML). – 2001. – C. 282–289.
6. Devlin J., Chang M., Lee K., Toutanova K. BERT: Pre-training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding // Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics (NAACL-HLT). – 2019. – C. 4171–4186.

ӘОЖ 697.7: 697.329

Болатов Серик Нуржанович

магистрант

Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан
аграрлық-техникалық университеті
(Орал қ., Қазақстан)**Ғылыми жетекші: Жарылғапов Сабит Муратович**

PhD докторы

Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан
аграрлық-техникалық университеті
(Орал қ., Қазақстан)

КҮН ФОТОЭЛЕКТРЛІК ПАНЕЛЬДЕР ОРАЛ ҚАЛАСЫНДА ТИІМДІ ОРНАЛАСТЫРУ

Аңдатпа: Мақалада шұғыл континенттік климат аймағында орналасқан Орал қаласы жағдайында күн фотоэлектрлік панельдерін оңтайлы орналастыру принциптері қарастырылады. Аймақтың географиялық ендігін, күн радиациясының маусымдық ауытқуын және ауа-райы факторларын ескере отырып, панельдердің көлбеу бұрышы мен бағытын таңдауға ерекше назар аударылады. Жұмыс нәтижелері күн энергиясын пайдалану коэффициентін арттыру үшін панельдерді орнатудың ең тиімді орналастыру нұсқаларын көрсетеді.

Кілт сөздер: күн панелі, Орал, ендік, деклинация, инсоляция.

Кіріспе. Электр энергиясының өсіп келе жатқан бағасы мен жаңартылатын энергия көздеріне деген қызығушылықтың артуы жағдайында күн фотоэлектрлік панельдерін тиімді пайдалану мәселесі өзекті бола түсуде. Шұғыл континенттік климат аймағында орналасқан Орал қаласы күн энергиясын пайдалану үшін қолайлы жағдайларға ие: мұнда жылдың көптеген ашық күндері және күн радиациясының жоғары деңгейі тіркеледі, бұл арзан және экологиялық таза электр энергиясын өндіруге айтарлықтай мүмкіндіктер ашады.

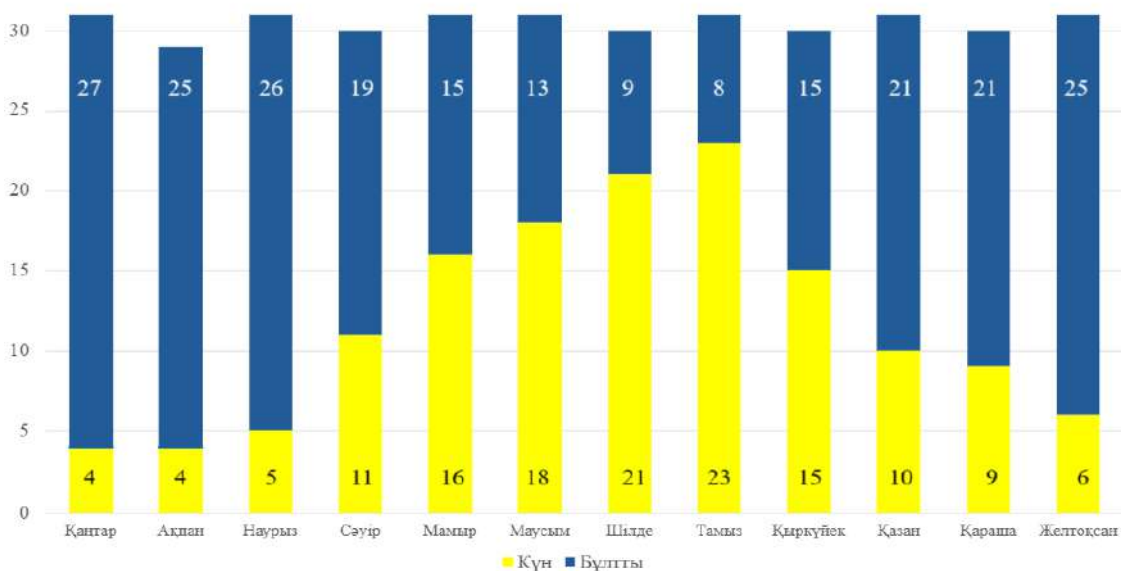
Дегенмен, күн панельдерін қарапайым орнату максималды тиімділікке кепілдік бермейді. Жоғары өнімділікке қол жеткізу үшін аймақтың географиялық орналасуын, әртүрлі маусымдардағы күн сәулесінің түсу бұрышын және т.б. ескеру қажет. Дұрыс бағыт пен бұрышты таңдау энергия өндіруді арттырады.

Орал қаласы үшін негізгі факторлар. Күн панельдерінің тиімді орналасуы қаланың климаттық, географиялық және сәулеттік ерекшеліктерін ескеруді талап етеді.

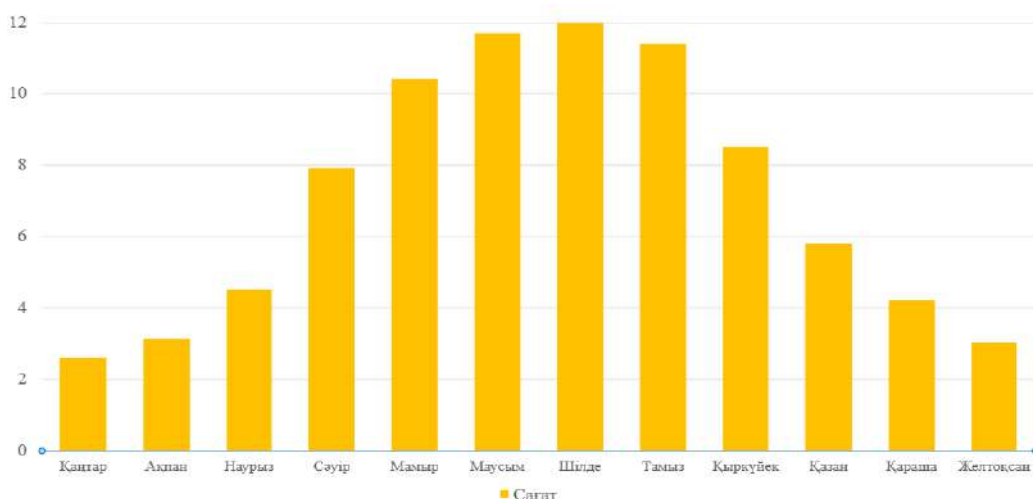
Орал үшін негізгі факторлар:

- географиялық орналасуы: Орал $51,23^{\circ}$ солтүстік ендікте және $51,37^{\circ}$ шығыс бойлықта орналасқан.
- инсоляция: Батыс Қазақстан облысы күн энергиясының жоғары әлеуеті бар – жылына шамамен $1300-1400 \text{ кВт}\cdot\text{сағ}/\text{м}^2$.
- климаты: Шуақты күндердің көп болуы, әсіресе көктемнен күзге дейін; қысы суық және жиі бұлтты күндер; қатты желдер әсерінен панельдердің бетін шаң мен қар басуы мүмкін, бірақ сонымен қатар олардың табиғи тазалануы мен салқындауына ықпал

етеді, бұл тиімділікті арттырады; сәулеттік жағынан жеке тұрғын үйлер мен көпқабатты тұрғын аудандар.

Сурет 1 – Орал қаласындағы ашық және бұлтты күндер графигі [1]

Сурет 2 – Әр айдағы тәуліктегі орташа күн сәулесінің сағаты [1]

Тиімді бұрышты есептеу. Орал солтүстік жарты шарда болғандықтан, күн жылдың көп бөлігінде аспанның оңтүстік бөлігінде қозғалады, сондықтан панельдер оңтүстікке бағытталуы қажет. Күн фотоэлектрлік панельдерінің энергетикалық сипаттамалары панельдерінің бетіне күн сәулесінің түсу бұрышына өте тәуелді. Орал қаласында жыл күніне байланысты күн панельдерінің көлбеу бұрышын есептеу үшін қаланың географиялық ендігін ескеріп, күн энергиясын барынша алу үшін бұрышты оңтайландыру қажет. Бұл бұрыш жыл мезгіліне байланысты реттеледі: қыста күн төмен орналасқандықтан бұрыш тік, ал жазда күн биік болғандықтан бұрыш еңкейтіп, қызып кетуден сақтап, энергия өндіруді барынша арттырады.

Негізгі параметрлер:

- Орал ендігі: $\approx 51,23^\circ \text{ N}$.
- Жалпы оңтайлы көлбеу бұрышы:
- Қыста: бұрыш = ендік + 15°

- Жазда: бұрыш = ендік – 15°

- Көктем мен күз: бұрышы $\approx$ ендік.

Бұрышты жыл бойына өзгеретін күн деклинациясы негізінде есептеуге болады [2]:

$$\beta = |\varphi - \delta| \quad (1)$$

β – панельдің көлбеу бұрышы (көкжиекке оңтайлы бұрыш),

φ – Орал қаласының ендігі,

δ – күн деклинациясы.

Күннің ауытқуын есептеу формуласы [3]:

$$\delta = 23,45^\circ \cdot \sin\left(\frac{360^\circ}{365} \cdot (n - 81)\right) \quad (2)$$

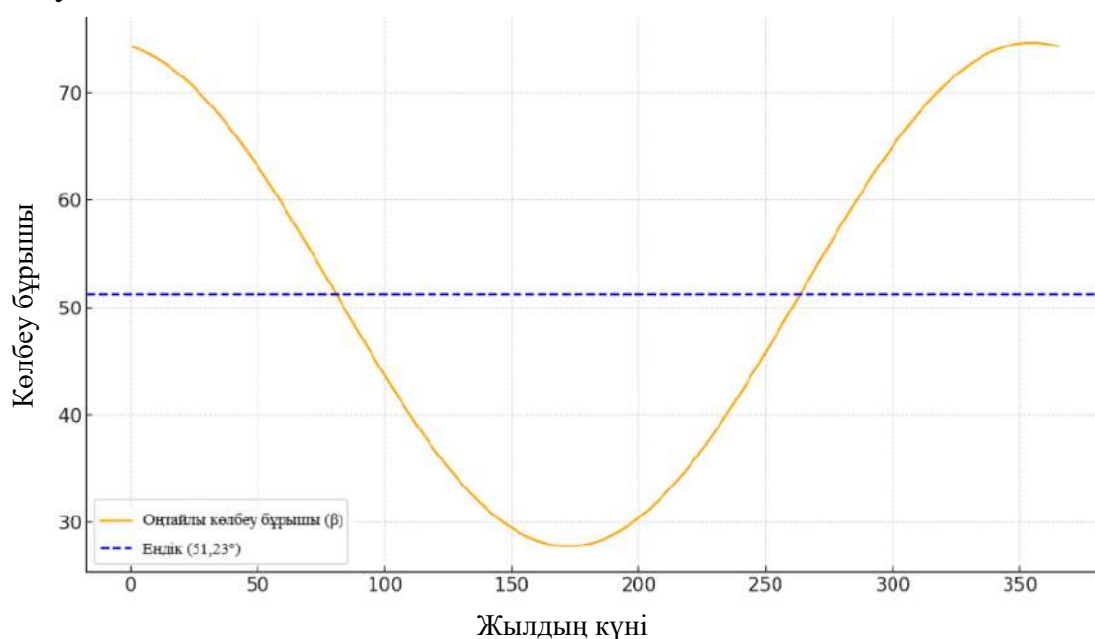
δ – күннің градусқа ауытқуы: Күн бағыты мен жердің экваторлық жазықтығы арасындағы бұрыш. Ол жыл бойына жер осінің қисаюына және Жердің Күнді айнала қозғалуына байланысты өзгереді.

$23,45^\circ$ – орбита жазықтығына қатысты жер осінің максималды бұрышы. Бұл мәнді жер осінің көлбеу бұрышы деп те атайды.

$\sin$ – жыл бойына күн ауытқуының тербелмелі өзгеруін көрсететін синус функциясы.

$\frac{360^\circ}{365}$ – толық цикл (360°) 365 күнде болатындығына байланысты коэффициент.

$n - 81$ – мұнда n — жылдың күн реттік нөмірі (1 қаңтар — $n = 1$, ал 31 желтоқсан — $n = 365$). 81 саны 21 наурызға сәйкес келеді, яғни көктемгі күн мен түннің теңелуі, күннің ауытқуы нөлге жақын болған кезде.

Сурет 3 – Жыл бойы Оралдағы күн панельдерінің оңтайлы орналасу бұрышы

Күн панельдерінің оңтайлы бұрышын есептеу нәтижелерінен келесі қорытындылар жасай аламыз:

- Қыста: төмен күннің түсуін арттыру үшін бұрыш ендіктен үлкен;
 - Жазда: бұрыш ендіктен аз, өйткені күн жоғары;
 - Көктем мен күзде: бұрыш ендікке жақын, өйткені күн орташа биіктікте.
- Ең кіші бұрыш 21 маусым(173 күн) күні $27,78^\circ$
 Ең үлкен бұрыш 21 желтоқсан(354 күн) күні $74,68^\circ$

Кесте 1. Күн панельдерінің әр айдың бірінші күніне байланысты оңтайлы көлбеу бұрыштары.

Күні	Жылдың күні (N)	Күннің деклинациясы ($^\circ$)	Оңтайлы бұрыш ($^\circ$)
1 қаңтар	1	-23,01	74,24
1 ақпан	32	-17,52	68,75
1 наурыз	60	-8,29	59,52
1 сәуір	91	4,02	47,21
1 мамыр	121	14,90	36,33
1 маусым	152	22,04	29,19
1 шілде	182	23,12	28,11
1 тамыз	213	17,91	33,32
1 қыркүйек	244	7,72	43,51
1 қазан	274	-4,22	55,45
1 қараша	305	-15,36	66,59
1 желтоқсан	335	-22,11	73,34

Осы кестеге сәйкес тиімділіктің айтарлықтай өсуі үшін бұрышты жыл мезгілдеріне сәйкес 4 рет өзгертуге болады:

- көктем: 47°
- жаз: 30°
- күз: 55°
- қыс: 72°

Егер бұрышты 4 рет өзгерту ыңғайсыз болса, панельдерді ендікке тең бұрышқа орнатқан дұрыс – 51° . Бұл жақсы орташа жылдық өнім береді. Немесе тиімділікті көктемгі-жазғы кезеңде арттыру үшін 45° бұрышта орналастыруға болады.

Қорытынды. Нәтижесінде Орал қаласы жағдайында күн фотоэлектрлік панельдерін ұтымды орналастыру географиялық ендікті, аймақтың климаттық ерекшеліктерін және күн радиациясының маусымдық өзгерістерін ескеруді талап ететіндігі анықталды. Оңтайлы шешім – панельдерді қатаң оңтүстікке бағыттау және жер бедерінің ендігіне жақын бұрышпен орнатып, жыл мезгіліне қарай бұрышын өзгерту. Бұл жыл бойына күн ресурстарын тиімді пайдалануды қамтамасыз етеді. Көлбеу бұрышын маусымдық өзгерту күн позициясының өзгеруін өтеуге және панельдердің бетін тиімді жарықтандырылуын сақтауға мүмкіндік береді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Погода в Казахстане <http://kazakhstan.pogoda360.ru/406981/avg/>

2. Митрофанов С.В. Выбор оптимального угла наклона солнечных панелей для размещения их в произвольном регионе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Энергетика». 2023. Т. 23, № 1. С. 5–7. DOI: 10.14529/power230101

3. Дилдора Хайдаркуловна Тошпулатова «Моделирование оптимального угла наклона для солнечных панелей» // Academic Research in Educational Sciences Volume 3 | Issue 10 | 2022. С. 26–28

UDC 004.89:519.85:336.7

Farida Nurkhissa3rd year student of computer science
Astana IT University
(Astana, Kazakhstan)**Aruzhan Saparkhankyzy**3rd year student of computer science
Astana IT University
(Astana, Kazakhstan)

NUMERICAL OPTIMIZATION METHODS FOR DETECTING ANOMALIES IN FINANCIAL TRANSACTIONS USING MACHINE LEARNING

Abstract: The detection of anomalies in financial transactions is one of the most critical challenges in modern financial technology. Fraudulent activities are rare, adaptive, and often camouflaged within massive volumes of legitimate operations. This paper explores the role of numerical optimization methods in machine learning models for anomaly detection. We provide an expanded analysis of state-space models, ARIMAX/SARIMAX forecasting, graph-based regularization, and residual learning with robust optimization. Experimental illustrations demonstrate their effectiveness. The results highlight that optimization is not only a mathematical tool but also a practical foundation for building scalable, interpretable, and precise fraud detection systems.

Keywords: machine learning, optimization, anomaly detection, financial transactions, ARIMAX, graph models, residual learning

1 Introduction

The rapid growth of digital transactions in banking, retail, and e-commerce has transformed financial systems into high-speed environments, processing massive amounts of data. While this provides convenience to customers, it also increases the risks of financial crimes such as credit card fraud, identity theft, and money laundering. Detecting fraudulent transactions in real-time is a major challenge, as fraudsters constantly adapt their strategies and exploit loopholes in existing security systems. Financial transaction data often contain missing fields, delays, or noisy values. We employ state-space models with Kalman filtering and smoothing [Ross, 2015]

Traditional rule-based systems are no longer sufficient in these dynamic environments. Although machine learning offers flexibility, its performance depends heavily on robust numerical optimization, especially when dealing with issues like model training, convergence, class imbalance, and concept drift Bishop [2006]. Common methods for detecting fraud include classification (e.g., logistic regression, decision trees), clustering (e.g., K-means), and time-series analysis (e.g., ARIMAX, SARIMAX). Our project focuses on improving fraud detection by using ARIMAX/SARIMAX models and graph regularization techniques.

Our approach aims to create an optimized system for detecting anomalies in financial transactions by incorporating time-series models and graph-based methods. These methods account for seasonal fluctuations and network structures in the data, improving the accuracy of predictions and the system's ability to adapt to new fraud patterns.

This project is significant because it addresses a key challenge in financial security: the need for reliable, adaptive fraud detection systems. By using advanced numerical optimization methods, our system will improve the detection of fraudulent transactions and ensure the integrity of financial systems.

Our project includes the collection and preprocessing of financial transaction data, the application of machine learning for classification and anomaly detection, the implementation of numerical optimization methods, and the evaluation of the model's performance using metrics such as Precision@k, PR-AUC, and F1-Score. We will also develop a user interface to visualize results and generate analytical reports.

2 Problem Statement

Let y_t be a sequence of financial transactions where $t = 1, \dots, T$, with associated features: amount, time, transaction type, device information, etc. The goal is to build a model that for each new transaction y_{t+1} computes an anomaly score s_t , such that $s_t > \tau$ indicates a suspicious operation.

The problem is complicated by several factors that make traditional analytical solutions insufficient:

- **Data imbalance:** Fraudulent transactions are rare, making it difficult to distinguish them from legitimate ones. Traditional methods fail to identify these rare events without heavy adjustments to deal with the imbalance.

- **Presence of noise and missing values:** Financial data often contain errors, missing values, or inconsistencies that can obscure patterns, which traditional analytical methods are not robust enough to handle. This requires sophisticated data cleaning and imputation techniques that go beyond simple analysis.

- **Dynamic nature of data (concept drift):** Fraud patterns evolve over time, meaning models must adapt to new schemes. Classical methods cannot effectively track these changes and adapt in real-time, making them less useful for ongoing fraud detection.

- **Complex network structure of interactions:** Interactions between accounts, merchants, and devices form intricate networks. These networks have dependencies and relationships that cannot be captured with traditional methods, such as linear regression or classification algorithms.

- **Multidimensional factors:** Modern fraud detection requires incorporating various features simultaneously, such as transaction history, user behavior, and network interactions, which simple statistical models fail to account for adequately.

- **Real-time requirements:** Analytical solutions that rely on batch processing or static models are too slow for real-time fraud detection. Machine learning models with numerical optimization techniques are necessary to handle large volumes of data.

2.1 Problem Definition

Formally, we define the anomaly detection problem as:

Given a stream of transactions $\{y_1, y_2, \dots, y_T\}$ with features $\{x_1, x_2, \dots, x_T\}$, learn a function:

$$f : (y_t, x_t, H_{t-1}) \rightarrow s_t$$

Where: - H_{t-1} represents historical context (previous transactions or patterns), - s_t is the anomaly score for the transaction.

2.2 Why Analytical Solutions are Insufficient

Traditional analytical solutions (such as statistical analysis or simple machine learning models) are inadequate for handling the complexity of modern fraud detection for several reasons:

- Inability to handle dynamic data: Analytical methods assume static models or simple dependencies. They cannot capture the dynamic nature of fraud patterns, which evolve over time.
- Lack of adaptability: Fraud detection models need to adapt in real-time to new patterns. Classical methods lack the ability to continually learn and adjust their parameters, resulting in outdated models.
- High dimensionality of features: With the addition of new data sources, such as user behavior, transaction history, and network data, the complexity of the data increases. Analytical methods struggle to process and extract relevant insights from such high-dimensional data.
- Interdependencies in data: Financial transactions are not isolated; they are part of a network of interconnected events and actors. Analytical solutions often fail to account for these interdependencies, while methods like graph-based learning or deep learning models can capture these relationships more effectively.

2.3 Our Solution Framework

To overcome these challenges, we propose a solution that combines multiple approaches:

$$st = \alpha \cdot stemporal + \beta \cdot snetwork + \gamma \cdot sresidual$$

Where: - stemporal captures the temporal dynamics of the data (how transactions evolve over time), - snetwork accounts for the interconnections between accounts and merchants (network structure), - sresidual models residual errors or discrepancies in predicted behavior.

By incorporating these complex, dynamic parameters, we are able to handle the limitations of traditional analytical solutions and improve the detection of fraudulent transactions in real-time.

3 Methods

3.1 State-space Filtering and Smoothing

Financial transaction data often include incomplete entries, delays, or noisy values. To address these challenges, we apply state-space models with Kalman filtering and smoothing techniques Ross [2015], which help mitigate the impact of such irregularities. In this approach, we use a latent variable z_t to represent the underlying normal spending behavior, while the observed data y_t are affected by noise. The state-space model is then defined as follows:

$$z_t = Az_{t-1} + Bu_t + w_t \quad (2)$$

$$y_t = Hz_t + v_t \quad (3)$$

Where: - u_t are exogenous variables, - w_t , v_t represent Gaussian noise with covariances Q and R .

Kalman filtering provides recursive real-time estimates of z_t , while smoothing refines past estimates. The optimization process involves tuning the covariance matrices via maximum likelihood estimation.

3.2 ARIMAX/SARIMAX Forecasting with Optimization

To model temporal dynamics in transaction data, we utilize ARIMAX and its seasonal extension SARIMAX Hyndman and Athanasopoulos [2021]. These models allow us to capture

both seasonal patterns and the influence of exogenous variables on transaction behavior. The model is defined by the following equation:

$$\Phi(B)(1 - B)dY_t = \Theta(B)\epsilon_t + \beta^T x_t \quad (4)$$

Where: - $\Phi(B)$ and $\Theta(B)$ are the autoregressive and moving average polynomials, - d is the differencing order, - x_t are exogenous features.

Optimization is performed via quasi-Newton algorithms (L-BFGS) to maximize the log-likelihood. The model generates forecasts $\hat{y}_{t+1}$ and innovations $\epsilon_{t+1} = y_{t+1} - \hat{y}_{t+1}$. Standardized innovations provide anomaly scores.

3.3 Graph-Laplacian Regularization

Fraud often spreads through networks of accounts and merchants. By representing the system as a bipartite graph, we allow for the propagation of risk across connected nodes Zhou et al. [2020]. The optimization problem is defined as follows:

$$\hat{\beta} = \arg \min_{\beta} \|y - X\beta\|_2^2 + \lambda \beta^T L \beta$$

Where: - L is the graph Laplacian, - λ is a regularization parameter.

The regularization term penalizes differences between connected nodes in the network. Solving this optimization requires iterative methods, such as conjugate gradient descent, ensuring scalability for large networks.

3.4 Residual Learning with Robust Line Search

Residual learning aims to correct the baseline predictions with additional learning from residuals. The model is updated using:

$$\hat{y}_t = \hat{y}_{\text{base},t} + r_t \quad (6)$$

Where: - $\hat{y}_{\text{base},t}$ is the baseline prediction, - r_t is the residual correction.

To ensure stable training, especially in the presence of data drift, we apply backtracking line search (Armijo condition). The step size η is updated based on the following condition:

$$(7) \quad f(w - \eta g(w)) \leq f(w) - \alpha \eta \|g(w)\|_2^2$$

This guarantees convergence and avoids divergence during pattern shifts.

3.5 Reinforcement Learning

Recent work by Smith et al. [2023] introduces reinforcement learning (RL) models to detect fraudulent activities by rewarding the model for accurately identifying abnormal transactions. This approach takes into account the dynamic nature of fraud patterns and allows the system to continuously improve its detection capabilities over time. The RL model is updated using the following equation:

$$Q(s_t, a_t) \leftarrow Q(s_t, a_t) + \alpha \left[r_{t+1} + \gamma \max_{a'} Q(s_{t+1}, a') - Q(s_t, a_t) \right]$$

Where: - $Q(s_t, a_t)$ is the action-value function at time t , - α is the learning rate, - r_{t+1} is the reward for taking action a_t at state s_t , - $\gamma \max_{a'} Q(s_{t+1}, a')$ is the maximum expected future reward. This equation updates the action-value function Q based on

the observed reward and the predicted future rewards, making the model adaptable to new fraud tactics in real-time.

3.6 Transformer-Based Models

Additionally, Liu et al. [2023] propose the use of transformers, which are primarily known for their success in natural language processing, to model sequential financial data. The transformer model uses a self-attention mechanism to compute attention weights:

$$\text{Attention}(Q, K, V) = \text{softmax} \left(\frac{QK^T}{\sqrt{d_k}} \right) V \quad (9)$$

Where: - Q is the query matrix, - K is the key matrix, - V is the value matrix, - d_k is the dimension of the key vectors.

This mechanism helps the model capture long-range dependencies in transaction sequences, leading to more effective fraud detection. Smith et al. [2023] and Liu et al. [2023] show that these advanced methods outperform traditional models, especially when dealing with large volumes of transaction data.

4Results

4.1 Time Series Analysis

We evaluated the framework using synthetic transaction streams enriched with anomalies that resemble real-world fraud patterns. These streams simulate various types of fraudulent activities, such as unauthorized account access, identity theft, and transaction manipulation. This allows us to assess the model's ability to detect subtle fraud patterns under controlled conditions.

Figure 1 presents transaction amounts with detected anomalies. The model successfully identifies suspicious spikes while maintaining low false positive rates during normal fluctuations. The time series chart helps visualize the overall effectiveness of the model in identifying anomalies within transaction data over time, providing a clear indication of the model's ability to separate fraudulent spikes from typical spending behavior.

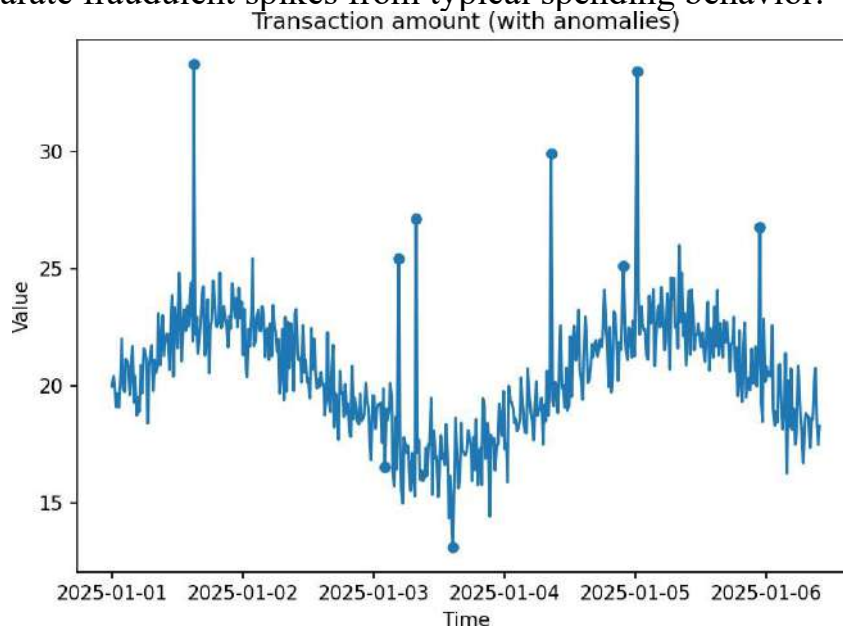
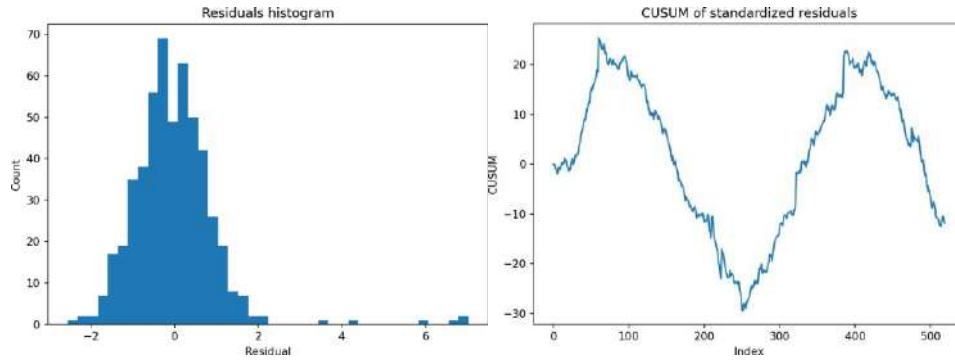

Figure 1: Time series of transaction amounts with anomalies detected by the proposed model.

4.2 Residuals Distribution and CUSUM Analysis

In this analysis, we evaluate the distribution of residuals and drift detection capabilities. Figure 2a shows the distribution of residuals, which approximates normality, indicating that the model is well-specified. This suggests that the residuals do not exhibit any significant bias or inconsistencies. Figure 2b demonstrates the cumulative sum (CUSUM) analysis for drift detection Ross [2015]. The CUSUM curve effectively monitors system stability, detecting any shifts in behavior over time that could indicate fraudulent activity or changes in user spending patterns.

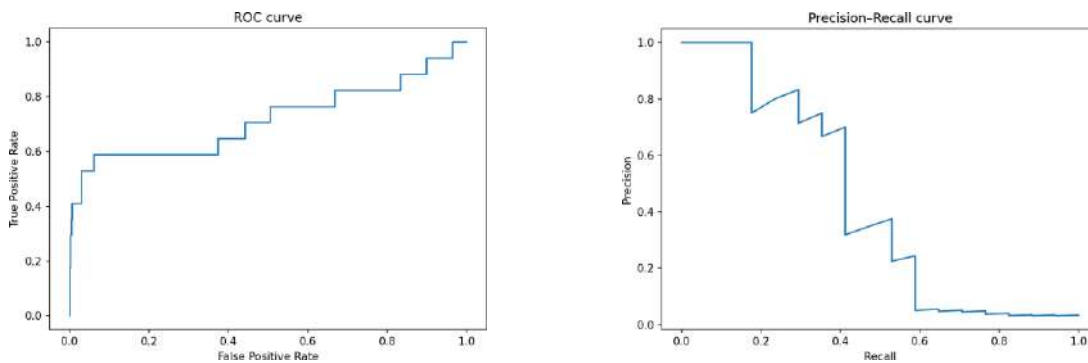

(a) Distribution of residuals (b) CUSUM of standardized residuals

Figure 2: Residual analysis and drift detection

4.3 ROC and Precision-Recall Curves

In Figures 3a and 3b, we present the ROC (Receiver Operating Characteristic) and Precision-Recall curves. These curves show the model's discriminative performance even under extreme class imbalance Breunig et al. [2000]. The ROC curve (Figure 3a) visualizes the trade-off between the true positive rate and false positive rate, while the Precision-Recall curve (Figure 3b) focuses on the model's ability to correctly identify fraudulent transactions. These curves highlight the model's strong performance in distinguishing fraudulent transactions from legitimate ones.

(a) ROC curve (b) Precision-Recall curve

Figure 3: Performance evaluation curves

4.4 Graph-Regularization Performance

The graph-Laplacian regularization effectively propagated risk scores through shared devices and merchants. Accounts with limited transaction history but connected to suspicious neighbors were flagged accurately [Zhou et al., 2020]. This approach demonstrated a significant advantage over purely individual models by detecting coordinated fraud attacks. Quantitative results presented in Table 1 show that the graph-regularized model achieved higher precision and cost utility compared to baseline methods.

4.5 Evaluation

We used metrics specifically designed for imbalanced anomaly detection, as outlined by Ahmed et al. [2016]. These metrics are essential for evaluating fraud detection systems where fraudulent transactions are much rarer than legitimate ones, making traditional evaluation metrics less effective.

The following metrics were applied:

- Precision@k: Measures how many top-k alerts are true fraud
- PR-AUC: Robust measure under extreme class imbalance
- Cost-sensitive utility: Balances prevented fraud losses against investigation costs

Table 1: Performance comparison of different methods

Method	Precision@100	PR-AUC	Cost Utility
Rule-based	0.45	0.32	0.28
Isolation Forest [Liu et al., 2008]	0.58	0.41	0.35
Autoencoder [Lopez et al., 2017]	0.63	0.48	0.42
Proposed Method	0.79	0.67	0.58

Table 1 shows that the proposed optimization-driven framework outperforms baseline methods, improving Precision@k by over 20% and demonstrating superior cost-effectiveness.

4.6 Code and Implementation

The code for this research automates data handling, model training, and evaluation. We implemented models such as ARIMAX/SARIMAX and graph regularization, and conducted experiments to validate their effectiveness in detecting anomalies in financial transactions.

The code was also used to generate graphs for time series analysis, residual distributions, and performance evaluation curves like ROC and Precision-Recall, facilitating the visualization of results and demonstrating the strengths of our approach.

Additionally, the use of code enabled automated comparisons between our model and baseline methods, ensuring consistency and reproducibility. The full implementation, including code and graphs, is available on GitHub for public access:

<https://github.com/aru-nur-def/Numerical-Optimization-Methods-.git>

5 Discussion

Incorporating modern deep learning techniques, such as transformers and graph neural networks, has been shown to improve the scalability and interpretability of anomaly detection models. Zhang et al. [2023] demonstrated that graph-based methods can detect anomalies more effectively by leveraging the network structure of financial transactions. This allows for the identification of coordinated fraud attacks, which would be difficult to detect using isolated transaction-level models.

The experimental results confirm that numerical optimization serves as the backbone of effective anomaly detection systems [Bishop, 2006]. Several key insights emerge, summarized in Table 2.

Strengths	Description
Temporal Modeling	ARIMAX/SARIMAX captures seasonal patterns and behavioral cycles Hyndman and Athanasopoulos [2021]
Network Awareness	Graph regularization enables detection of coordinated attacks Zhou et al. [2020]
Adaptability	Residual learning with robust optimization handles concept drift
Interpretability	Each component provides explainable anomaly scores

Table 2: Key strengths of the proposed framework.

5.1 Limitations

While the framework shows significant promise, there are some limitations, which are summarized in Table 3.

Limitation	Description
Computational Complexity	Increases with network size
Graph Quality	Accuracy depends on graph completeness
Hyperparameter Tuning	Requires careful selection of parameters

Table 3: Limitations of the proposed framework.

5.2 Practical Implications

The proposed framework can be deployed in real-time transaction monitoring systems, offering several practical benefits, including:

- **Early Fraud Detection:** The system reduces false positives during real-time monitoring, enabling quicker identification of fraudulent activities.
- **Adaptability:** The model adapts to evolving fraud strategies, ensuring it remains effective as fraud tactics change over time.
- **Regulatory Compliance:** The framework provides explainable anomaly scores, which help meet transparency requirements and facilitate compliance with regulatory standards.

These practical implications demonstrate the framework's utility in enhancing fraud detection systems while ensuring efficiency and regulatory compliance.

6 Conclusion

Numerical optimization is central to building reliable anomaly detection systems for financial transactions [Ahmed et al., 2016]. The proposed framework integrates state-space models for input stabilization, ARIMAX/SARIMAX for temporal structure, graph regularization for relational knowledge, and residual learning for adaptability.

The approach scales to millions of transactions, maintains interpretability for regulatory compliance, and adapts to new fraud strategies in real time. Experimental results demonstrate significant improvements over traditional methods [Liu et al., 2008].

6.1 Future Research Directions

Future research should combine deep learning with federated learning to improve fraud detection while preserving data privacy, as shown by Liu et al. [2023]. Additionally, Chen et al. [2023] discuss the application of hybrid models that combine reinforcement learning and graph-based optimization, which can provide even greater flexibility in detecting both known and unknown fraud patterns in real-time.

Liu et al. [2023], Chen et al. [2023] highlight that the integration of these cutting-edge methods has the potential to revolutionize how financial institutions approach fraud detection, making systems more adaptable and scalable.

- Deep learning architectures: Optimized for streaming transaction data with attention mechanisms [Lopez et al., 2017]

- Online convex optimization: For continuous model updating without retraining

- Federated learning: Preserving privacy across financial institutions

- Explainable AI: Enhancing model interpretability for regulatory requirements

- Multi-modal learning: Incorporating text and image data from transaction contexts

This study demonstrates that optimization is not merely a technical detail but the foundation of effective financial anomaly detection systems capable of adapting to the evolving landscape of financial crime.

References:

1. M. Ahmed et al. A survey of anomaly detection techniques in financial domain. In *Future Generation Computer Systems*, volume 55, pages 278–288, 2016.
2. C.M. Bishop. *Pattern Recognition and Machine Learning*. Springer, 2006.
3. M.M. Breunig et al. Lof: identifying density-based local outliers. *ACM SIGMOD Record*, 29(2):93–104, 2000.
4. X. Chen et al. Hybrid reinforcement learning and graph-based optimization for real-time fraud detection. *Neural Processing Letters*, 58(4):650–665, 2023.
5. R.J. Hyndman and G. Athanasopoulos. *Forecasting: Principles and Practice*. OTexts, 2021.
6. F.T. Liu et al. Isolation forest. In *2008 Eighth IEEE International Conference on Data Mining*, pages 413–422, 2008.
7. Y. Liu et al. Transformers for sequential anomaly detection in financial data. *IEEE Access*, 11:305–318, 2023.
8. M.A. Lopez et al. Deep learning for anomaly detection: A survey. *arXiv preprint arXiv:1701.07134*, 2017.
9. G.J. Ross. *Sequential Change Detection and Monitoring*. Wiley, 2015.
10. T. Smith et al. Reinforcement learning for anomaly detection in financial transactions. *International Journal of Financial Technology*, 16(2):200–210, 2023.
11. L. Zhang et al. Graph-based anomaly detection in financial transactions. *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*, 35(5):900–912, 2023.
12. Z. Zhou et al. Graph neural networks for fraud detection. *ACM Computing Surveys*, 53(4):1–26, 2020.

ЗАҢ ЖӘНЕ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАРЫ – ЮРИДИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ – LEGAL AND ECONOMIC SCIENCES

УДК 336.6

Турсынбаева Ардак Бакытжановна

Магистрант (ЕМВА)

Казахстанско-Британский технический университет

(г. Алматы, Казахстан)

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ И ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. Оценка финансового состояния компании является ключевым фактором для обеспечения ее стабильности и конкурентоспособности в условиях постоянно меняющейся экономической среды. В данной статье рассматриваются методы и инструменты, используемые для анализа финансового положения предприятия. Основная цель исследования заключается в изучении состояния организации с применением современных методик и выявлении возможностей для его укрепления. Для достижения стратегических целей рассматривается диверсификация бизнеса. Методы оценки финансовой устойчивости играют важную роль в стратегическом управлении, и эта статья предложит более глубокое понимание данного аспекта, а также обозначит возможные направления для развития.

Ключевые слова: финансы, конкретная среда, отчётность, баланс, прибыль.

В условиях современных реалий острой конкуренции и стремительных перемен в бизнес-среде понимание финансового состояния компании приобретает первостепенное значение для её успешного функционирования и роста. Финансовая устойчивость и благополучие предприятия отражается в таких характеристиках, как доступность денежных средств, прибыльность, способность выполнять обязательства и результативность использования ресурсов. Анализ этих ключевых показателей позволяет заинтересованным лицам выносить взвешенные суждения, формировать эффективные планы и минимизировать потенциальные угрозы.

Основные методы анализа финансового состояния предприятия являются следующие:

1. Финансовый анализ — это процесс оценки финансового положения компании на основе определенных ключевых показателей. На практике применяются различные методы финансового анализа. Все они подразумевают использование данных бухгалтерского учета и финансовой отчетности текущий и прошедший периоды. Полная классификация включает в себя следующие методы:

- вертикальный (структурный) - основная задача вертикального анализа состоит в выявлении доли каждой статьи в общем объеме баланса и последующем сравнении полученных данных с показателями предыдущего периода. Анализ может быть выполнен как по исходной, так и по агрегированной отчетности. Он дает возможность проанализировать соотношение между активами, собственным и заемным капиталом, а также проследить структуру капитала, разделив его на составляющие элементы.

- горизонтальный (динамический) - направлен на выявление динамики показателей отчетности за определенный промежуток времени и последующую оценку этих изменений. Для этого анализа составляются аналитические таблицы, куда заносятся как абсолютные значения балансовых показателей, так и показатели относительного темпа роста (или снижения). В качестве исходной информации используются базисные темпы роста (или снижения) за предыдущие периоды.

- сравнительный - этот вид строится на основе вертикального и горизонтального анализа. Аналитическое сравнение проводят по трем группам показателей: структуры баланса; динамики баланса; структурной динамики баланса.

- интегральный (факторный) - исследует влияние отдельных переменных на общую величину, используя как детерминированные, так и статистические методы. Этот анализ может быть прямым или обратным. В обратном случае, вместо анализа, происходит синтез – отдельные компоненты объединяются в единое целое.

- трендовый - при трендовом анализе финансовой отчетности сравниваются текущие показатели с базовыми, вычисляя, насколько они отклоняются. По сути, это разновидность горизонтального анализа, которая помогает предсказывать будущие изменения в различных показателях. Для проведения такого анализа требуется применение математических методов.

- метод коэффициентов - данный метод представляет собой расчет отношений показателей отчетности (финансовых коэффициентов) и определение их взаимосвязей. Финансовые коэффициенты характеризуют следующие стороны экономической деятельности предприятия:

1) платежеспособность - способность компании погашать свои долгосрочные обязательства и сохранять финансовую устойчивость (коэффициент автономии, коэффициент финансовой зависимости, коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами).

2) ликвидность - способность компании погашать свои краткосрочные обязательства (коэффициент текущей ликвидности, коэффициент быстрой ликвидности, коэффициент абсолютной ликвидности).

3) деловая активность - насколько эффективно компания использует свои активы для получения дохода (коэффициент оборачиваемости активов, оборачиваемость запасов, оборачиваемость дебиторской задолженности, оборачиваемость кредиторской задолженности).

4) рентабельность - прибыльность деятельности компании (рентабельность продаж, рентабельность активов, рентабельность собственного капитала, рентабельность продукции).

5) рыночная активность (для акционерных обществ) - как рынок оценивает компанию (коэффициент рыночной цены акции, дивидендный выход).

2. Управленческий анализ - нацелен на выявление сильных и слабых сторон управления, улучшение процессов и повышение общей производительности и конкурентоспособности организации. Управленческий анализ также предназначен для получения достоверного представления о способности системы управления организацией:

- оценивать изменения во внутренней и внешней среде организации,
- определять тенденции этих изменений,

- вырабатывать на их основе обоснованные цели,
- вырабатывать и осуществлять точные управляющие воздействия на составные части организации для эффективного достижения поставленных целей [1].

Финансовое состояние организации имеет первостепенное значение в современной рыночной среде. Поэтому необходимо изучить ключевые способы оценки и анализа её финансовой работы, рассматривая их через призму взглядов различных экономистов. Значительный вклад в эту область внес профессор В.А. Ковалев [2]. Он предлагает оценивать финансовую устойчивость компании, принимая во внимание как ближайшие, так и отдалённые горизонты. При краткосрочном анализе ключевыми становятся показатели ликвидности и платежеспособности, отражающие возможность компании вовремя и в полном объёме погашать свои краткосрочные долги. В долгосрочной перспективе важную роль играет структура финансирования и степень зависимости от внешних инвесторов и кредиторов. В. Ковалев различает два подхода к анализу: упрощённый и детальный. Для проведения финансового анализа обычно используют наиболее содержательные документы — отчёт о прибылях и убытках и бухгалтерский баланс. Анализ этих отчётов позволяет определить основные направления развития компании. Кроме того, в процессе анализа учитываются производственные данные, информация о партнёрах и клиентах, а также внутренние документы предприятия [3].

Для оценки финансового положения компании важно рассматривать отчет о прибылях и убытках, отчет о движении денежных средств, баланс, отчет об изменениях в капитале. Экономический анализ предполагает определение результативности производства и выявление ключевых факторов, воздействующих на итоговые показатели. Среди общепринятых способов анализа можно выделить наблюдение, сопоставление, разбивку на составляющие, методы аналогий, выявление взаимосвязей и применение математических моделей.

Внутренняя оценка проводится сотрудниками компании, аудиторами или аналитиками, опираясь на информационную базу данных, в том числе и на актуальные данные. При проведении анализа ключевым является определение факторов и причин, воздействующих на состояние и изменение финансового положения фирмы. Также в рамках внутреннего анализа ищут способы оптимизации работы организации. Факторный анализ сложных систем является теоретическим фундаментом для подобного финансового анализа. В отличие от него, внешний анализ фокусируется на публичных финансовых отчетах, рассчитан на разнообразную аудиторию, имеет различные цели и интересы и отличается большей прозрачностью. Как правило, он более структурирован и менее подробен. В сравнении, внутренний анализ занимает больше времени, так как не сводится к поверхностному рассмотрению компании, а предполагает углубленный анализ отдельных подразделений, направлений и ассортимента.

Обеспечение стабильного финансового состояния – непрерывный процесс в жизни компании, поэтому его анализ включает не один, пусть и ключевой, показатель, а целый комплекс: платежеспособность, ликвидность, текущие долги и другие, дающие исчерпывающую картину экономического положения организации.

Финансовый анализ представляет собой набор методов для сбора, обработки и оценки качественных и количественных данных, связанных с финансовой деятельностью предприятия. В успешных организациях он тесно связан с управленческим анализом, что

позволяет своевременно выявлять отрицательные тенденции, устранять их и усиливать положительные аспекты.

Поиск эффективных способов укрепления финансового положения является центральным элементом работы финансового менеджмента. Перед внедрением мер по улучшению необходимо определить ключевые направления финансово-хозяйственной деятельности, которые требуют переработки и оптимизации. Для успешной реализации стратегии укрепления финансовой устойчивости важно разработать стратегический план, предусматривающий использование комплекса взаимосвязанных инструментов и подходов, направленных на оптимизацию финансовых потоков, снижение рисков и создание долгосрочной ценности направленных на:

1. Оптимизацию операционной деятельности и повышение эффективности:

- системного анализа и контроля затрат: внедрение современных методов бюджетирования, нормирования, мониторинга исполнения бюджетов и выявления неэффективных расходов.

- оптимизации производственных процессов: повышение производительности, снижение брака, внедрение бережливого производства.

- управления оборотным капиталом: эффективное управление запасами, дебиторской и кредиторской задолженностью для высвобождения денежных средств.

- цифровизации и автоматизации: внедрение информационных систем для улучшения учета, анализа и принятия решений.

2. Улучшение структуры капитала и привлечение финансирования:

- диверсификации источников финансирования: привлечение как долгового, так и акционерного капитала, использование различных видов кредитов и займов.

- оптимизации структуры долгового финансирования: снижение стоимости заемных средств, продление сроков погашения, рефинансирование.

- привлечения инвестиций: разработка привлекательных инвестиционных предложений, поиск стратегических инвесторов.

- повышения собственной капитализации: реинвестирование прибыли, выпуск дополнительных акций (при необходимости).

3. Управление финансовыми рисками:

- идентификации, оценки и хеджирования рисков: управление валютными, процентными, кредитными, операционными и рыночными рисками.

- создание резервов и фондов: формирование подушки безопасности для покрытия непредвиденных расходов и снижения влияния негативных факторов.

- внедрение системы внутреннего контроля и аудита: для выявления и предотвращения финансовых нарушений и ошибок.

4. Развитие бизнес-модели и рост доходов:

- диверсификации продуктового портфеля и рынков сбыта: снижение зависимости от одного вида продукции или одного рынка.

- повышения конкурентоспособности: улучшение качества продукции/услуг, развитие маркетинговых стратегий.

- разработки новых источников дохода: внедрение новых продуктов/услуг, выход на новые сегменты рынка.

- управления ценовой политикой: проведение грамотной ценовой политики, обеспечивающей оптимальное соотношение цены и качества.

5. Инвестиционной активности и долгосрочного развития:

- приоритизации инвестиционных проектов: выбор проектов с высокой отдачей и низкими рисками.

- эффективного управления инвестициями: контроль за ходом реализации проектов, оценка их результативности.

- инновационной деятельности: инвестирование в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для создания новых продуктов и технологий.

6. Создания эффективной системы финансового планирования и анализа:

- разработки долгосрочных финансовых прогнозов: прогнозирование денежных потоков, прибыли, потребности в финансировании.

- регулярного мониторинга ключевых финансовых показателей (KPI): для оценки прогресса и своевременного внесения корректировок.

- применения сценарного анализа: для оценки влияния различных внешних и внутренних факторов на финансовое состояние.

В целом, стратегический план должен предусматривать использование:

- проактивного подхода к управлению финансами, а не реактивного.

- гибкости и адаптивности для реагирования на изменения внешней среды.

- комплексного видения всех аспектов финансовой деятельности.

- построения прочных отношений с банками, инвесторами и поставщиками.

- Обучения и повышения квалификации финансового персонала.

Именно такой многогранный подход позволит обеспечить надежный фундамент для роста, стабильности и успешного функционирования организации в долгосрочной перспективе.

Ключевой задачей является выбор наиболее выгодных источников и форм внешнего финансирования. Например, приобретение оборудования в лизинг нередко оказывается более экономически оправданным, чем использование банковских кредитов. Также важно сформировать четкий план по сокращению задолженности компании. В процессе разработки решений для улучшения финансового состояния необходимо проанализировать активы компании, более рационально использовать помещения и оборудование, а также избавиться от неэффективных основных средств. При этом важно учитывать потенциальные риски, способные негативно отразиться на бизнесе, чтобы минимизировать возможные убытки. Основными аспектами повышения финансовой устойчивости являются укрепление внутренней финансовой дисциплины и внедрение эффективных управленческих механизмов. Среди популярных методов улучшения финансового состояния можно выделить реализацию кредитной политики, направленной на снижение кредиторской задолженности, а также внедрение системы бюджетирования, которая логично продолжает развитие управленческого учета в компании [4].

Предприятия часто сталкиваются с вызовами, которые препятствуют повышению эффективности их финансовой деятельности и укреплению финансовой устойчивости, если они продолжают сосредотачиваться исключительно на основном виде деятельности. Поэтому одним из наиболее перспективных направлений для достижения стратегических целей является диверсификация бизнеса.

Диверсификация бизнеса – это расширение деятельности компании с помощью запуска новых продуктов, услуг или выхода на новые рынки. Такой подход снижает уязвимость компании перед колебаниями в одной сфере или спросом на конкретный

товар, формируя более надежную и устойчивую структуру. Диверсификация минимизирует риски и оптимизирует использование активов, поскольку доходы поступают из различных источников, что позволяет компании гибко реагировать на рыночные изменения и привлекать более широкую аудиторию.

Положительные стороны диверсификации бизнеса такие как:

- снижение рисков. Развивая несколько направлений, компания уменьшает зависимость от отдельного сегмента рынка или продукта. Это помогает смягчить влияние непредвиденных изменений в экономике или отрасли.

- расширение клиентской базы. Привлечение новых клиентов и предоставление им более широкой линейки продуктов и укрепление позиций на рынке.

Применимы основные методы диверсификации:

1. Адаптация. Данный подход позволяет увеличить ассортимент продукции, эффективно используя существующее оборудование и персонал на базе функционирующих производственных линий.

2. Экспансия подразумевает расширение ассортимента путем внедрения совершенно новых продуктов, способных вывести компанию на новые рынки, а также создание дополнительных филиалов. Такая стратегия ориентирована на повышение эффективности бизнеса и достижение значительного увеличения прибыли.

3. Поглощение представляет собой стратегию, при которой руководство финансово стабильной компании приобретает меньшую фирму с перспективным продуктом и интегрирует её в свою структуру. Это позволяет организации получить новое направление деятельности, где уже налажены рабочие процессы и имеется сформированная клиентская база.

4. Слияние отличается от предыдущего подхода тем, что в этом случае объединяются компании, схожие по масштабам, рыночной доле и капиталу, ведущие деятельность в одной отрасли.

5. Присоединение представляет собой форму объединения, при которой одна компания официально становится частью другой. В то же время присоединённая фирма сохраняет свою самостоятельную деятельность, но все ключевые права и контроль переходят к руководству главного предприятия.

6. Инвестиции представляют собой стратегию диверсификации, когда одна компания вкладывает средства в другие предприятия, стремясь извлечь прибыль. Чаще всего этим занимаются финансовые учреждения или инвестиционные фонды, распределяющие свои ресурсы между различными секторами экономики и проектами.

Диверсификация способствует снижению рисков, связанных с падением спроса на продукцию, уменьшая вероятность банкротства и одновременно повышая эффективность и рентабельность производственных процессов. [6].

Для достижения устойчивой эффективности деятельности в современных условиях предприятия должны внедрять комплексный подход, который включает совершенствование бизнес-процессов, рационализацию использования ресурсов, профессиональное развитие персонала и адаптацию инновационных технологий. Ключевыми аспектами такой трансформации выступают точное определение целей, автоматизация повторяющихся операций, повышение мотивации сотрудников и стимулирование их к внедрению инновационных решений, такие как:

-оптимизация бизнес-процессов: анализ данных, автоматизация, сокращение издержек;

- развитие персонала: обучение и повышение квалификации, мотивация и вовлеченность, обратная связь и коммуникация, поощрение инициативы и креативности.

- внедрение технологий: цифровизация, аналитика и Big Data, инновация.

- построение эффективной командной работы: четкое распределение ролей и ответственности, взаимодействие и коммуникация, командный дух и мотивация.

- управления изменениями: планирование и координация, коммуникация и прозрачность, обучение и поддержка.

Анализ финансового состояния предприятия играет ключевую роль в повышении его конкурентоспособности на рынке, обеспечении самофинансирования и устойчивости, а также в более эффективном управлении финансовыми ресурсами. Это позволяет сохранить стабильность и развивать потенциал компании. Оптимизация бизнес-процессов остается одной из приоритетных задач для укрепления финансового положения организации, и большинство финансово-экономических подходов направлены именно на решение этой задачи. Тем не менее, традиционные методы не всегда способны обеспечить желаемые результаты. По этой причине многие предприятия переходят к внедрению современных инструментов, доказавших свою эффективность как в международной практике, так и среди локальных компаний. Такие методы ориентированы на долгосрочные перспективы и способствуют устойчивому улучшению финансового состояния.

Список литературы:

1. Захарова Ю.Н., Мартынов Д.И. Анализ финансового состояния организации // Инновационная наука. 2017. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansovogo-sostoyaniya-organizatsii> (дата обращения: 27.10.2023).

2. Ковалев В. А. Финансовый менеджмент: теория и практика. - 3-е изд. пересмотрено и завершено - Москва: проспект 2017 года. - – 1104 с.

3. Хрусталева О.Е. Факторы и принципы оценки финансовой устойчивости инновационных предприятий // Экономический анализ. 2016. - – № 33. - – С. 36-44.

4. Пуртова А. Ф. Изучение подходов к определению финансовой устойчивости / А. Ф. Пуртова // Молодой ученый. - – 2016. - – № 15(74). - – С. 200–203.

5. Леликова Н.А., Конвисарова Е.В. История и современные тенденции развития малого бизнеса в России // Успех современной естественной науки. - – 2015. - – № 1-3. - – С. 496–498.

6. Ансофф И. Стратегическое управление: Сокр. пер. с англ./ Науч. ред. и авт. предисл. Л.И. Евенко. – М.: Экономика[Текст], 1989. – С.113-124

УДК 004.8:347.77/.78

Жаслан Бексапин

Магистрант,

Факультет права и социальных наук,

SDU University,

(г. Алматы, Казахстан)

ЧТО БУДЕТ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В БУДУЩЕМ С РАЗВИТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) концепция интеллектуальной собственности (ИС) сталкивается с новыми вызовами и возможностями. В статье рассматриваются перспективы трансформации правового регулирования ИС в контексте активного участия ИИ в создании объектов авторского права, изобретений и других форм нематериальных активов. Особое внимание уделено вопросам авторства, патентоспособности и справедливого распределения прав между человеком и машиной. Анализируются существующие правовые коллизии, связанные с отсутствием чётких норм относительно правового статуса продуктов, созданных ИИ, а также разница в подходах различных стран. Отдельно рассматриваются этические аспекты, включая вопросы морали, ответственности и прозрачности. В статье делается вывод о необходимости глобального пересмотра традиционных представлений об ИС и выработки единых международных стандартов, способных адекватно реагировать на технологические изменения. Подчёркивается, что будущее интеллектуальной собственности будет определяться не только правовыми реформами, но и общественным консенсусом о роли ИИ в творчестве и инновациях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, ответственность, правовое регулирование

Введение. Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, которые всё чаще используются в процессах, ранее считавшихся исключительно прерогативой человеческого интеллекта. ИИ уже сегодня способен генерировать тексты, музыку, изобретения и иные объекты, обладающие признаками интеллектуальной собственности, что ставит под сомнение существующие правовые нормы, основанные на традиционном понимании авторства и креативности. Современное законодательство большинства стран не успевает за технологическими изменениями, что создаёт правовую неопределённость и риски как для разработчиков ИИ, так и для пользователей таких систем. Эта неопределённость требует тщательного анализа и переосмысления подходов к охране интеллектуальной собственности в новых условиях.

Цель статьи - проанализировать влияние развития искусственного интеллекта на институт интеллектуальной собственности, выявить возникающие проблемы и правовые пробелы, а также предложить возможные направления адаптации существующей правовой системы к новым технологическим реалиям.

Методология и методы исследования. Методология исследования основывается на комплексном подходе, который включает теоретический анализ правовых норм, регулирующих интеллектуальную собственность, с учетом технологических изменений, вызванных развитием искусственного интеллекта. В ходе исследования применяется анализ научной литературы, нормативно-правовых актов и практики отдельных государств, а также сравнительное изучение подходов к правовому регулированию продуктов, созданных с участием ИИ. Такой подход позволяет выявить ключевые противоречия и тенденции, а также сформировать обоснованные выводы о возможных направлениях развития правового регулирования в данной сфере.

Теоретические концепции. В основе исследования лежат теоретические концепции авторского права, прав на изобретения и моделей регулирования интеллектуальной собственности, а также современные представления о правосубъектности и креативности в условиях технологического прогресса. Особое внимание уделяется дискуссиям о возможности признания ИИ в качестве субъекта права или, напротив, исключительно как инструмента, не способного обладать правами.

Результаты исследования показывают, что существующая система правового регулирования интеллектуальной собственности недостаточно адаптирована к вызовам, возникающим в связи с развитием ИИ. Установлено, что правовой вакуум в отношении продуктов, созданных ИИ, порождает неопределённость в вопросах авторства и владения, а также усиливает правовые и этические риски. Исследование подчеркивает необходимость модернизации нормативной базы и разработки международных подходов к регулированию интеллектуальной собственности в цифровую эпоху.

Методы исследования. В исследовании взаимодействия интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта в Казахстане используются методы, позволяющие глубоко проанализировать правовые, технологические и социальные аспекты этой сложной темы. Основой анализа становится изучение действующего законодательства Республики Казахстан в сфере интеллектуальной собственности, в том числе норм, касающихся авторского права, патентного регулирования и смежных прав. Исследование строится на критическом осмыслении того, насколько эти нормы соответствуют вызовам, возникающим в связи с развитием ИИ.

Дополнительно проводится сопоставление казахстанского законодательства с международной правовой практикой и подходами других стран, что позволяет выявить пробелы и потенциальные направления совершенствования национальной правовой системы. Акцент делается на анализе реальных случаев использования искусственного интеллекта в Казахстане, особенно в сферах креативных индустрий, науки и цифровых

технологий, где возникают прецеденты создания объектов, претендующих на охрану как интеллектуальная собственность.

Особое внимание уделяется правоприменительной практике, в том числе рассматриваются комментарии экспертов, мнения юристов и представителей IT-отрасли. Это позволяет не только выявить формальные проблемы законодательства, но и понять, как нормы функционируют на практике. Через обобщение и интерпретацию собранных данных формируются выводы о степени готовности правовой системы Казахстана к интеграции искусственного интеллекта в сферу интеллектуальной собственности и вырабатываются рекомендации по её адаптации к новым технологическим условиям.

Результаты исследования. Сегодня искусственный интеллект стал неотъемлемой частью нашей реальности, и с каждым днем он захватывает все больше сфер жизнедеятельности человека (Ныгмет, 2023).

Искусственный интеллект (ИИ) — это моделирование человеческого интеллекта в машинах, запрограммированных на то, чтобы думать, учиться и автономно решать задачи. Технологии ИИ варьируются от простых систем, основанных на правилах, до продвинутых алгоритмов машинного обучения и глубоких нейронных сетей, способных обрабатывать огромные объёмы данных и принимать сложные решения (translated.turbopages.org).

Впервые же термин «искусственный интеллект» (англ. - artificial intelligence) был введен в профессиональное и научное обращение в 1956 году на специализированной научной конференции, посвящённой данной тематике Джоном Маккарти (McCarthy) (Резник, 2021).

Наиболее популярной моделью искусственного интеллекта на данный момент является Chat-GPT. ChatGPT — это модель генерации текста, разработанная компанией OpenAI. Она основана на архитектуре GPT (Generative Pre-trained Transformer), в частности, на архитектуре GPT-3.5. Эта модель способна генерировать тексты, отвечая на вопросы, Она обучается на огромных объемах текстовых данных и использует механизм трансформера для генерации связных и информативных ответов (Сталик, 2023).

По мере развития технологий ИИ их влияние на интеллектуальную собственность (ИС) становится всё более сложным и значительным. **ИИ оказывает заметное влияние на различные виды интеллектуальной собственности, такие как авторское право, коммерческая тайна, патенты, товарные знаки и промышленные образцы.**

По данным ЮНЕСКО, несмотря на то что генеративный ИИ содействует росту определенных социальных возможностей, в то же время он имеет потенциал усугубления социальных рисков, связанных с созданием и распространением дезинформации, утечкой конфиденциальных данных, проблемами надежности источников информации, а также нарушением авторских прав (unesdoc.unesco.org).

В эпоху искусственного интеллекта защита интеллектуальной собственности стала критически важной для стимулирования инноваций и сохранения конкурентного преимущества. Защита интеллектуальной собственности гарантирует, что создатели и новаторы смогут пользоваться плодами своей работы, тем самым способствуя дальнейшему развитию технологий искусственного интеллекта.

Защита интеллектуальной собственности стимулирует инновации, предоставляя создателям и изобретателям исключительные права на их творения, что позволяет им получать прибыль от своей работы и инвестировать в дальнейшие исследования и разработки.

Использование защищенных авторским правом материалов для обучения систем ИИ является спорным юридическим вопросом во многих странах. Компании, занимающиеся ИИ, утверждают, что обучение моделей ИИ на больших наборах данных сродни обучению человека. В свою очередь, авторы контента жалуются на то, что их работы используются для обучения ИИ без их разрешения, вознаграждения или признания, часто под видом «исследований». Как следствие, такая практика привела к росту судебных исков от правообладателей, заявляющих о нарушении авторских прав (reuters.com).

В этой связи в мире предпринимаются различные попытки по правовому регулированию данной проблемы. К примеру, в марте 2024 года Европейский парламент официально принял Закон Европейского Союза об искусственном интеллекте. Согласно Закону системы генеративного ИИ должны соответствовать требованиям прозрачности. К этим требованиям относятся составление технической документации, объясняющей, как модель работает и как ее следует использовать в соответствии с законодательством ЕС об авторском праве, и публикация подробных отчетов о контенте, используемом для обучения, включая его происхождение и методы курирования. Также законом предусмотрены запреты на использование ИИ для манипулирования или использования уязвимостей пользователей, а также право потребителей подавать жалобы и получать содержательные объяснения касательно контента ИИ. Кроме того, искусственные или обработанные изображения, аудио- или видеоконтент («дипфейки») должны быть четко обозначены как таковые (europarl.europa.eu).

В Великобритании в рамках действующей правовой системы разработчики ИИ юридически не могут копировать охраняемые авторским правом произведения третьих лиц с целью обучения своих моделей ИИ, за исключением очень ограниченных обстоятельств. При этом в стране предпринимаются попытки по обеспечению сбалансированности прав создателей контента и стремления разработчиков ИИ обучать свои системы с использованием качественных данных. В частности, Ведомством по интеллектуальной собственности Великобритании была создана рабочая группа из числа правообладателей и разработчиков ИИ в целях разработки добровольного кодекса практики в отношении авторского права и ИИ (pinsentmasons.com). Однако в 2024 году

Министерство науки, инноваций и технологий страны заявило, что на сегодняшний день достичь консенсуса по данному вопросу не представляется возможным (gov.kz).

В Китае одним из последних принятых нормативных документов стала директива правительства по регулированию искусственного интеллекта от 2023 года. Документ содержит 24 правила, среди которых следует выделить следующее:

1) любой контент, созданный с помощью ИИ, должен содержать яркую соответствующую маркировку (для примера, в мае 2024 г. сервис TikTok заявил о запуске системы автоматического распознавания и маркировки контента, сгенерированного с помощью технологий ИИ (trtrussian.com));

2) любая компания, внедряющая ИИ для обучения моделей, обязана использовать только разрешенные, законные данные;

3) китайские компании должны предоставить чёткий механизм рассмотрения публичных жалоб на услуги и контент, созданный ИИ;

4) системы ИИ должны быть зарегистрированы в реестре алгоритмов Китая и не должны использоваться для незаконной деятельности (exclusive.kz).

Другим обсуждаемым вопросом в мировой экспертной среде является статус авторских прав на произведения, созданные ИИ. Авторское право традиционно требует участия человека в творческом процессе. Однако в настоящее время в условиях все большей распространенности контента, созданного с помощью ИИ, актуальность приобретает вопрос предоставления соответствующей авторской защиты.

Основными претендентами на авторство таких произведений являются программист, создавший ИИ-систему, собственник ИИ-системы или даже сама ИИ-система в случае присвоения ей правоспособности. Это, в свою очередь, приводит к появлению таких потенциальных рисков, как лишение экономических стимулов для авторов, создающих и исполняющих собственные произведения, и как следствие, снижение культурного разнообразия человечества (hse.ru).

Анализ законодательства зарубежных стран показал, что судебная практика в области определения статуса авторских прав на продукты, созданные ИИ, все еще находится на стадии формирования. При этом в настоящее время в странах ЕС и США преобладают нормы, предусматривающие запрет на предоставление авторских прав продуктам, разработанным исключительно ИИ.

К примеру, в США Закон об авторском праве защищает только «оригинальные авторские произведения». В 2022 г. Бюро авторского права США вынесло апелляционное решение о том, что авторство человека является необходимым условием для защиты авторских прав, тогда как для работ, использующих инструменты ИИ, условия изменились на «минимальное технологическое участие». Это означает, что работы, содержащие материалы, созданные с помощью ИИ, будут рассматриваться ведомством с точки зрения того, являются ли они результатом «механического воспроизведения» или же это «собственная оригинальная мысленная концепция автора,

которой автор придал видимую форму» (copyright.gov).

В Сингапуре Закон об авторском праве предполагает, что в настоящее время защита авторских прав требует наличия человека-автора. Законодательство об авторском праве Китая также не позволяет нечеловеческим субъектам владеть авторскими правами, включая произведения, созданные ИИ.

Обратная ситуация наблюдается в Великобритании, где в соответствии с Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года, предусматривается защита авторских прав на компьютерно-генерируемые произведения даже без человека-автора. Это включает в себя произведения, созданные алгоритмами ИИ, запрограммированными на генерацию оригинального контента, такого как музыка, искусство или литература. При этом «автором» считается не сам ИИ, а лицо (разработчик или программист), которое сделало необходимые манипуляции для создания произведения (Bird&Bird, 2022).

В настоящее время подход правительства Великобритании к регулированию ИИ включает планы по уточнению взаимосвязи между законодательством об интеллектуальной собственности и генеративным ИИ, с акцентом на обеспечение уверенности бизнеса и создание регулятивной «песочницы» для инноваций ИИ (специальные условия работы, при которых компании смогут протестировать новые инновационные технологии и услуги в ограниченной среде, не рискуя нарушить законодательство). Этот регуляторный подход направлен на решение правовых и этических последствий произведений, созданных ИИ, включая вопросы авторского права и патентов.

Казахстан в лице своего Постоянного представительства при Европейском отделении ООН в Женеве активно сотрудничает с ВОИС (Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности) и его административными органами в целях максимального вовлечения Республики в мировую систему охраны интеллектуальной собственности в рамках осуществления процесса адаптации национального законодательства РК к общепринятым международным стандартам права интеллектуальной собственности, содействия обеспечению финансирования региональных и патентных программ развития РК, оказания практической помощи со стороны ВОИС в вопросах защиты внутреннего национального рынка от пиратства и контрафакции (iimp.kz).

В Казахстане вопросы авторского права регулируются Законом РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 года. Закон регулирует отношения в области интеллектуальной собственности, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства (авторское право); постановок, исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания (смежные права).

Анализ содержания данного нормативного правового акта показал отсутствие в нем положений, регулирующих вопросы авторских прав продуктов, разработанных

системами ИИ (выходные данные), и обучения систем ИИ на защищённых авторским правом данных (входные данные).

В рассматриваемом законе в положениях, регулирующих вопросы авторских прав, преобладает человекоцентрический подход. Так, к авторскому праву причисляются личные неимущественные и имущественные права автора, а под автором подразумевается «физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение науки, литературы, искусства». К смежным правам относятся имущественные права исполнителя, производителя фонограммы, организации эфирного и кабельного вещания и личные неимущественные права исполнителя. Под исполнителем также подразумевается физическое лицо – актер, певец, музыкант, танцор или иное лицо, исполняющее произведения литературы и (или) искусства (adilet.zan.kz).

Вместе с тем, несмотря на отсутствие в действующем законе норм касательно регулирования авторских прав и ИИ, в целом следует отметить включение ИИ в правовое поле РК. Так, о необходимости правового регулирования ИИ впервые было заявлено в 2021 году в Концепции правовой политики до 2030 г. В частности, отмечено, что необходимость правового регулирования ИИ и робототехники определяется в первую очередь решением вопроса распределения ответственности за вред, причиненный их действиями, а также решением проблемы определения принадлежности права интеллектуальной собственности на произведения, созданные с участием ИИ (adilet.zan.kz).

Также 24 июля 2024 года Постановлением Правительства РК утверждена Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы, в рамках которой запланировано «принятие правовой регуляторной базы для развития технологии искусственного интеллекта в соответствии с передовой мировой практикой с учетом интересов государства, бизнеса и граждан», в том числе проведение «оценки необходимости законодательного регулирования вопросов интеллектуальной собственности на результаты машинного творчества» (adilet.zan.kz).

Наряду с этим, Мажилисом Парламента РК принят законопроект по ИИ, направленный на регулирование общественных отношений между государственными органами, физическими и юридическими лицами при создании, развитии и эксплуатации ИИ (orda.kz).

Учитывая широкое распространение ИИ во все сферы деятельности, представляется целесообразным включение нормативных положений касательно таких аспектов регулирования, как авторские права продуктов, разработанных ИИ, а также обучение систем ИИ на данных, защищённых авторским правом.

Отсутствие чётких правил влечёт за собой множество правовых и этических вопросов: кому принадлежит результат деятельности ИИ, можно ли считать его творцом, и кто должен нести ответственность за нарушения, допущенные в процессе использования таких систем. Эти вопросы приобретают глобальное значение, поскольку

ИИ не ограничивается рамками одного государства — он функционирует в трансграничном цифровом пространстве, что требует согласованного правового подхода.

В этой связи возрастает необходимость пересмотра существующих концепций интеллектуальной собственности на международном уровне. Требуется выработка единых стандартов, способных учесть специфику ИИ, обеспечить правовую определённость и сбалансировать интересы разработчиков, пользователей и общества в целом. Такие стандарты должны быть гибкими, технологически нейтральными и направленными на то, чтобы охранять инновации, не препятствуя при этом дальнейшему научному и техническому прогрессу. Только при наличии глобального согласия возможно формирование устойчивой и справедливой системы правового регулирования интеллектуальной собственности в эпоху искусственного интеллекта.

Обсуждение В Казахстане, как и во многих других странах, правовая система в сфере интеллектуальной собственности пока не адаптирована к вызовам, связанным с использованием искусственного интеллекта. Основной правовой акт — Гражданский кодекс Республики Казахстан, а также законы «Об авторском праве и смежных правах» и Патентный закон — ориентированы на традиционное понимание авторства, при котором субъектом прав является исключительно физическое или юридическое лицо. Это порождает ряд правовых коллизий в случае, если объект создан с участием или при полной автономии искусственного интеллекта.

Во-первых, отсутствует правовая определённость в отношении авторства произведений, созданных ИИ. Законодательство Казахстана признаёт автором только человека, что делает невозможным официальное признание ИИ в качестве субъекта права. В случаях, когда результат создаётся полностью машиной, без существенного участия человека, невозможно законно закрепить права на такой объект, что делает его фактически вне правового поля.

Во-вторых, возникают трудности с патентной охраной изобретений, созданных ИИ. Существующие патентные нормы требуют указания изобретателя, который должен быть человеком. Таким образом, если искусственный интеллект генерирует техническое решение, оно не может быть запатентовано в соответствии с действующим законодательством, поскольку нет юридически допустимого субъекта изобретения.

Кроме того, отсутствуют механизмы распределения прав между разработчиком ИИ, пользователем системы и третьими лицами, что приводит к неопределённости в случае возникновения споров. Например, если человек использует платформу на базе ИИ для создания уникального контента, законодательство не определяет, кто является носителем авторских прав — сам пользователь, разработчик алгоритма или ни одна из сторон.

Ещё одна проблема связана с вопросами ответственности. Если продукт ИИ нарушает чьи-либо авторские права или генерирует контент, содержащий запрещённые элементы, непонятно, кто несёт юридическую ответственность — разработчик ИИ,

владелец платформы или конечный пользователь.

Таким образом, в Казахстане налицо ряд правовых пробелов, вызванных отсутствием нормативного регулирования специфики создания объектов интеллектуальной собственности с участием ИИ. Это требует либо внесения изменений в действующее законодательство, либо разработки новых правовых механизмов, которые позволят учитывать реальность цифровой эпохи и обеспечить правовую защиту инновационной деятельности.

Основные направления и пути совершенствования правового регулирования интеллектуальной собственности в Казахстане в контексте активного развития искусственного интеллекта должны быть направлены на устранение правовых пробелов, повышение правовой определённости и адаптацию законодательства к технологическим реалиям.

Во-первых, необходимо пересмотреть и уточнить понятие авторства в действующем законодательстве. Это может включать введение новой правовой категории — производного авторства или соавторства человека и ИИ, где человек будет признан ответственным пользователем или куратором процесса создания. Такой подход позволит закрепить права на результаты деятельности ИИ за конкретными субъектами и обеспечить правовую защиту созданных объектов.

Во-вторых, требуется разработка специальных норм, регулирующих патентование изобретений, созданных с участием искусственного интеллекта. Следует предусмотреть возможность указания ИИ как соавтора или инструмента, а также установить ответственность и права за такими изобретениями за разработчиком или владельцем ИИ-системы.

В-третьих, важно создать механизмы юридического разграничения ответственности между разработчиком, пользователем и другими участниками, вовлечёнными в процесс создания интеллектуального продукта с помощью ИИ. Это особенно актуально в случае нарушений прав третьих лиц, ошибок или вредоносного использования ИИ.

В-четвёртых, необходимо усилить взаимодействие Казахстана с международными организациями в целях выработки единых подходов к правовому статусу продуктов ИИ. Участие в глобальных инициативах и адаптация к международным стандартам позволят обеспечить правовую совместимость и признание казахстанских норм на международной арене.

Наконец, следует инвестировать в развитие цифровой грамотности и повышение квалификации специалистов в области права, технологий и этики. Без этого невозможно эффективно внедрять новые правовые инструменты и контролировать соблюдение норм в динамично развивающейся цифровой среде.

Таблица 1 - Основные проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности в условиях развития искусственного интеллекта в Казахстане и возможные пути их решения

Проблема	Решение
Отсутствие правового статуса у продуктов, созданных ИИ	Введение новых категорий авторства (совместное, производное, кураторское авторство)
Невозможность патентования изобретений, созданных ИИ	Разработка специального режима патентования с учётом роли ИИ и закреплением прав за разработчиком
Неопределённость распределения прав между разработчиком, пользователем и ИИ	Создание правового механизма разграничения прав и обязанностей сторон
Отсутствие ответственности за действия ИИ	Введение норм об ответственности владельцев и разработчиков ИИ-систем
Правовой вакуум в области международного признания ИС, созданной ИИ	Гармонизация законодательства с международными стандартами, участие в глобальных инициативах
Низкий уровень осведомлённости специалистов	Повышение цифровой и правовой грамотности, обучение юристов и разработчиков

Таким образом, совершенствование законодательства должно носить комплексный характер и опираться на междисциплинарный подход, сочетающий правовые, технологические и этические аспекты.

Заключение. В ходе проведённого исследования было установлено, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта радикально меняет привычные представления об интеллектуальной собственности и требует от правовых систем, включая казахстанскую, адекватного и своевременного реагирования. Современное законодательство Казахстана пока не готово к новым реалиям, поскольку оно сохраняет традиционный антропоцентричный подход, признающий субъектами авторских и патентных прав исключительно людей. Это приводит к серьёзным правовым коллизиям в условиях, когда ИИ может не только участвовать в творческом процессе, но и полностью генерировать оригинальные объекты, способные претендовать на правовую охрану.

В рамках анализа были выявлены основные проблемные зоны — неопределённость авторства, отсутствие механизмов патентования результатов деятельности ИИ, правовая безответственность в случае нарушений, а также недостаточная гибкость действующих норм по отношению к быстро меняющимся технологическим условиям. Кроме того, стало очевидно, что регулирование в данной сфере должно учитывать международный контекст, так как ИИ функционирует в глобальном цифровом пространстве, не ограниченном национальными границами.

На основании анализа можно сделать вывод о необходимости системной модернизации правового поля в Казахстане, направленной на признание и учёт особенностей функционирования искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности. Только при условии адаптации законодательства, внедрения новых

правовых категорий и разработки чётких механизмов распределения прав и ответственности, государство сможет обеспечить правовую защиту инноваций, стимулировать развитие цифровых технологий и обеспечить баланс интересов всех участников технологического процесса. В долгосрочной перспективе это также позволит Казахстану интегрироваться в глобальные процессы и обеспечить устойчивое развитие в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Ny`gmet K. (2023) Iskusstvenny`j intellekt v zakonodatel`nom processe // <https://kazpravda.kz/n/iskusstvennyy-intellekt-v-zakonodatelnom-protssesse/>
2. Artificial Intelligence and Intellectual Property // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.df4875fd-682c0be6-f35a337a-74722d776562/https/www.geeksforgeeks.org/artificial-intelligence-and-intellectual-property/
3. Reznik B. (2021) Iskusstvenny`j intellekt i krizis teorij soznaniya. URL: <https://habr.com/ru/post/500732/>.
4. Stalik E`. (2023) Iskusstvenny`j intellekt v RK // <https://mg-partner.com/novosti/iskusstvennyj-intellekt-v-rk>
5. User empowerment through Media and Information Literacy responses to the evolution of Generative Artificial Intelligence (GAI). 2024. UNESCO. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388547/PDF/388547eng.pdf.multi>
6. Reuters. How copyright law could threaten the AI industry in 2024. 2024. <https://www.reuters.com/legal/litigation/how-copyright-law-could-threaten-ai-industry-2024-2024-01-02/>
7. European Parliament. Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law. 2024. <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law>
8. Pinsent Masons. UK government AI report confirms decision on protection of copyright works. 2024. <https://www.pinsentmasons.com/out-law/news/ai-report-confirms-decision-on-protection-of-copyright-works>
9. <https://www.gov.kz/government/consultations/ai-regulation-a-pro-innovation-approach-policy-proposals/outcome/a-pro-innovation-approach-to-ai-regulation-government-response#:~:text=The%20working%20group%20has%20provided,agree%20an%20effective%20voluntary%20code.>
10. TRT. TikTok vvodit markirovku II-kontenta. 2024. <https://www.trtrussian.com/tehnologii/tiktok-vvodit-markirovku-ii-kontenta-18098291>
11. Exclusive.kz. Kitaj vvel pravila dlya regulirovaniya iskusstvennogo intellekta. 2023. <https://exclusive.kz/kitaj-vvel-pravila-dlya-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta/>
12. Vy`stuplenie Kafedry` YuNESKO NIU VShE` na Mezhpriatel`stvennom komitete YuNESKO po podderzhke i prodvizheniyu raznoobraziya form kul`turnogo samovy`razheniya. VShE`, 2021. <https://www.hse.ru/unesco/news/440218684.html>

13. U.S. Copyright Office. Second Request for Reconsideration for Refusal to Register A Recent Entrance to Paradise (Correspondence ID 1-3ZPC6C3; SR # 1-7100387071). February 14, 2022. URL: <https://www.copyright.gov/rulings-filings/review-board/docs/a-recent-entrance-to-paradise.pdf>
14. Bird&Bird. Copyright protection for AI-generated works in Singapore. 2022. <https://www.twobirds.com/en/insights/2022/singapore/copyright-protection-for-ai-generated-works-in-singapore>
15. Materialy` kruglogo stola Nacional`noj Asociacii teleradioveshhatelej RK [E`lektronny`j resurs]. - 28.04.04. - Rezhim dostupa: www.iimp.kz.
16. Zakon Respubliki Kazaxstan «Ob avtorskom prave i smezhny`x pravax» ot 10 iyunya 1996 goda № 6-I. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z960000006_
17. Punkt 4.13 Ukaza Prezidenta RK ot 15 oktyabrya 2021 g. № 674 «Ob utverzhdenii Konceptii pravovoj politiki RK do 2030 g.». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>
18. Konceptiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na 2024 – 2029 gody` Utverzhdena postanovleniem Pravitel`stva Respubliki Kazaxstan ot 24 iyulya 2024 goda № 592 // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592>
19. V Kazaxstane prinyali zakon ob iskusstvennom intellekte. 2025. // <https://orda.kz/v-kazahstane-prinjali-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-401685/>

УДК 639.2

Сагиев Сырым Нурсыдыкович

научный сотрудник

Северного филиала

ТОО «Научно-производственный центр рыбного хозяйства»

(Казакстан, г. Астана)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (ООПТ): НА ПРИМЕРЕ ОЗЕРО МАРКАКОЛЬ

Аннотация: В данной работе представлены пути решения для развития туристического кластера особо охраняемых природных территорий, на примере государственного природного заповедника «Маркакольский Государственный природный заповедник» рассмотрены некоторые направления для перспективы развития спортивно-любительского рыболовства как элемента туристической деятельности.

Ключевые слова: экотуризм, заповедник, спортивно-любительское рыболовства.

Введение. Туризм на ООПТ – важнейший компонент управления охраняемыми территориями. Практика устойчивого туризма на ООПТ имеет долгосрочную основу. Но, хотя и необходимо планировать деятельность в долгосрочном контексте, также необходимо отслеживать ежедневные и среднесрочные задачи. На практике только малая часть выгоды будет получена быстро, большая ее часть будет результатом многолетних и продолжительных усилий. Важно развивать правильную мотивацию, которая будет влиять на процессы принятия решений внутри сообщества. Необходимо искать стимулы, побуждающее правительство, местное население и международные организации участвовать в сохранении биологического и культурного разнообразия. Всегда лучше инвестировать часть средств от туризма в местные сообщества, чтобы местное население видело прямую финансовую выгоду от развития туризма [1].

Целью данной работы является оценка влияния любительского рыболовства (осуществляемого местным населением в потребительских целях) на запасы и биологическое состояние ленка на озере Маркаколь, а также анализ потенциала развития рекреационного рыболовства как одного из направлений развития туристического кластера региона. Особый вклад в развитие этого направления вносит конституционное право каждого гражданина Республики Казахстан, для добычи (вылов) водных биоресурсов в потребительских или спортивно-любительских целях в рамках действующего законодательства. Масштабы данного социального явления обусловили необходимость системного пересмотра действующих Правил рыболовства на ООПТ, куда входит и озеро Маркаколь, которые неактуализируются Министерством экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан.

Озеро Маркаколь – самый крупный водоём Алтая (рисунок 1). Озеро имеет овально-вытянутую форму и простирается с северо-востока на юго-запад. км².

Рисунок 1 – озеро Маркаколь

Климат Маркакольской котловины резко континентальный, с суровой многоснежной зимой и теплым умеренно влажным летом. Маркаколь – самый холодный район Казахстана: минимальные температуры достигают -55°C . Теплые дни длятся 162 дня, ниже 0°C – 203 дня. Озеро Маркаколь на зиму замерзает. Ледостав происходит между 6 ноября и 4 декабря, в среднем 20 ноября. Не замерзающим остаётся лишь исток р. Кальжир. На руслах некоторых речек (Тополевка, Урунхайка) всю зиму имеются небольшие полыньи. Вскрытие озера происходит в среднем 9 мая, а наиболее поздняя дата полного очищения озера ото льда – 28 мая [2].

Материал и методика. В работе использованы данные биологических показателей маркакольского ленка, собранные сотрудниками Алтайского филиала ТОО «НПЦРХ» в результате полевых исследований, приведённых в водоемах особо охраняемой природной территории Ертисского бассейна озера Маркаколь (на станциях устье рек Урунхайка, Тополевка, Еловка и Матабай) в полевой период 2017–2024 гг.

Сбор ихтиологического материала проводили по общепринятым методикам. При научно-исследовательском отборе проб выставлялись ставные сети в намеченных участках озера Маркаколь. Уловы на месте сортировали по видам, просчитывали, взвешивали. Для определения возраста рыб брали жаберные крышки. Определение производили по методике И.Ф. Правдина и Н.И. Чугуновой [3-4].

Результаты обсуждения. Правовое регулирование спортивно-любительского рыболовства, рассматриваемое в данной работе, требует дополнений в законодательство об особо охраняемых природных территориях (ООПТ), а также мер по развитию туристической привлекательности Маркакольского государственного природного заповедника. В законе ООПТ гласит «Об утверждении Правил оказания государственной услуги "Выдача путевки на проведение любительского (спортивного) рыболовства, разрешаемого для нужд местного населения, проживающего в охранный зоне Маркакольского государственного природного заповедника" ограничивает и запрещает другим гражданам Республики Казахстан, не проживающих в этих территориях.

Для сравнения отметим, что путь от районного центра Маркакольского района до поселка Урунхайка занимает около 3-5 ч. на высокопроходимой технике, что обуславливает более низкий уровень его посещаемости рыбаками-любителями.

Далее, для оценки потенциальной добычи (вылова) ленка на озере Маркаколь необходимо определить общее количество дней (суток), когда ведется ее подледный лов.

При условии, что лов возможен только при наличии достаточно толстого льда, общую среднесноголетнюю продолжительность ледостава достаточно легко определить. Согласно многолетним данным РГП на ПХВ «Казгидромет» по Восточно-Казахстанской и области Абай, устойчивый лед на озере формируется примерно с первой декады декабря и держится до третьей декады апреля. Это значит, что подледный лов возможен в этот период.

Если считать по календарю:

- Первая декада декабря — примерно с 1 по 10 декабря.
- Третья декада апреля — примерно с 21 по 30 апреля.

Итого: с 1 декабря по 30 апреля — это около 5 месяцев.

Таким образом, подледный лов ленка на озере Маркаколь может длиться около 140 дней.

Однако следует учитывать, что часть этого периода может быть недоступна для любительского рыболовства на оз. Маркаколь из-за неблагоприятных метеорологических условий и труднодоступностью местности.

В пределах озера Маркаколь основным объектом любительского рыболовства является рыба маркакольский ленок. В данном случае речь идет о рыбе: Ленок (ускуч) маркакольский – рыба семейства Лососевые. Ленок относится к хищным рыбам озера Маркаколь. В рацион ленка входят малоценные рыбы (пескарь, голец) и крупные беспозвоночные. При изучении питания зарегистрировано 8 компонентов, из них два компонента – рыбы, остальные – беспозвоночные. Во время нереста ленок (стадия IV) питается слабо, особи с пустыми желудками составляли порядка 70-80%. Отнерестившиеся особи начинают активно питаться, состав и наполнение желудков варьирует от 2 до 3 баллов (по 3 балльной системе максимум). Основу рациона питания отнерестившихся особей ленка составляли гаммарусы – на уровне 90%. [5].

По результатам научно-исследовательских работ, проведенных сотрудниками Алтайского филиала ТОО «НПЦ РХ» с 2020-2024 годов выделенный лимит на лов рыбы варьировал от 6,1 до 37 тонн в разные годы. Динамика освоение лимита по годам составило от 15,6 до 73,5% и, в среднем по годам, составило 34.2%.

Анализ биологического состояния ленка показал, что любительское рыболовство для нужд местного населения, в целом не оказало существенного влияния на структуру популяций этой рыбы в озере Маркаколь. Об этом свидетельствуют относительно стабильные размерно-возрастные показатели рыб за рассматриваемый период.

Таким образом, данные свидетельствуют о достаточно стабильном состоянии запасов ленка на озере Маркаколь в 2020–2024 гг. Наблюдаемые отклонения в отдельных биологических показателях от средних значений, таких как длина и вес рыбы, скорее всего, объясняются естественными природными процессами и особенностями распределения ленка в пространстве и времени, а не уменьшением его популяции. Следовательно, запасы ленка в озере Маркаколь в рассматриваемый период можно считать относительно стабильными (см. табл 1).

Таблица 1 – Динамика биологических показателей ленка

Годы	Средняя длина, см	Средняя масса, г	Упитанность по Ф.	Средняя АИП, тыс. икр.	Средний возраст	Кол-во экз.
2020	44,6	1390	1,49	2,4	7,4	308
2021	45,1	1362	1,43	4,6	6,6	306
2022	45,4	1261	1,33	3,9	5,9	407
2023	44,25	1251	1,34	3,63	6,9	439
2024	43,2	1145	1,36	3,2	6,4	336

Рассматриваемые в данной работе вопросы правового регулирования спортивно-любительского рыболовства требуют дополнения в закон об ООПТ и развития туристической привлекательности Маркакольского заповедника. В законе ООПТ гласит «Об утверждении Правил оказания государственной услуги "Выдача путевки на проведение любительского (спортивного) рыболовства, разрешаемого для нужд местного населения, проживающего в охранный зоне Маркакольского государственного природного заповедника" ограничивает и запрещает другим гражданам Республики Казахстан не проживающих в этих территориях, необходимо дополнение к закону ООПТ для проведения спортивно-любительского подлёдного лова рыбы для развития туристического кластера на Маркакольском заповеднике.

Заключение. Анализ биологического состояния ленка показал, что любительское рыболовство для нужд местного населения в целом не оказало существенного влияния на структуру популяций ленка озера Маркаколь. О чем свидетельствуют относительно стабильные размерно-возрастные биологические показатели рыбы в рассматриваемый период лет.

Таким образом, накопленные данные свидетельствует о достаточно стабильном состоянии запасов ленка озера Маркаколь в 2020–2024 гг. Анализ статистики освоения лимита за несколько лет показывает, что максимальный показатель освоения составил 73,5% от выделенного лимита. На основе статистики вылова и оставшейся неиспользованной части лимита на ленка можно выделить эту квоту для туристического рыболовства. В целях устойчивого развития эколого-туристического кластера на территории заповедника на законодательном уровне разрешить выдачи разрешений проведение спортивно-любительского подлёдного лова рыбы на озере Маркаколь в зимний период. Имеющиеся отклонения отдельных биологических показателей от среднесезонных параметров могут иметь естественные причины, не связанные со снижением численности запасов, а случаи межгодовой изменчивости уловов и качественных характеристик рыб вполне объяснимы особенностями пространственного и временного распределения рыб в водных объектах в период зимних нагульных миграций.

Список литературы.

1. Иглс П. Устойчивый туризм на охраняемых природных территориях. Руководство по планированию и управлению / П. Иглс, С. МакКул и др. – М. – Смоленск: Маджента, 2006. – 188 с.
2. Баймуханов М.Т. История рыболовства на озере Маркаколь, проблемы созранения рыбных ресурсов, генофонда рыб и пути их решения//Труды Маркакольского заповедника. Т.1, ч.2. Усть-Каменогорск, 2009. С. 90-101.

3. Правдин И.Ф. Руководство по изучению рыб. – М.: Пищевая промышленность, 1966. – 376 с.
4. Чугунова Н.И. Методика изучения возраста и роста рыб. – М.: Советская наука, 1952.
5. Биологическое обоснование «Определение рыбопродуктивности рыбохозяйственных водоемов и/или их участков, разработка биологических обоснований предельно допустимых уловов рыбы и других водных животных, режиму и регулированию рыболовства на рыбохозяйственных водоемах международного, республиканского значений и водоемах ООПТ Ертисского бассейна, а также оценка состояния рыбных ресурсов на резервных водоемах местного значения». Усть-Каменогорск, 2020-2024 гг.

ӘОЖ 349.6

**Телеуев Галым Байгазиевич,
Бекежанов Даурен Нуржанович****І. Жансүгіров атындағы Жетісу университеті,
(Талдықорған қ., Қазақстан)****ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТҰРАҚТЫ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДА
ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУ МЕН ҚАУІПСІЗДІГІН
ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӨНІНДЕГІ ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУЛЕРГЕ
ҚЫСҚАША ТАЛДАУ**

Аннотация: Бұл мақалада Қазақстан Республикасында тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелеріне арналған ғылыми зерттеулерге әдеби шолу жасалады. Су ресурстарын тиімді пайдалану мен гидротехникалық нысандардың қауіпсіз жұмыс істеуі елдің экологиялық және әлеуметтік-экономикалық тұрақтылығының басты факторы болып табылады. Авторлар отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектерін талдай отырып, гидротехникалық құрылыстардың қазіргі жай-күйін, олардың пайдаланылуы мен қауіпсіздігін қамтамасыз етудегі құқықтық, техникалық және экологиялық аспектілерін зерттейді. Әдеби шолу барысында гидротехникалық құрылыстардың апаттық жағдайлары, олардың тозу деңгейі және климаттың өзгеруіне байланысты туындайтын қауіптер жөніндегі ғылыми пікірлер жүйелендірілген. Зерттеушілердің еңбектерінде бұл мәселені шешудің негізгі бағыттары ретінде техникалық мониторинг жүйесін жетілдіру, тәуекелдерді бағалау әдістерін дамыту, экологиялық қауіпсіздік стандарттарын жаңарту және су нысандарын басқарудың интеграцияланған тәсілін енгізу қажеттілігі атап өтіледі. Сонымен қатар, құқықтық ғылым саласындағы зерттеулер гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етудің нормативтік-құқықтық базасын жетілдірудің маңызын айқындайды. Мақалада халықаралық тәжірибеге ерекше назар аударылған: Еуропалық Одақтың Су шеңберлік директивасы, БҰҰ-ның Су ресурстарын қорғау жөніндегі конвенциялары мен Орталық Азия елдерінің су қауіпсіздігі саласындағы ынтымақтастық тәжірибелері талданады. Әдебиеттерді салыстырмалы талдау нәтижесінде авторлар Қазақстан жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздігін қамтамасыз етудің тиімді үлгісін қалыптастыру үшін ғылыми негізделген ұсыныстар ұсынады. Жалпы, бұл әдеби шолу гидротехникалық құрылыстарды тұрақты пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған кешенді ғылыми зерттеулердің қазіргі жағдайын көрсетеді және осы бағыттағы болашақ зерттеулердің ғылыми негізін қалайды.

Кілт сөздер: тұрақты даму, гидротехникалық құрылыстар, су ресурстары, қауіпсіздік, құқықтық реттеу, экологиялық қауіпсіздік, су саясаты, климаттың өзгеруі.

Мақала AP26193915 «Тұрақты даму жағдайында Гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздікті қамтамасыз етуді құқықтық реттеу» тақырыбындағы гранттық қаржыландырылатын ғылыми жоба шеңберінде әзірленді

Кіріспе. Қазақстан Республикасы тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелері жөніндегі ғылыми отандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулері бар.

Соңғы бірнеше жылда су ресурстары елдің тұрақты дамуының маңызды элементтерінің бірі екені белгілі болды. Біздің еліміз трансшекаралық ағындарға тәуелді сондықтан көршілес елдермен өзара тиімді ынтымақтастық елдің су қауіпсіздігін қамтамасыз етудің негізгі факторы болып табылады.

«Тұрақты даму» ұғымы бәріне белгілі, бірақ "экология" терминін күнделікті қолдануға ұқсас алаңдаушылық ретінде қабылданады. Сонымен, бұл шынымен не? БҰҰ-ның Рио-де-Жанейродағы қоршаған орта және даму жөніндегі конференциясында (1992 ж.маусым) тұжырымдалған "тұрақты даму" қағидаты болашақ ұрпақтың экологиялық және әлеуметтік мүдделерін ескере отырып, әлемдік экономиканы жанжалсыз дамыту қажеттілігін білдіреді. Бірақ қазіргі уақытта жинақталған көптеген әдебиеттерді талдау көрсеткендей, бұл идеяны іс жүзінде жүзеге асыру жобалары тиімсіз болып шықты. "Тұрақты даму", шын мәнінде, жеке өндірістік объектіге дейін халықаралық, мемлекеттік, салалық және басқа деңгейлердегі қандай да бір қызметтің стратегиясын айқындайтын барлық бағдарламалар мен саясаттарға міндетті түрде енгізілетін ұранға айналды.

Мәселенің мақсаты мен мазмұнын тағы бір рет "нақтылайтын" жұмыстар үнемі жарияланып отырады. "Тұрақты дамуды" талап ететін барлық жаңа нормативтік актілер күшіне енеді. Нормативтік құқықтық акт қабылданған жағдайда қолда бары қорытылатын болады заңға тәуелді құқықтық актілер жүйеленген Заң кейіннен мемлекеттік басқару жүйесін реформалау, бұл өз кезегінде әсер етті ГТС қауіпсіз басқаруды және жүйелер арқылы экономиканы дамытуды қамтамасыз етуге болар еді электр энергетикасы және мелиорация.

Жобада тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану, су және экологиялық заңнаманың меңгеру, су ресурстарын қорғауды дамыту, болашақ кәсіби қызметте экологиялық қызметкерлері құқықтық білімінің негіздерін пайдалану дағдыларын үйрету, су пайдалану, экологиялық қатынастар саласындағы құқықтық негіздер туралы білімдерін меңгеру, су ресурстарының кешенділігі туралы білу, су ресурстары мен экологиялық құқықтық мәдениеті мен кәсіптік дағдыларын қалыптастыру қоршаған ортаны қорғау және табиғи ресурстарды ұтымды пайдалану, экологиялық заңнаманы қолданудың практикалық дағдыларын қалыптастыру, құқықтық ойлау мәдениетін меңгеру; су ресурстарды ластану мен күресудің жаңа көз қарастары мен тәсілдері анықталды. Экологиялық қауіпсіздікті қамтамасыз етуде су ресурстарын қоқыстанудан ластану мен күресуде отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектері маңызды болып табылады. Отандық ғалымдар: Ж.Б. Музтауов, Ю.А. Гаврилова, Д.М. Умаров, Байдельдинов Д.Л., Сулейменова С.Ж., Мукашева А.А., Бекишева С.Д., Еркинбаева Л.К., Нукушева А. А., Хамзина Ж.А, Бурибаев Е.А., Ильясова Г.А., Нукушева А. А тағыда басқада ғалымдардың ғылыми еңбектеріне зерттеулер жүргізген. Шетелдік ғалымдар: Demirbilek B., Benson D., Gao J., Deng G., Jiang H., Zhao Y., Yang Y., Dong F., Li Q., Zhang W., Дубовик О. Л., Боголюбов С. А. тағыда басқада ғалымдардың еңбектеріне, құқықтық зерттеулерге талдау жүргізіледі. Мысалы ретінде айтар болсақ, Ж.Б. Музтауов, Ю.А. Гаврилова, Д.М. Умаровтің Нормативно-правовое регулирование гидротехнических сооружений и их влияние на водную безопасность

Республики Казахстан атты мақаласында су заңнамасын жетілдіруде мемлекеттік органдар үшін құқықтық база болып табылады, органдар арасындағы тиімді өзара іс-қимылды ұйымдастыру жөніндегі мәселелер, ұсыныстар, мемлекеттік басқару және ведомстволық бағынысты құрылымдар мыналарды алып тастауға мүмкіндері, су саласын жетілдіру жөнінде барабар шаралар қабылдайтын мемлекеттердегі маңыздылығы қарастырылды[1]. Ал Д.Л.Байдельдиновтің УГРОЗЫ ВОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ атты еңбегінде су саласындағы Ақ бұлақ, Ауыз су мемлекеттік бағдарламаларсы сумен қамтамасыз ету мәселесінің бір бөлігін ғана қарастырады. Мемлекеттік бағдарламаның құқықтық бөлімінде сумен қамтамасыз етудегі негізгі қауіптеріне тоқталады. Профессор С.Сулейменованың Сущность и особенности процессуальных форм реализации норм водного права атты еңбегінде су құқығындағы құқықтық нормаларды іске асыру тетігі, Құқықтық процесс сипаттайтын су құқығы категория ретінде қарастыру, Су құқығы нормаларын іске асыру кезіндегі кедергілер, су заңнамасындағы ашықтықтары, экономиканың тұрақты дамуы көрсетілген су ресурстарының болуымен және жай-күйі, су ресурстарын бағалау тетігі қарастырған[1]. А.А. Мукашева **Система водного законодательства: состояние и перспективы атты** өз зерттеуінде Су объектілерін пайдалану және қорғау жөніндегі қатынастарды реттейтін ҚР заңнамалық және өзге де нормативтік құқықтық актілерінің жүйесіне көбірек назар аударады. Қазақстандағы су заңнамасы жүйесі дегеніміз бұл құқықтық реттеудің мәні ретінде су қатынастарының құқықтық нормалары мен құрылымдары жүйесінің ішкі бірлігін көрсететін әртүрлі заңды күштердің сулары туралы өзара байланысты нормативтік құқықтық актілердің жиынтығын қамтитын көп деңгейлі білім ретінде қарастырады. Су саласындағы құқықтық актілердің құқықтық күші байланысты ішкі арақатынасы нормативтік құқықтық актілер туралы заңмен айқындалған[3].

Су саласындағы позициялардан аталған актілер көрсетілген заңмен иерархиялық баспалдақтың әртүрлі сатыларына қойылды, оның ең жоғарғы сатысын еліміздің негізгі заңы болып табылатын ҚР Конституциясы алады. Су саласындағы заңдардың күштері бойынша Конституциялық Заңдар, кодекстер, ҚР-ның Президенттің шығарған нормативтік құқықтық жарлықтары, Қазақстан Республикасының Парламенттің су саласындағы нормативтік қаулылары, ҚР ның Үкіметтің су ресурстары бағыттындағы нормативтік қаулылары, Жоғарғы соттың қаулыларында бекітеді. ҚР-дағы су қатынастарын реттейтін жүйеленген бірыңғай заңнамалық акт. Құрылымдық жағынан Су кодексі Жалпы және ерекше бөліктерді қамтиды. Қолданыстағы Су кодексінің жалпы бөлігі су заңнамасының негізгі анықтамалары, су заңнамасының мақсатын, су заңнамасының міндеттері мен қағидаттарын, су объектілерін пайдалану құқығы, Су шаруашылығы құрылыстарына меншік құқығын және өзге де құқықтарды, су қорын пайдалану мен қорғауды мемлекеттік реттеуді, су пайдалануды және су шаруашылығын ұйымдастыруды қамтиды. Ал су заңнамасының ерекше бөлігінде су объектілері мен су шаруашылығы құрылыстарын пайдалану, су объектілерін қорғау және судың зиянды әсеріне қарсы күрес жөніндегі нормалары, ерекше мемлекеттік маңызы бар су объектілеріндегі шаруашылық қызметті құқықтық реттеудің ерекшеліктері, су қорын пайдалану мен қорғауды реттеудің экономикалық тетіктерін реттеу, су заңнамасын бұзғаны үшін жауаптылық жөніндегі нормаларды, сондай-ақ су трансшекаралық суларды

пайдалану және қорғау саласындағы халықаралық ынтымақтастық бағыттары бойынша талдаулар жүргізген.

С.Д. Бекишева охрана окружающей природной среды: понятие и взаимосвязь с обеспечением экологической безопасности атты зерттеуінде Қоршаған табиғи орта-табиғи (соның ішінде атмосфералық ауа, Жердің озон қабаты, жер үсті және жер асты сулары, жер, жер қойнауы, жануарлар мен өсімдіктер әлемі, сондай-ақ олардың өзара әрекеттесуіндегі климат) және табиғи-антропогендік нысандарға талдаулар жүргізген[4].

Л.К.Еркинбаева, А.А.Бородинаның Проблемы правового регулирования охраны и использования подземных вод (международный опыт и практика Казахстана) атты зерттеуінде Әлемдік тәжірибеде жер асты суларын қорғау мен пайдалануды құқықтық реттеу жыл сайын өсіп келеді әлемдегі ауыз судың жетіспеушілігіне байланысты өзектілігі. Көптеген еуропалық табиғи апаттардың көбеюі сондай-ақ жер қыртысының көптеген құлауы жер асты суларын пайдалану және қорғау саласындағы қатынастарды құқықтық реттеудің дамуына себеп болды сарқылу. Энергетикалық ресурстар дағдарысы бір болды облыста заңнаманы әзірлеу қажеттілігінің себептері жаңартылатын энергия көздерін құқықтық реттеу, оның ішінде жер асты суларына маңызды рөл екендігіне тоқталады. Зерттеу барысында құдық суы болды жер асты суын орталықтандырылмаған көздерден пайдалану туралы қорытынды жасалды сумен қамтамасыз ету ауру қаупін арттырады халықты құқықтық қорғаудың арнайы шараларын әзірлеу қажет. Үшін жалпы ереже көптеген дамыған елдер орталықтандырылған сумен жабдықтау жүйелерінде жер асты суларын пайдалануға басымдық береді. Автономды немесе орталықтандырылмаған жүйелер қолданылады орталықтандырылған жүйелер болмаған жағдайда ғана, сондай-ақ санитарлық-гигиеналық талаптарды сақтай отырып. Жүргізілген бірқатар елдерді салыстырмалы түрде келтірілген. Мысал ретінде АҚШ, Жапония, Тайвань, Аргентинада пайдалану арасында тікелей байланыс орнатылды химиялық заттармен ластанған ауыз су мақсатында жер асты суларының заттарымен және онкологиялық аурулардың өсуімен байланыстырады[5].

К.А. Бековтің зерттеуінде Қазақстан Республикасы аумақтық жағынан қауіпті деп аталатын аймақта орналасқан егіншілік және оның климаты бойынша құрғақ. Соңғы жылдары республикада су тапшылығы сезіледі. Су ресурстары дағдарысының оларды басқарудың тиімсіздігінің себептері бар. Осыған байланысты пайдалану проблемасына байланысты өзекті мәселелердің бірі. Қазақстанның су ресурстары тиімді ұлтаралық басқару мәселесі болып табылады трансшекаралық су ағындарымен, өйткені Республиканың су ағынының жартысына жуығы қалыптасады көрші мемлекеттердің аумағында және сегіз бассейннің жетеуі трансшекаралық болып табылады. Демек, Қазақстанның су әлеуетінің басқа елдерге жоғары тәуелділігі, сондай-ақ көршілес аумақта пайда болған өзендердің ауқымды және бақылаусыз ластануы мемлекеттер ұлтаралық басқару мәселелерін зерттеудің өзектілігін анықтады Республиканың су ресурстары[6].

Қорытынды. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстан Республикасында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету мәселелері тұрақты даму саясатының өзекті бағыттарының бірі болып табылады. Су ресурстары — экономиканың, экожүйелердің және халықтың өмір сүру деңгейінің тұрақтылығын айқындайтын негізгі факторлардың бірі. Сондықтан гидротехникалық нысандардың тиімді және қауіпсіз жұмыс істеуі елдің ұлттық қауіпсіздігімен, табиғи

ресурстарды ұтымды пайдалануымен және экологиялық тепе-теңдікті сақтаумен тығыз байланысты. Жүргізілген әдеби талдау мен салыстырмалы зерттеу нәтижелері қазіргі гидротехникалық құрылыстардың техникалық жағдайы мен құқықтық реттеу жүйесінде бірқатар проблемалардың бар екенін көрсетті. Олардың ішінде ең бастысы — көптеген құрылымдардың физикалық тозуы, инженерлік бақылау жүйелерінің жеткіліксіздігі және заманауи мониторинг құралдарының жетіспеушілігі. Сонымен қатар, заңнамалық деңгейде гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігіне қатысты нормалардың бытыраңқылығы мен практикалық қолданылудағы қайшылықтар байқалады. Бұл ретте гидротехникалық қауіпсіздік мәселесін тек техникалық немесе әкімшілік деңгейде ғана емес, құқықтық және экологиялық саясаттың біртұтас бөлігі ретінде қарастыру қажет. Қазіргі кезеңде су ресурстарына деген сұраныс климаттың өзгеруі, халық санының өсуі және өндіріс көлемінің артуына байланысты күрделене түсуде. Бұл жағдай гидротехникалық құрылыстардың жүктемесін арттырып, апат қаупін көбейтеді. Сондықтан су нысандарының қауіпсіздігін қамтамасыз етудің заманауи құқықтық және техникалық құралдарын әзірлеу – уақыт талабы. Осы тұрғыда халықаралық тәжірибені енгізу, атап айтқанда, Еуропалық Одақтың Су шеңберлік директивасы мен БҰҰ-ның трансшекаралық су объектілерін қорғау жөніндегі конвенциясының қағидаттарын пайдалану Қазақстанның су саясатын жаңғыртуға мүмкіндік береді.

Қолданылған қайнар көздер тізімі:

1. Музтауов Ж. Б., Гаврилова Ю. А., Умаров Д. М. *Нормативно-правовое регулирование гидротехнических сооружений и их влияние на водную безопасность Республики Казахстан* // Вестник Казахского национального аграрного университета. – Алматы, 2022. – № 3(85). – С. 112–119.
2. Байдельдинов Д. Л. *Угрозы водной безопасности Казахстана: правовые аспекты* // Экологическое право. – 2021. – № 4. – С. 45–52.
3. Мукашева А. А. *Система водного законодательства: состояние и перспективы* // Журнал права и государства. – 2020. – № 2(58). – С. 73–80.
4. Бекишева С. Д. *Охрана окружающей природной среды: понятие и взаимосвязь с обеспечением экологической безопасности* // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. – 2019. – № 1(89). – С. 56–62.
5. Еркинбаева Л. К., Бородин А. А. *Проблемы правового регулирования охраны и использования подземных вод (международный опыт и практика Казахстана)* // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. – 2021. – № 2(94). – С. 101–108.
6. Беков К.А., Вартамян А.М. *Правовые основы Водного кодекса Республики Казахстан*. Eurasian Scientific Journal of Law. 2023;(4 (5)):7-18.

ӘОЖ 349.6

Айгаринова Гулнар Төлеухадировна

профессоры, з.ғ.к.б

Әл-Фараби атындағы Қазақ ҰУ
(Алматы қ., Қазақстан)**Телеуев Галым Байгазыевич**

PhD, құқық және экономика факультетінің деканы

І.Жансүгіров атындағы Жетісу Университеті
(Талдықорған қ., Қазақстан)

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ТҰРАҚТЫ ДАМУ ЖАҒДАЙЫНДА ГИДРОТЕХНИКАЛЫҚ ҚҰРЫЛЫСТАРДЫ ПАЙДАЛАНУ МЕН ҚАУІПСІЗДІГІН ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ НОРМАЛАРЫНЫҢ ҚҰҚЫҚ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ОРНЫ МЕН ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ

Аннотация: Бұл мақала Қазақстан Республикасының тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық нормалардың құқық жүйесіндегі орны мен құқықтық табиғатын талдауға арналған. Зерттеу мақсаты – су ресурстарын қорғау мен гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіз жұмыс істеуін реттейтін нормалардың құқық салаларымен өзара байланысын, олардың заңнамалық иерархиядағы орнын және құқықтық табиғатын айқындау. Автор гидротехникалық құрылыстарды құқықтық реттеу тек экологиялық немесе табиғат пайдалану саласымен шектелмей, әкімшілік, азаматтық және қылмыстық құқық нормаларымен де тығыз байланыста екенін дәлелдейді. Мақалада Қазақстан Республикасының Су кодексі, Экологиялық кодексі және Төтенше жағдайлар туралы заңнамаларындағы нормаларға талдау жасалып, олардың жүйелілігі мен өзара үйлесімділігі бағаланады. Сондай-ақ гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету жөніндегі құқықтық қатынастардың көпсалалы сипаты көрсетіледі. Зерттеу барысында автор гидротехникалық құрылыстардың құқықтық табиғатының ерекшелігі — олардың қосарланған, яғни экологиялық және техногендік қауіпсіздік элементтерін біріктіретін кешенді сипатында екенін атап өтеді. Мақалада тұрақты даму қағидаттары мен халықаралық құқық нормаларының (БҰҰ Су ресурстары жөніндегі конвенциясы, Еуропалық Одақтың Су шеңберлік директивасы) ықпалы да қарастырылады. Автордың пікірінше, гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздігін қамтамасыз ету нормалары экологиялық құқықтың ішкі жүйесінде маңызды орын алады және тұрақты даму мақсаттарына жетудің құқықтық негізін құрайды. Зерттеу нәтижелері құқықтық нормалардың жүйелілігін күшейту, су нысандарының қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласындағы заңнаманы жетілдіру және ұлттық құқық жүйесін халықаралық стандарттарға сәйкестендіру бойынша практикалық ұсыныстар жасауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: тұрақты даму, гидротехникалық құрылыстар, құқықтық жүйе, құқықтық табиғат, экологиялық қауіпсіздік, су заңнамасы, құқықтық реттеу, су ресурстары.

Мақала AP26193915 «Тұрақты даму жағдайында Гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен қауіпсіздікті қамтамасыз етуді құқықтық реттеу» тақырыбындағы гранттық қаржыландырылатын ғылыми жоба шеңберінде әзірленді

Қазақстан халқының қауіпсіздігін қамтамасыз ету – мемлекеттің ең басты басымдылықтарының бірі. Гидротехникалық құрылыстардың орны айрықша, өйткені ол елдің су ресурстарын сауатты пайдалануымен қатар, қатар төтенше жағдайларды алдын алатын маңызды жоба. Дегенмен, гидротехникалық нысандардың сенімділігі тек инженерлік есептеулермен шектелмейді, ол сонымен қатар құқықтық реттеу мен халықаралық тәжірибені тиімді қолдануды талап етеді. Гидротехника саласын елемеудің құны – адамдардың өмірі. Сондықтан бұл бағыттағы тұрақты даму – мемлекеттің халықтың алдындағы тікелей міндеті. Оны жетілдіру дегеніміз күн сайын жаңа ашылулар жасау емес, ең әуелі әлемдік тәжірибені саралап, бұрынғы қателіктерді қайталамаудан тұрады.

Гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану және қолданысқа енгізуді реттейтін нормалардың тарихи қалыптасуы мен дамуы күрделі сатылардан өткен.

Қоғамдық өндіріс пен қала құрылысының дамуы, халықтың әл-ауқаты мен мәдени деңгейінің көтерілуі суға деген сан алуан сұранысты арттырып, суды ұтымды пайдалану мен қорғаудың маңыздылығын арттыруда. Мұндай жағдайларда су ресурстарының ластануымен, ластануымен және сарқылуымен күресу ерекше өзекті болып табылады. Бүкілодақтық және республикалық су заңнамасының кешенді жүйесі болуы да сондықтан.

Өсіресе, 1970 жылғы 10 желтоқсандағы КСРО және одақтық республикалардың Су заңдарының негіздері және 1972 жылғы 27 желтоқсанда бекітілген Қазақ КСР-інің Су кодексі ерекше назар аудартады [1] Кеңес Үкіметінде су құқық қатынастарын реттейтін алғаш жүйеленген нормативтік акт болып Қазақ КСР-нің 1972 жылғы Су кодексі танылды. Қазақ КСР-нің 1972 жылғы Су кодексінде гидротехникалық құрылыстар мемлекеттік су қорының құрамына кіретіндіктен оларды салу мен пайдаланудың егжей-тегжейлі ережелері берілген. Құжатта су ресурстарын ұтымды пайдалануды қамтамасыз етуге және залалдың алдын алуға бағытталған ережелер белгіленген болатын. Су Кодексінде шаруашылық аралық каналдар мен су қоймаларында гидротехникалық құрылыстарды пайдалануды реттейтін нормалар орын алды. Гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану және қолданысқа енгізу қауіпсіздік пен экожүйені сақтаудың басымдылығына баса назар аудара отырып жүзеге асырылған болатын. Қазақ КСР-інің Су кодексінің 117-бабына сәйкес, «Кеме жүзбейтін және ағаштанбайтын өзендердегі, бұлақтар мен каналдардағы су сақтайтын және басқа да гидротехникалық құрылыстарды пайдалану осы құрылыстарды жобалау кезінде әзірленген ережелерге сәйкес, ал жекелеген жағдайларда – су пайдаланушылардың өздерімен және суды пайдалану мен қорғауды реттейтін уәкілетті органдармен, мемлекеттік санитарлық қадағалауды жүзеге асыратын органдармен және балық қорын қорғауды және жергілікті бақылауды жүзеге асыратын органдармен келісілген ережелерге сәйкес жүзеге асырылады» делінген болатын [2]. Сонымен қатар, Кодексте су объектілерін зиянды әсерлерден қорғау мәселесі, су тасқыны мен жағалау эрозиясын қоса алғанда, судың зиянды әсерінің алдын алу және жою шаралары қарастырылған. Бұл процесте гидротехникалық құрылыстар (су қабылдағыш, су төгетін жер, шығыс және т.б.)

маңызды рөл атқарды. Қазақ КСР-нің 1972 жылғы Су кодексіне сәйкес, гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану және пайдалану мемлекет тарапынан реттелді, өйткені барлық су ресурстары оның меншігі болды. Гидротехникалық құрылыстарды салу және пайдалану мемлекеттік органдардың бақылауында болды. Бұл мемлекеттің айрықша меншігі болып табылатын су ресурстарын пайдалануға Кодексте суды ұтымды пайдалануды қамтамасыз етуге, су объектілерін қорғауға және судың зиянды әсерлерін болдырмауға бағытталған қатаң ережелер белгілей отырып, бірыңғай көзқарасты қамтамасыз етті. Сәйкесінше, барлық гидротехникалық құрылыстар мемлекет меншігінде болып, су шаруашылығы жүйелерінің бөлігі болып саналды.

Қазақ КСР-інің Су кодексінің негізгі ережелерін жүзеге асыру мақсатында бірнеше заңға негізделген актілер қабылданды. Атап айтсақ:

Суларды кешенді пайдалану және қорғау схемаларын әзірлеу және бекіту тәртібі туралы. Қазақ ССР Министрлер Кеңесінің 1976 жылғы 30 маусымдағы N 359 Қаулысы.

Суларды пайдалану мен қорғауды мемлекеттік бақылау туралы ереже КСРО Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 22 маусымдағы қаулысы Аталған қаулыға сәйкес, ССРО су шаруашылығы және мелиорация Министрлігі

«в) су шаруашылығы жүйелері мен су қоймаларын, сондай-ақ көлдер мен су қоймалары ретінде пайдаланылатын басқа да су объектілерін пайдалану ережелерін сақтауға;

г) тазарту құрылыстары мен құрылыстарының жағдайы мен тиімділігі, сондай-ақ ағынды суларды ағызудың тәртібі мен шарттарын қатаң сақтауға;

2) су қорғау құрылыстарын салу бойынша жоспарлы көрсеткіштердің орындалуы және осы мақсаттарға бөлінген қаражаттың пайдаланылуы, сондай-ақ сарқынды суларды тазарту әдістері мен технологиясын жетілдіру жоспарларының орындалуына;» қатал бақылау жасайтындығы атап өтілді. Демек, гидротехникалық құрылыстардың салыну және пайдалану тәртібі ССРО су шаруашылығы және мелиорация Министрлігінің бақылауында болғанына көз жеткіздік [3].

Келесі гидротехникалық құрылыстардың салыну, пайдалану қатынастарын реттеуде ерекше орын алған акт, Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 4 маусымдағы N 226 қаулысымен бекітілген Қазақ ССР аумағында жүзеге асырылатын Халық депутаттары Кеңестерінің атқару комитеттерінің арнайы су пайдалану жөніндегі рұқсаттарды бекіту және беру тәртібі туралы Нұсқаулығы болды. Гидротехникалық құрылыстарды салу арқылы су шаруашылығын жүргізу, арнайы су пайдалану құқығы екенін ескерсек, аталған нұсқаулыққа сәйкес, жаңа құрылыс объектілері үшін арнайы суды пайдалануға рұқсат техникалық-экономикалық негіздемені алмастыратын немесе басқа жоба алдындағы жұмыстар кезеңінде жүзеге асырылатын құрылыс алаңын таңдау кезінде беріледі. Құрылыс алаңы анықталмаған болса (яғни құрылыс жаңа аумақты игеруді көздемейтін болса), онда рұқсаттар техникалық-экономикалық негіздеу сатысында немесе техникалық (техникалық және жұмыс) жобаны әзірлеуге тапсырма берілген кезде беріледі делінген. Сәйкесінше, арнайы су пайдалану құқығына рұқсат су пайдаланушылар осы суды пайдаланудың шарттарын мемлекеттік санитариялық қадағалау, балық қорын қорғау, геология, мемлекеттік тау-кен қадағалау органдары және мемлекеттік ветеринариялық қызмет органдарымен келісілгеннен кейін береді [4].

Су объектілерін гидротехникалық құрылыстарды салу және пайдалануға алу үшін Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 6 қыркүйектегі N 336 қаулысымен

бекітілген нұсқаулық ережелерін қатаң ұстануды талап етілді. Су объектілерін арнайы пайдалануға беру туралы өтініштерді қозғау және қарау тәртібі туралы Нұсқаулыққа сәйкес, су объектілерін немесе олардың бөліктерін ерекше пайдалану үшін алуға мүдделі кәсіпорындар, мекемелер, ұйымдар объектінің орналасқан жерін көрсете отырып, суды пайдалану мақсатын, шарттарын және ұзақтығын көрсете отырып, қажетті негіздемемен өтініш береді.

Өтінімге келесі құжаттарды:

- су объектісінің немесе оның бір бөлігінің жоспары мен гидрологиялық сипаттамасы;

- суды ерекше пайдалануды жүзеге асыратын кәсіпорынның немесе басқа объектінің сипаттамасы;

- аумағында су объектісі немесе оның бір бөлігі орналасқан жер пайдаланушылармен су объектісін ерекше пайдалануға беру мәселесін келісу туралы материалдар. Егер су объектісі колхоз аумағында орналасқан болса, өтінішке колхоз мүшелерінің жалпы жиналысының (уәкілетті өкілдер жиналысының) хаттамасынан үзінді көшірме қоса тіркелуге тиіс;

- қарастырылып отырған су объектісін пайдаланатын кәсіпорындар, мекемелер, ұйымдар туралы және олармен суды одан әрі (қайталама) пайдалану шарттары туралы немесе мұндай пайдалану құқығынан айырылу туралы шарт туралы мәліметтер;

- суды пайдалану мен қорғауды, мемлекеттік санитарлық қадағалауды, балық шаруашылығын қорғауды реттейтін жергілікті атқарушы органдардың және басқа да мүдделі органдардың қорытындылары;

- су объектісін бөлек пайдалануға беруге алдын ала келісу туралы құжатты қоса беру қажет болды [5].

Әрине, гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану және қолданысқа енгізу барысында көптеген мәселелер туындады;

Ескірген және тозған инфрақұрылым: Гидротехникалық құрылыстардың едәуір бөлігі 1940-1980 жылдар аралығында салынған және КСРО ыдыраған кезде айтарлықтай тозған болатын. Олардың көпшілігі күрделі жөндеу немесе қайта құрусыз ондаған жылдар бойы жұмыс істеп, апат қаупін арттырды.

- Пайдалану ережелерін бұзу: пайдалану ережелері әрқашан сақталмайды, бұл жағымсыз салдарға әкелуі мүмкін. Тиісті қадағалаудың және білікті мамандардың болмауы оқиғаларға әкелуі мүмкін.

- Ылғалдану: су қоймалары мен каналдарда шөгінділер мен құмның жиналуы олардың өткізу қабілетін төмендетті, ағынның схемасын бұзды және сорғы станциялары үшін қиындықтар туғызды. Бұл үнемі уақтылы жүргізілмейтін мерзімді тазалауды қажет етті.

- Қараусыз қалдыру және бақылаудың жоқтығы: Кеңестік кезеңнің аяғында және тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында қараусыз қалған, қоршаған ортаға және қоғамдық қауіпсіздікке қауіп төндіретін қараусыз қалған гидротехникалық құрылыстар мәселесі байқалды.

- Ластану және бітелу: Гидротехникалық құрылыстар, әсіресе су қоймалары өнеркәсіптік және тұрмыстық ағынды сулардың жиналуына ықпал етіп, судың ластануына әкелді. Тиімсіз тазарту қондырғылары мәселені ушықтырды.

- Су ресурстарының сарқылуы: қарқынды су алу құрылысы, әсіресе суару үшін, суды шамадан тыс тұтынуға әкелді. Бұл Орталық Азиядағы экологиялық дағдарыстың, оның ішінде Арал теңізінің тайыздануының бір себебі болды.

- Биоәртүрлілікке қауіп: гидротехникалық құрылысты салу, әсіресе тиімді балық қорғау құрылғыларынсыз балықтардың табиғи миграциялық жолдарын бұзып, олардың популяциясына теріс әсер етті.

Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін халықаралық стандарттар мен озық тәжірибелерді жергілікті жағдайларға бейімдей отырып, өз заңнамасын әзірлеуге кірісті. Су ресурстарын басқару және гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігіне қатысты заңдар мен ережелер қабылданды. Қазақстан Республикасы егемендік алғаннан кейін, гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану саласындағы құқықтық реттеуші, келесі акт ретінде 1993 жылғы қабылданған Су кодексі болды. Гидротехникалық құрылыстарды реттеудің Егеменді Қазақстандағы негізін қалай отырып, өтпелі құжат ретінде танылды. Себебі, кеңестік су заңнамасынан көптеген реттеу тәсілдерді мұра ете отырып, гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану аспектілерін, әсіресе қауіпсіздік мәселелерін қамтитын егжей-тегжейлі ережелерді қамтымады. Кодексте судың сапасына әсер ететін кез келген нысан мемлекеттік сараптамадан өтіп, уәкілетті органдармен мақұлдануы тиіс деп белгіленді. Бұл әрине, гидротехникалық құрылыстарға, соның ішінде суару жүйелеріне, бөгеттер мен каналдарға да қатысты болды. Дегенмен, бекітілген жобасыз немесе тиісті балық қорғау құралдары жоқ салынған гидротехникалық құрылыстарды пайдалануға беруге тыйым салынды. Бұл ереже су ресурстары мен биологиялық әртүрлілікті гидротехникалық құрылыстардың жағымсыз әсерінен қорғады. Қазақстан Республикасы егемендік алғаннан кейінгі 1993 жылғы 09 шілдеде қабылданған Су кодексіне сәйкес, гидротехникалық құрылыс жайлар деген түсінік болмады, су шаруашылық құрылыстары мен құрылғылары деген түсінік болатын. Аталған нормаға сәйкес, су ресурстарын реттеу, пайдалану, ұдайы молайту және қорғау, халықты және экономика салаларын сумен қамтамасыз ету мақсатында, сондай-ақ судың зиянды әсеріне қарсы күресу үшін табиғи ортада және сутоғандарда жасанды жолмен салынған каналдар, су қоймалары, су құбырлары, гидротехникалық құрылыстар мен құрылғылар деп анықтама берілген болатын [6]. Осы анықтамаға сәйкес, су шаруашылық құрылыстарының салыну мақсаты болып:

1. су ресурстарын реттеу, пайдалану, ұдайы молайту және қорғауды қамтамасыз ету;
2. халықты және экономика салаларын сумен қамтамасыз ету;
3. судың зиянды әсеріне қарсы күресуді қамтамасыз ету танылды.

Су кодексіне сәйкес қабылданған Қазақстан Республикасы Министрлер Кабинетінің 1994 жылғы 29 желтоқсандағы «Су қоймаларын жеке пайдалануға беру тәртібі туралы нұсқаулықты бекіту туралы» № 1483 қаулысы су қоймаларын жеке пайдалануға беру тәртібі мен шарттарын айқындады. Ол нарықтық экономикаға көшу кезінде елімізде суды пайдалануды жүйелеуді көздегенмен, гидротехникалық құрылыстарға қатысты егжей-тегжейлі ережелер тікелей қамтылмады. Осы қаулымен бекітілген нұсқаулықтарда нақты нысандардың құрылысы мен пайдалану тәртібін реттеуге емес, су қоймаларын жеке пайдалануға беру тәртібіне баса назар аударылды. Дегенмен, гидротехникалық құрылыстар туралы ережелер 1993 жылғы Су кодексіне және су шаруашылығы қызметін реттейтін басқа да нормативтік құқықтық актілерге сілтемелер арқылы жанама түрде қарастырылды. Заңға сәйкестік: Гидротехникалық құрылыстар бар немесе жоспарланған

су объектісін кез келген жалғыз пайдалану 1993 жылғы Су кодексіне және басқа ережелерге сәйкестікті талап етеді. Бұл меншік иесі немесе пайдаланушы басқа құжаттармен белгіленген гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігі мен пайдалану талаптарын ескеруі керек дегенді білдірді. Жобаны бекіту: 1993 жылғы Су кодексі бекітілген жобасыз салынған гидротехникалық құрылыстарды пайдалануға беруге тыйым салды. Демек, су қоймаларын оқшауланған пайдалануға беру жөніндегі нұсқаулықта егер су қоймасын пайдалану гидротехникалық құрылыс салуды талап етсе, жобаны белгіленген тәртіппен бекіту керектігі қарастырылған [7].

Нарықтық экономика талаптарына жауап беретін Қазақстан республикасының су кодексі 2003 жылы қабылданды. Қазақстан Республикасының су құқығы оқу құралының авторы Сүлейменова С.Ж. пікірі бойынша, 2003 жылы 9 шілдеде Қазақстан Республикасының Парламенті қабылдаған және Мемлекет басшысы қол қойған Су кодексінің маңыздылығы айқын. Оның қабылдануы елдің су шаруашылығы саласының қазіргі шындығы мен осы саладағы қолданыстағы, бірақ ескірген заңнамалық база арасындағы қалыптасқан қайшылықтарды шешуге көмектеседі деген болатын [8.69].

2003 жылғы Қазақстан Республикасының Су кодексінде гидротехникалық құрылыстарды салу, пайдалану тәртібін реттейтін, бұрынғы заңнаманың ережелерін жетілдіріп, нақтылайтын, бірқатар нормалар болды.

Аталған Кодекс гидротехникалық құрылыстарды су қатынастарының объектілері ретінде анықтап, басқа су шаруашылығы құрылымдары сияқты оларға меншік құқығы да мемлекеттік тіркеуге және есепке алуға жататынын белгіледі. Қауіптілігі жоғары гидротехникалық құрылыстар үшін міндетті қауіпсіздік декларациялау тәртібі енгізілді. Бұл ереже қауіпті объектілердің жағдайын бақылаудың негізгі тетіктерінің бірі болды.

Гидротехникалық құрылыстарды салып, су объектілерін су шаруашылығында пайдалануды, қазіргі кезде заңды күшін жойған Су кодексі, арнайы су пайдалану құқығына жатқызған болатын [9].

Су кодексіне сәйкес қабылданған «Мемлекеттік су кадастрын жүргізу ережесін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2003 жылғы 31 желтоқсандағы қаулысы гидротехникалық құрылыстарды пайдалану тәртібін реттейтін нормалар болмады, Дегенмен, бұл құжаттың негізгі мақсаты су ресурстары мен оларды пайдалану туралы ақпаратты жүйелеу бола отырып, гидротехникалық құрылыстардың сандық сапалық сипаттамасын белгілейтін ақпарат кадастрлық ақпараттың бөлігі болды. Кадастр су ресурстарының саны мен сапасы туралы ақпаратты, сондай-ақ су шаруашылығы құрылымдары туралы ақпаратты қамтиды. Бұл деректер суды қорғау және су шаруашылығы шараларын жобалау және жоспарлау кезінде пайдаланылды [10]

Гидротехникалық құрылыстарды пайдаланудың құқықтық режимі Қазақстан Республикасының 2025 жылғы қолданыстағы Су кодексінде қарастырылған. Аталған актіге сәйкес, гидротехникалық құрылысжайлар – су ресурстарын пайдалануды реттеуге (оның ішінде, жерүсті су объектілерінің суларын алуға, сақтауға, тасуға, бөлуге және дренаждық суларды бұруға) арналған құрылысжайлар, сондай-ақ судың зиянды әсерінен қорғауға арналған өзге де құрылысжайлар (су тежейтін, су ағызатын және су жіберетін құрылысжайлар, су басудан және жағалаудың бұзылуынан қорғауға арналған құрылысжайлар) деп анықтама берілген [2]. Әрине, гидротехникалық құрылыстар су шаруашылығы, энергетика, көлік және ауыл шаруашылығы кешендерінің тұрақты жұмысын қамтамасыз ететін инженерлік инфрақұрылымның

маңызды объектілері болып табылады. Дегенмен, оларды жобалау және пайдалану апаттарды болдырмау және табиғатты сақтау үшін техникалық, экологиялық және құқықтық нормаларды қатаң сақтауды талап етеді [3].

Қолданыстағы Су кодексінде, ара-жігі ажыратылмастан, гидротехникалық құрылыс жайларға қойылатын талаптар, құрылыс жай тізілімі және құрылысжайлардағы авария адамдардың өмірі мен денсаулығына, қоршаған ортаға зиян келтіру, жеке және заңды тұлғаларға материалдық залал келтіру қаупін төндіретін гидротехникалық құрылысжайлардың жекелеген түрлері қарастырылған. Сонымен қатар, гидротехникалық құрылысжайлардың әлеуетті қауіпті нысандарға жататын түрлерін, сондай-ақ оларды жобалау, салу, пайдалану, реконструкциялау, консервациялау немесе жою кезінде олардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету талаптарын айқындайтын «Гидротехникалық құрылысжайлардың қауіпсіздігі туралы регламентті бекіту» туралы Қазақстан Республикасы Су ресурстары және ирригация министрінің 2025 жылғы 15 шілдедегі № 173-НҚ бұйрығы қабылданды. Атаулы бұйрық Қазақстан Республикасының Су кодексі нормаларының жүзеге асырылуына толық жағдай жасайтыны сөзсіз [5].

Қорытынды. Жүргізілген зерттеу нәтижелері көрсеткендей, Қазақстан Республикасында тұрақты даму жағдайында гидротехникалық құрылыстарды пайдалану мен олардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық нормалар ұлттық құқық жүйесінің маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Су ресурстарын тиімді пайдалану мен гидротехникалық нысандардың қауіпсіз жұмыс істеуі елдің экологиялық тұрақтылығын, экономикалық дамуын және халықтың өмір сүру сапасын қамтамасыз етудің негізгі алғышарттарының бірі саналады. Гидротехникалық құрылыстардың құқықтық табиғаты олардың көпсалалы және кешенді сипатында көрініс табады. Олар экологиялық, техникалық және әлеуметтік элементтерді біріктіре отырып, табиғатты қорғау және апаттық жағдайлардың алдын алу мәселелерін құқықтық реттеудің жаңа деңгейін талап етеді. Осыған байланысты құқықтық нормалардың жүйелілігі мен өзара үйлесімділігін қамтамасыз ету — тұрақты даму қағидаттарын тиімді іске асырудың басты тетігі. Зерттеу барысында анықталғандай, қазіргі қолданыстағы заңнамалық актілерде гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігіне қатысты нормалар бар болғанымен, олардың құқықтық иерархиясы мен қолдану аясында біраз қайшылықтар кездеседі. Сондықтан су ресурстарын басқару мен гидротехникалық нысандардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуді біртұтас құқықтық жүйе ретінде қарастыру қажет. Бұл бағытта Су кодексі мен Экологиялық кодекске толықтырулар енгізу, сондай-ақ халықаралық стандарттарға сәйкес жаңа нормативтік актілер қабылдау өзекті болып табылады. Сонымен қатар, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз ету саласында құқықтық саясат пен техникалық бақылаудың үйлесімділігін арттыру маңызды. Заманауи мониторинг жүйелерін енгізу, цифрлық деректерді пайдалану және ведомствоаралық өзара іс-қимылды күшейту арқылы апаттық тәуекелдерді азайтуға және алдын алу шараларын тиімді іске асыруға болады.

Қорытындылай келе, гидротехникалық құрылыстардың қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған құқықтық нормалар тек экологиялық құқық саласының ғана емес, жалпы ұлттық қауіпсіздік пен тұрақты дамудың ажырамас бөлігі болып табылады. Болашақта осы саладағы ғылыми зерттеулер құқықтық реттеуді жетілдіру, халықаралық

тәжірибені бейімдеу және су қауіпсіздігін қамтамасыз етудің тиімді құқықтық тетіктерін қалыптастыруға бағытталуы тиіс.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. Природа и закон. Сборник нормативных актов по охране природы. – Алма-Ата: Кайнар, 1984. – 438 с
2. КазССР. Водный кодекс от 27 декабря 1972 года. – Алма-Ата: Кайнар, 1973. – 180 с.
3. Суларды пайдалану мен қорғауды мемлекеттік бақылау туралы ереже: КСРО Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 22 маусымдағы қаулысы // Природа и закон. Сборник нормативных актов по охране природы. – Алма-Ата: Кайнар, 1984. – 438 с.
4. Қазақ КСР аумағында жүзеге асырылатын Халық депутаттары Кеңестерінің атқару комитеттерінің арнайы су пайдалану жөніндегі рұқсаттарды бекіту және беру тәртібі туралы Нұсқаулық // Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 4 маусымдағы № 226 қаулысымен бекітілген.
5. Су объектілерін арнайы пайдалануға беру туралы өтініштерді қозғау және қарау тәртібі туралы Нұсқаулық // Қазақ КСР Министрлер Кеңесінің 1979 жылғы 6 қыркүйектегі № 336 қаулысымен бекітілген.
6. Қазақстан Республикасының Су кодексі. – Алматы: Жеті Жарғы, 1993. – 64 б.
7. Су қоймаларын жеке пайдалануға беру тәртібі туралы нұсқаулықты бекіту туралы: Қазақстан Республикасы Министрлер Кабинетінің 1994 жылғы 29 желтоқсандағы № 1483 қаулысы. – Астана, 1994.
8. Сулейменова С.Ж. Водное право Республики Казахстан. Учебное пособие. – Алматы: 2010. – 286 с
9. Қазақстан Республикасының Су кодексі 2025 жылғы 9 сәуірдегі № 178-VIII ҚРЗ Кодексі. \ \ <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/K2500000178>
10. Мемлекеттік су кадастрын жүргізу ережесін бекіту туралы» Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2003 жылғы 31 желтоқсандағы қаулысы

УДК 342.7:349.42:631.115

Ибраев Алишер Серикболович

PhD, старший преподаватель

Международный университет Астана

(г. Астана, Казахстан)

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: В статье рассматриваются правовые основы ведения личных подсобных хозяйств (ЛПХ) в Республике Казахстан в контексте обеспечения продовольственной безопасности как одной из важнейших конституционных функций государства. Анализируются положения Конституции Республики Казахстан, Земельного кодекса, Налогового кодекса и Закона Республики Казахстан «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий», в которых затрагиваются вопросы права собственности на землю, рационального использования земельных ресурсов, а также государственной поддержки сельских жителей.

Отмечается, что ЛПХ традиционно выполняют значимую социальную и экономическую роль в обеспечении населения продовольствием, однако их правовой статус не имеет чёткой законодательной регламентации. Отсутствие специального закона о ЛПХ приводит к правовой неопределённости, ограничивает доступ владельцев ЛПХ к мерам государственной поддержки и препятствует развитию этой формы сельского хозяйства. Делается вывод, что ведение ЛПХ является одной из форм реализации конституционных прав граждан на труд, собственность и достаточный жизненный уровень, а также способствует выполнению государством своих обязанностей по обеспечению продовольственной безопасности. В связи с этим предлагается разработать и принять отдельный закон, регулирующий правовой статус ЛПХ и обеспечивающий их поддержку на государственном уровне.

Ключевые слова: личное подсобное хозяйство, продовольственная безопасность, Конституция Республики Казахстан, земельное право, аграрное законодательство, собственность на землю, устойчивое развитие сельских территорий.

Научная статья подготовлена в рамках проекта ИРН AP19679168 «Проблемы правового регулирования личного подсобного хозяйства граждан в Республике Казахстан», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Введение. Проблема обеспечения продовольственной безопасности в Республике Казахстан тесно связана с реализацией конституционных принципов рационального природопользования, социальной справедливости и охраны прав граждан. Согласно статье 31 Конституции Республики Казахстан, государство ставит своей целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека; статья 6 закрепляет, что земля и иные природные ресурсы принадлежат народу Казахстана, и от имени народа права собственности осуществляет государство [1]. Эти положения формируют основу

правового режима использования земли и определяют ответственность государства за устойчивое и рациональное землепользование. В соответствии со статьёй 26 Конституции РК гарантируется право граждан на частную собственность и её защита законом [1]. Реализация данного положения в сельском хозяйстве проявляется, в частности, в предоставлении гражданам земельных участков для ведения ЛПХ: Земельный кодекс РК предусматривает предоставление участков для ЛПХ, садоводства и огородничества [2].

Несмотря на наличие правовых норм, допускающих ведение ЛПХ, на практике институт остаётся слабо урегулированным: отсутствуют легальное определение ЛПХ, его правовой режим, стандарты предоставления земель и меры государственной поддержки. Закон РК «О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий» лишь опосредованно затрагивает поддержку малых форм хозяйствования, не определяя место ЛПХ в системе аграрных отношений [3]. Между тем ЛПХ вносят значимый вклад в обеспечение внутреннего рынка продовольствием: по данным официальной статистики, существенная доля продукции животноводства и растениеводства производится в домохозяйствах граждан [6]. В отсутствие специального закона владельцы ЛПХ не имеют надёжных правовых гарантий участия в госпрограммах субсидирования, кредитования, лизинга и иной поддержке, предусмотренной для крестьянских (фермерских) хозяйств. Это порождает противоречие между фактической ролью ЛПХ и их юридическим статусом.

Цель статьи — провести конституционно-правовой анализ положения ЛПХ как элемента продовольственной безопасности, определить их место в системе аграрных отношений и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства РК.

Конституционно-правовые основы продовольственной безопасности Республики Казахстан

Продовольственная безопасность — ключевое направление государственной политики и конституционная обязанность РК, вытекающая из совокупности норм о праве собственности на ресурсы, социальной функции государства, рациональном природопользовании и охране здоровья граждан [1]. Статья 6 Конституции закрепляет публично-правовой характер собственности на природные ресурсы и допускает частное владение и пользование землёй для удовлетворения общественно значимых потребностей, включая сельское хозяйство и ЛПХ. В этом смысле земля выступает не только объектом частного права, но и основой продовольственной и экологической безопасности.

Статья 26 Конституции РК обеспечивает правовую базу для предоставления гражданам земельных участков под ЛПХ; статья 29 придаёт продовольственной безопасности конституционно-правовое измерение как условию «достаточного жизненного уровня», включающего питание и благополучие семьи [1]. Статья 31 возлагает на государство обязанность создавать условия, благоприятные для жизни и здоровья, что включает устойчивое сельхозпроизводство и рациональное землепользование.

На уровне отраслевого законодательства Земельный кодекс РК раскрывает социальную функцию земли: в ст. 12 земля названа национальным богатством под особой охраной государства; поручается обеспечивать рациональное использование и охрану земель [2]. Кодекс допускает предоставление участков для ЛПХ, но не содержит

легального определения ЛПХ и целостного статуса. В результате возникает нормативный пробел, на который указывает и доктрина: право на землю выполняет не только экономическую, но и социальную функцию, обеспечивая реализацию прав на труд, собственность и достойную жизнь; ЛПХ — одна из форм такой реализации.

Государственная политика в сфере АПК ориентирована на устойчивое развитие сельских территорий и повышение уровня жизни сельчан [3]. Эти цели корреспондируют конституционным обязанностям по продовольственной безопасности и рациональному использованию ресурсов. В научной литературе подчёркивается, что продовольственная безопасность — не исключительно экономическая категория, а конституционное обязательство государства обеспечить граждан качественными и доступными продуктами питания [4, с.588]. В таком ракурсе развитие ЛПХ — элемент конституционной системы продовольственной безопасности, реализующий принципы рационального природопользования и социальной справедливости.

Конституционно-правовые положения РК задают цельный каркас, в рамках которого ЛПХ выступают инструментом реализации прав на землю, собственность и достойный уровень жизни. Отсутствие специального закона о ЛПХ нарушает системность регулирования и снижает эффективность исполнения государством конституционных обязанностей.

На сегодняшний день в законодательстве Республики Казахстан отсутствует легально закреплённое понятие «семейная ферма». В отличие от ряда государств Европейского союза, где семейные фермы рассматриваются как основа устойчивого сельского хозяйства, в Казахстане данная форма аграрного производства не выделяется в качестве самостоятельного института. Вместе с тем, в казахстанской правовой системе существует форма хозяйствования, по своей сути и функциям близкая к модели семейной фермы — это личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

ЛПХ, как правило, ведётся на приусадебных участках граждан, носит непредпринимательский характер, ориентировано на самообеспечение семьи и частично — на сбыт излишков продукции. При этом оно базируется на семейном труде, тесно связано с бытом и укладом сельского населения и способно выполнять важные социально-экономические и экологические функции, аналогичные функциям семейных ферм в странах ЕС.

Критерий сравнения	Личное подсобное хозяйство (РК)	Семейная ферма (ЕС)
Правовой статус	Не является субъектом предпринимательства; не требует государственной регистрации	Может иметь статус индивидуального предпринимателя, сельхозпредприятия или кооператива; регистрируется в статистических и налоговых органах
Организационная форма	Ведётся физическим лицом (семьёй); без образования юридического лица	Основана на семейном труде, но может иметь форму юридического лица
Трудовые ресурсы	Преимущественно труд членов семьи; наёмный труд	Основной труд — семейный, но возможен наём работников

	не допускается	
Цели деятельности	Самообеспечение продуктами питания; возможна продажа излишков	Комбинирует самообеспечение и товарное производство для рынка
Доступ к мерам господдержки	Ограниченный; субсидии и программы поддержки фермеров не применимы	Полноценный доступ к механизмам поддержки в рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕС
Размеры хозяйств	Как правило, менее 0,25 га не орашаемые земли (0,15 га орашаемые земли);	Широкий диапазон: от мелких до крупных семейных хозяйств
Интеграция в рынок	Ограниченная; продажа излишков осуществляется нерегулярно	Широкая вовлечённость в агропродовольственные цепочки, включая экспорт
Функция в аграрной политике	Вне основного контура агрополитики; рассматривается как форма самозанятости	Признаётся важнейшим элементом устойчивого сельского развития

Примечание: Таблица отражает обобщённую модель, в реальной практике в ЕС существуют различные формы семейных хозяйств, включая как полусубсистенционные, так и высокоинтегрированные в рынок. В то время как ЛПХ в Казахстане остаются преимущественно вне институционального поля аграрной экономики, их потенциал в контексте устойчивого продовольственного обеспечения требует дополнительного изучения и нормативного переосмысления.

В Казахстане выявились следующие моменты, которые вызывают трудности в развитии семейных ферм. В их числе находятся: отсутствие законодательной базы, регулирующей их деятельность; отсутствие необходимой инфраструктуры для трансформации личных подсобных хозяйств населения в животноводческие семейные фермы; неэффективное использование земель, отсутствие земли у домашних хозяйств; низкая доля специализированных крестьянских хозяйств, работающих на производстве животноводческой продукции (лишь 10 %); слабая кормовая база (низкопродуктивные естественные пастбища и сенокосы) [5, с. 27].

Наиболее устойчивой формой хозяйствования в сельской местности являются личные подсобные хозяйства. Личные подсобные хозяйства решают социальные задачи, а также являются основной формой занятости и получения дохода в селе. Кроме этого ЛПХ играют важную роль в повышении качества жизни и укрепления здоровья населения [6, с. 101].

Один из важных факторов популярности и важности ЛПХ состоит в том, что именно в них может производиться экологически чистая продукция методом органического земледелия. Даже при условии низкой экономической выгоды от производства товарной продукции в ЛПХ их владельцы все равно сохраняют производство для собственных нужд [6 с.63].

2. Правовой статус ЛПХ в земельном и аграрном законодательстве РК (в сравнительном контексте)

ЛПХ — традиционная форма сельского хозяйства, основанная на личном труде граждан и использовании предоставленных земельных участков. Земельный кодекс предусматривает возможность выделения участков для ЛПХ [2]. В отличие от крестьянских (фермерских) хозяйств, деятельность, ЛПХ не имеют статуса субъекта хозяйствования и не наделены комплексом прав/обязанностей, характерных для субъектов АПК. Это порождает практические последствия: участие в производстве продовольствия при одновременном отсутствии доступа к механизмам господдержки, кредитования и защиты. На проблему указывает и доктрина: ЛПХ фактически выполняют функции фермерских хозяйств, но юридически лишены статуса и соответствующих гарантий.

Согласно ст. 92 ЗК РК участки для ЛПХ предоставляются на праве частной собственности или временного возмездного землепользования; они возможны как в черте населённых пунктов (приусадебные), так и за их пределами (полевые) [2]. При этом закон не определяет минимальные/максимальные размеры участков ЛПХ, а также не требует регистрации деятельности владельцев ЛПХ, что затрудняет государственный учёт, оценку вклада в продовольственную безопасность и адресную поддержку. Ст. 93 ЗК РК предусматривает изъятие участков при нецелевом использовании или неиспользовании более года, но фактический контроль применительно к ЛПХ фрагментарен, особенно в пригородных зонах.

Для понимания возможных траекторий развития уместны лаконичные сопоставления с близкими правовыми порядками. В РФ действует Федеральный закон № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве», которым ЛПХ признаны формой непредпринимательской деятельности граждан; закреплён некоммерческий статус, возможность ведения хозяйства на собственном участке, а также освобождение продукции ЛПХ от налогообложения при её реализации без найма работников [8]. В Узбекистане нормы о личном (деханском) хозяйстве прямо признают ведение такого хозяйства формой непредпринимательской деятельности для собственного потребления на предоставленном земельном участке [9]. Эти примеры демонстрируют институциональные решения, которые устраняют правовую неопределённость статуса ЛПХ и включают их в систему продовольственной политики.

Сопрягая конституционные принципы и потребности правоприменения, целесообразно:

- разработать и принять **Закон РК «О личных подсобных хозяйствах»**, закрепив понятие ЛПХ как формы непредпринимательской деятельности, правовой режим земель ЛПХ, меры поддержки (субсидии, микрокредитование, консультации), права и обязанности владельцев;
- создать **единый государственный реестр ЛПХ** для статистического учёта, оценки вклада в продовольственную безопасность и адресной поддержки;
- распространить **отдельные меры господдержки** (в т.ч. упрощённый доступ к лизингу техники, кредитам) на владельцев ЛПХ;
- определить **разумные минимальные/максимальные размеры** участков ЛПХ с учётом региональной специфики.

ЛПХ в РК де-факто признаны практикой, но де-юре не институционализированы. Сравнительные иллюстрации показывают, что специальный закон о ЛПХ повышает прозрачность земельных отношений и укрепляет продовольственную безопасность.

По своему социально-экономическому содержанию личное подсобное хозяйство является потребительским хозяйством, основанным на личном труде совместно проживающих групп лиц, объединяющих свои доходы и имущество на территории населенных пунктов и частной собственностью на землю, наделенной пределами установленной законодательством нормы. Цель личного подсобного хозяйства – удовлетворение личной потребности граждан в продуктах питания и получение доходов за счет продажи излишков продукции.

Семейная ферма — это сельскохозяйственное хозяйство, управляемое и эксплуатируемое домохозяйством, при этом основная часть трудовых ресурсов обеспечивается членами этого домохозяйства. Как правило, семейный фермер является единственным держателем хозяйства и часто (хотя и не всегда) регистрируется в статистических целях и для нужд государственной политики как фермер, не образуя при этом самостоятельного юридического лица.

Согласно рабочему определению Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО), семейное фермерство (включая все формы сельскохозяйственной деятельности, основанные на участии семьи) представляет собой способ организации производства в сельском хозяйстве, лесном хозяйстве, рыболовстве, пастбищном животноводстве и аквакультуре, который управляется и осуществляется семьёй, преимущественно с использованием семейного труда как женщин, так и мужчин. Семья и ферма связаны между собой, совместно развиваются и объединяют в себе экономические, экологические, социальные и культурные функции. К числу семейных фермеров относятся горные фермеры, ремесленные рыбаки, пастухи и лесные жители, при этом семейные фермы могут включать представителей нескольких поколений, совместно управляющих хозяйством и работающих на нём [10].

Семейное фермерство должно находить баланс между традициями и инновациями, стремясь к экономической, социальной и экологической устойчивости. Для миллионов фермеров в регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА) оно представляет собой практически единственный источник дохода домохозяйства — как в виде значительной прибыли от крупных семейных хозяйств, получающих государственную поддержку, так и в форме скромного дохода от мелких участков земли (на правах собственности или аренды), имеющих частично самообеспечивающийся характер. Для многих других семейных ферм, ведущих дополнительную экономическую деятельность, такое хозяйство является либо основным, либо вспомогательным источником дохода. Семейные фермы в регионе ЕЦА обеспечивают непрерывный поток продукции на местные, региональные, национальные и международные рынки, являясь, таким образом, важнейшим элементом системы продовольственной и нутриционной безопасности.

В глобальном масштабе семейное фермерство обеспечивает занятость для 2,6 миллиарда человек, что составляет около 30% населения планеты, и производит более 80% продовольствия в стоимостном выражении [11]. По последним оценкам ФАО, в мире насчитывается более 600 миллионов семейных фермерских хозяйств [12]. Большинство таких хозяйств являются мелкомасштабными: 95% всех фермерских единиц занимают площадь менее 5 гектаров, а более 98% — менее 20 гектаров. Малые

фермы, как правило, обладают потенциалом для обеспечения более разнообразного продовольственного предложения, которое является «социально, экономически и экологически устойчивым и основано на устойчивых системах выращивания и распределения» [13].

Семейные фермы играют важную роль в сельской аграрной экономике, прежде всего благодаря своему вкладу в обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания на уровне местного сообщества. Доходы, получаемые семейными фермерами, преимущественно расходуются в пределах местных и региональных рынков, тем самым способствуя реинвестированию в местную экономику. Некоторые семейные фермы ориентированы на самообеспечение, тогда как другие, обладая достаточным производственным потенциалом, реализуют излишки продукции с целью получения дохода и улучшения условий жизни семьи. Кроме того, семейное фермерское хозяйство может быть источником занятости для других членов сельского сообщества, тем самым стимулируя экономическую активность за пределами самой фермы, что способствует снижению уровня сельской бедности и продовольственной нестабильности [14].

В 2020 году в Европейском союзе насчитывалось 9,1 миллиона ферм, подавляющее большинство из которых (по оценке, 93 %) можно классифицировать как семейные фермы, действующие как семейные предприятия, передающиеся из поколения в поколение. Действительно, семейные фермы доминируют в структуре сельского хозяйства ЕС по числу хозяйств, вкладу в сельскохозяйственную занятость, а также — в меньшей степени — по площади обрабатываемых земель и стоимости производимой продукции.

Согласно рабочему определению ФАО, в данной статье термин «семейная ферма» применяется к любому хозяйству, где не менее 50 % сельскохозяйственного труда выполняется членами семьи. Иными словами, семейная ферма управляется домохозяйством, где основную часть труда обеспечивают его члены. Можно выделить более детальное деление: на фермы, где труд осуществляется исключительно членами семьи (фермы только с семейными работниками), и на те, где доля семейного труда составляет не менее 50 %, но не 100 %.

Чуть менее шести из каждых десяти ферм (около 57 %) в ЕС в 2020 году обрабатывались исключительно самим владельцем и членами его семьи. На ещё 36 % ферм семейный труд составлял не менее половины всего объема труда. Несемейные фермы составляли лишь 7 % всех хозяйств в ЕС. Эти показатели практически не изменились по сравнению с данными Сельскохозяйственной переписи 2010 года [15].

ЛПХ как элемент реализации конституционного права на труд и достаточный уровень жизни

Статья 24 Конституции РК гарантирует свободу труда и выбор рода деятельности; ст. 29 — право на достаточный жизненный уровень, включая питание и благополучие семьи [1]. В сельской местности ведение ЛПХ — реальный инструмент самозанятости и продовольственной самостоятельности домохозяйств. Это снижает зависимость от конъюнктуры рынка и повышает устойчивость сельских семей.

На социальном уровне наблюдается серьёзный отток молодёжи из сельской местности в города. Это связано с низким уровнем жизни, отсутствием социальной и производственной инфраструктуры, ограниченными возможностями для самореализации и предпринимательской активности. В условиях деградации села это, в свою очередь,

приводит к старению трудовых ресурсов и дальнейшему снижению объёмов сельскохозяйственного производства.

Сравнивая данную ситуацию с практикой Европейского союза, можно отметить, что в ЕС вопросы устойчивости и жизнеспособности семейных ферм (аналогов казахстанских хозяйств населения) находятся в фокусе аграрной политики. Прежде всего, в странах ЕС реализуются целенаправленные меры по поддержке краткосрочной и долгосрочной ликвидности малых фермерских хозяйств: субсидирование, доступные микрокредиты, развитие кооперативных и логистических структур. Важным аспектом является наличие обширной сети фермерских рынков, кооперативных объединений и программ прямой поставки продукции потребителям, включая схемы «коротких цепочек поставок», что значительно усиливает сбытовую устойчивость семейных ферм.

Кроме того, в странах ЕС большое внимание уделяется развитию сельской социальной инфраструктуры, цифровизации агросектора и поддержке молодёжи в сельском предпринимательстве через грантовые программы и образовательные инициативы. Такие меры стимулируют приток молодёжи в аграрный сектор и способствуют его модернизации.

Таким образом, анализ показывает, что проблемы, с которыми сталкиваются хозяйства населения в Казахстане, являются следствием институциональной и инфраструктурной недостаточности. При этом успешный европейский опыт может служить основой для разработки национальных стратегий поддержки и интеграции мелких производителей в современные агропродовольственные цепочки с тем, чтобы преобразовать ЛПХ в устойчивую модель семейной фермы, соответствующую условиям XXI века.

Государственная поддержка малых форм хозяйствования закреплена в Законе об АПК [3], однако отсутствие специального закона о ЛПХ объективно ограничивает применение инструментов субсидирования, микрокредитования и лизинга к домохозяйствам. В доктрине предлагается законодательное признание ЛПХ как самостоятельного объекта регулирования, что придаст «социальной функции земли» реальное содержание и укрепит связь между правом на труд и продовольственной безопасностью.

ЛПХ способствуют занятости, развитию навыков, социальной сплочённости и удержанию населения в сельской местности. Земельное законодательство (ст. 12, 13 ЗК РК) возлагает обязанности по рациональному использованию земель и сохранению плодородия [2]. По данным Бюро национальной статистики, значительная доля сельского населения вовлечена в ведение ЛПХ, что придаёт данному институту системное значение не только для продовольственной безопасности, но и для реализации конституционного принципа достойного уровня жизни [16].

Развитие правового статуса ЛПХ соотносится с моделью «социального государства» (ст. 1 Конституции РК) и способствует достижению целей устойчивого развития и продовольственной независимости.

Заключение. Личное подсобное хозяйство в Республике Казахстан — значимый элемент продовольственной безопасности и реализации конституционных прав граждан на труд, собственность и достойный уровень жизни. Однако отсутствие специального законодательства порождает правовую неопределённость и снижает эффективность государственной политики. На базе норм Конституции и земельного/аграрного законодательства целесообразно:

- 1) принять Закон РК «О личных подсобных хозяйствах»;
- 2) создать реестр ЛПХ;
- 3) включить ЛПХ в инструменты государственной поддержки;
- 4) определить размерные параметры участков с учётом региональной специфики.

Институционализация ЛПХ усилит исполнение государством конституционных обязанностей по продовольственной безопасности, устойчивому развитию сельских территорий и защите социальных прав граждан.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30.08.1995, с изм. и доп. 2022). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_
2. Земельный кодекс Республики Казахстан от 20.06.2003 № 442 (с изм. и доп.). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000442_
3. Закон Республики Казахстан от 8 июля 2005 года № 66. О государственном регулировании развития агропромышленного комплекса и сельских территорий // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z050000066_
4. Шинет Г. Г. Личные подсобные хозяйства Республики Казахстан: сущность, нынешнее состояние и перспективы развития // Информационное обеспечение эффективного управления деятельностью экономических субъектов. – 2016. – С. 587-592.
5. Аубакиров Г. М. Организационно-экономические условия развития семейных ферм в Республике Казахстан // International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers. – 2015. – С. 27-32.
6. Иляшевич Н.П. Особенности развития кооперативов по обслуживанию личных подсобных хозяйств населения: на примере Саратовской области: дис. канд. экон. наук. – Иркутск, 2006.
7. Кудряшов А.В. Совершенствование материально-технического снабжения личных подсобных хозяйств: дис. канд. экон. наук. – Н.Новгород, 2005. – С. 62-65
8. Федеральный закон Российской Федерации от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102083494>
9. Закон Республики Узбекистан «О фермерском, дехканском хозяйстве и земельных отношениях» от 30.04.1998 № 604-I. URL: <https://lex.uz/docs/28083>
10. FAO.2013a.International year of family farming 2014– Masterplan.Rome (also available at http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/iyff/docs/Final_Master_Plan_IYFF_2014_30-05.pdf).
11. FAO. 2014a. TheState of FoodandAgriculture. Innovation in family farming. Rome, FAO. 161 pp. (also available at <http://www.fao.org/3/a-i4040e.pdf>).

12. Lowder, S., SánchezV. & Bertini, R. 2019. Farms, family farms, farmland distribution and farm labour: What do we know today? FAO Agricultural Development Economics Working Paper 1908. Rome,FAO.80 pp.
13. Beck, A., Haerlin, B., & Richter, L. eds. 2016. Agriculture at a Crossroads: IAASTD Findings and RecommendationsforFutureFarming. Berlin.
14. Graeub,B.,Chappell, M.J.,Wittman, H., Ledermann,S., Kerr, R.&Gemmill-Herren,B.2016. The State of Family Farms in the World, 87 World Development. In: Science Direct [online]. [Cited 16 August 2020]. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X15001217>
15. Agriculture statistics - family farming in the EU // https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Agriculture_statistics_-_family_farming_in_the_EU
16. Бюро национальной статистики АСПиР РК. Сельское хозяйство Казахстана, 2024. URL: <https://stat.gov.kz/>

БИОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАР – БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – BIOLOGICAL SCIENCES

Омар Батырбек Мәлікайдарұлы

ғылыми қызметкер м.а.

«Балық шаруашылығы ғылыми-өндірістік орталығы»

ЖШС Арал филиалы

(Қызылорда қ., Қазақстан)

МАҚПАЛКӨЛ СУ АЙДЫНЫНЫҢ ИХТИОФАУНАСЫНЫҢ БИОАЛУАНТҮРЛІГІ

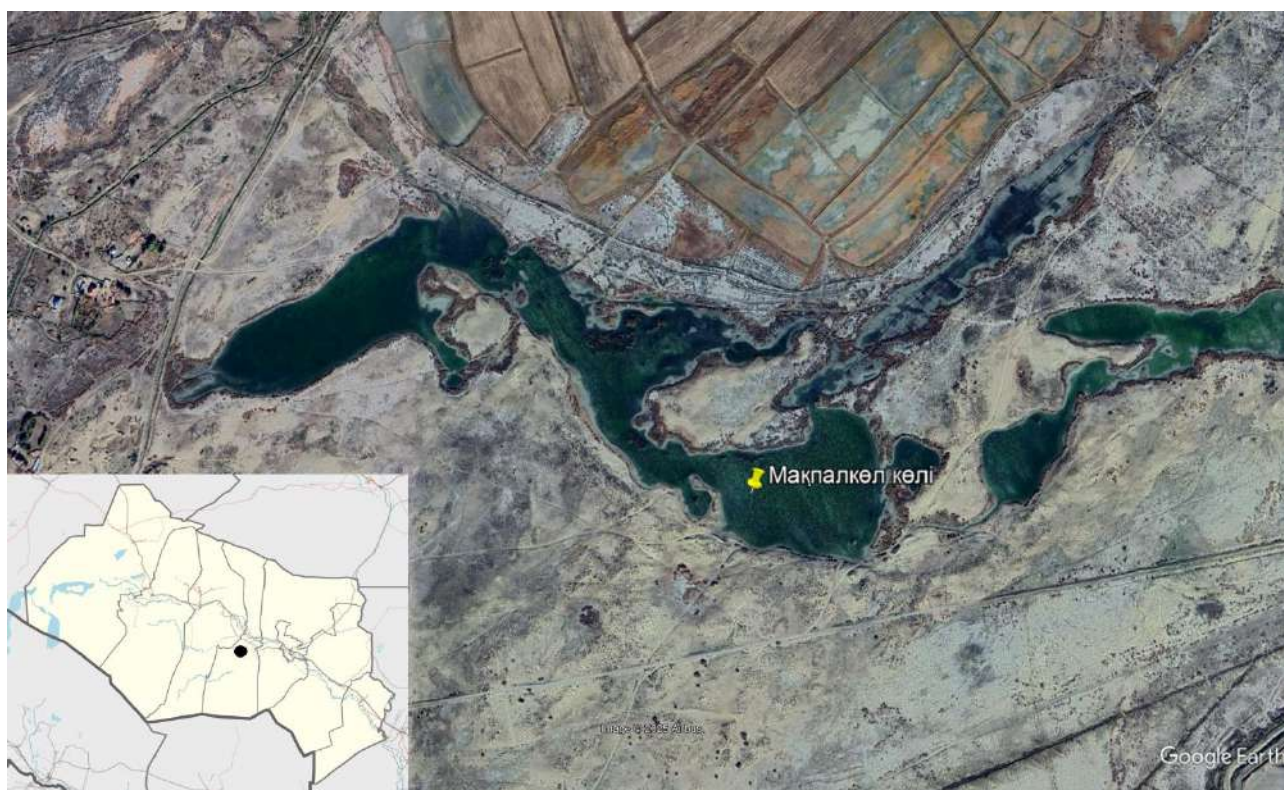
Аңдатпа. Бұл мақалада Қызылорда облысы аумағында орналасқан Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасының биоалуантүрлігі және биологиялық көрсеткіштеріне сипаттама берілген. Сонымен бірге су айдынынның физико-географиялық орналасқан жері көрсетілген. Мәліметтерді жинау 2025 жылдағы далалық ғылыми экспедициялық зерттеу жұмыстары барысында талданып баяндалған. Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасы 14 түрлік құрамымен ұсынылған. Оның ішінде: сазан, мөңке, шортан, жыланбас, торта, ақмарқа, қылышбалық, дөңмандай, көксерке және ақ амур. Сонымен қатар сүзекі ау құралымен бөгде 4 түрлі ихтиофауна өкілдері кездесті. Оның ішінде: түркістан теңге балығы, қырлықұрсақ, амур шабағы және қытай қонқақ мұрынды бұзаубас балығы. Алынған көрсеткіштер Excel компьютерлік мәтінінде талданды. Сонымен қатар балықтардың жекелеген биологиялық көрсеткіштерін талдау барысында әрбір түрлердің шекті ұзындық-салмақтық көрсеткіштері, олардың орташа мәндері, дарақтардың Фультон және Кларк бойынша қондылық индекстері сарапталып талданған. Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасын облыс аумағында орналасқан басқа да көлдермен салыстырылған.

Кілт сөздер: ихтиофауна, су айдын, балықтар, биоалуантүрлік, орташа көрсеткіш, биологиялық көрсеткіш, қондылық индексі.

Кіріспе. Мақпалкөл су айдыны Қызылорда облысының Жалағаш кентінен 36 шақырым қашықтықта, Темірбек Жүргенов ауылынан 1 км қашықтықта орналасқан. Қызылорда облысының Жалағаш ауданы бойынша балық шаруашылығына маңызы бар су айдындар ретінде 20 су айдын тіркелген. Оның ішінде Мақпалкөл су айдыны кәсіптік балық шаруашылығы санатында, жалпы ауданы 15 га деп тіркелінген [1]. Қазіргі таңда бұл көл облыс аумағындағы резервтік қордағы су айдындарға жатады. Мақпалкөл су айдынына Оман каналы арқылы су беріледі. Зерттеу жұмыстары барысында су айдынынның терең бөлігі 2,5 м, орташа 1,5 м құрады. Су айдында қатты өсімдіктер жабындысы 20-25%-ға жуық, су асты өсімдіктері 10-15%-ға жуық. Аталған мақалада зерттеудің негізгі мақсаты су айдынынның ихтиофаунасының түрлік құрамын анықтау болып табылады.

Материал және әдістеме. Ғылыми - зерттеу жұмыстарына 2025 ж экспедициялық жұмыстар кезінде мәліметтер жиналды. Су айдын ихтиофаунасының құрамын анықтау құрма және сүзекі ау құралдарын пайдалану арқылы жүргізілді. Құрма аулар тор көздері 18, 24, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100 мм, әрқайсының ұзындығы 25 м құрайды тәулігіне 10-12 сағаттан құрылды. Су айдындағы шабақтардың түрлік құрамын анықтау, ұзындығы 15 м, биіктігі 2,5 м, тор көздері 5 мм құрайтын сүзекі құралымен жүргізілді.

Сонымен қатар құрма ауға түскен балықтардың биологиялық көрсеткіштері, атап айтқанда ұзындығы, салмағы, қондылығы, жасы және т.б. өлшемдері жалпыға ортақ әдістемелік нұсқаулықтармен сарапталды [2-3]. Балықтардың кейбір түрлерінің санын есептеу А.Г. Мельникова әдістемесімен жүргізілді [4]. Ауланған балық шабақтары 4% формалин ерітіндісіне салынып, зертханалық жағдайда түрлік құрамы сарапталды [5-6]. Су айдынының физикалық параметрлері Google Earth Pro компьютерлік бағдарламасымен жүзеге асырылды. Төмендегі кестеде Мақпалкөл су айдынының орналасқан координата нүктелері берілген.

Сурет 1 – Мақпалкөл су айдынының спутниктік карта – сызбасы

Кесте 1 - Мақпалкөл су айдынының орналасқан координата нүктелері

№	Ендік	Бойлық
1	44°52'43.04"C,	64°19'16.43"B
2	44°52'50.04"C,	64°18'58.46"B
3	44°52'48.87"C	64°19'9.23"B
4	44°52'45.55"C	64°19'19.86"B

Зерттеу нәтижелері. Мақпалкөл көлінің зерттеу кезеңінде ихтиофаунаның түрлік құрамы 5 тұқымдасқа тиесілі 14 түрмен құралды. Балықтардың түрлік құрамының басым бөлігі *cyprinidae* тұқымдасының үлесіне тиді (70 %). Төмендегі кестеде Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасының таксономиялық құрамы және олардың статусы берілген (кесте 2).

Кесте 2 - Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасы

№	Түрлері			Статус
Cyprinidae тұқымдасы				
	Қазақша	Орысша	Латынша	
1	Ақ амур	Белый амур	Ctenopharyngodon idella (Valenciennes, 1844)	А, К
2	Күміс мөңке	Серебряный карась	Carassius auratus gibelio (Bloch, 1782)	А, К -
3	Сазан	Сазан	Cyprinus carpio (Linnaeus, 1758)	А, К
4	Ақ дөңмандай	Белый толстолобик	Hypophthalmichthys molitrix (Valenciennes, 1844)	Ак, К
5	Ақмарқа	Жерех	Aspius aspius (Linnaeus, 1758)	А, К
6	Торта	Плотва	Rutilus rutilus aralensis (Linnaeus, 1758)	А, К
7	Қылышбалық	Чехонь	Pelecus cultratus (Linnaeus, 1758)	А, К
8	Түркістан теңге балығы	туркестанский пескарь	Goblo goblo (Linnaeus, 1758)	А, Ке
9	Қырлықұрсақ	Востробрюшка	Hemiculter leucisculus (Basilewsky. 1855)	Б, Ке
10	Амур шабағы	Амурский чебачок	Pseudorasbora parva (Temminck et Schlegel, 1846)	Б, Ке
Percidae тұқымдасы				
11	Көксерке	Судак	Sander lucioperca (Linnaeus, 1758)	А, К
Esocidae тұқымдасы				
12	Шортан	Щука	Esox Lucius (Linnaeus, 1758)	А, К
Gobiidae тұқымдасы				
13	Қытай қонқақ мұрынды бұзаубас балығы	Китайский носатый бычок	Rhinogobius cheni (Nichols, 1931)	Б,Ке
Channidae тұқымдасы				
14	Жыланбас	Змееголов	Channa argus (Cantor, 1842)	Б, К

Су айдынында жалпы саны 143 дана балық ауланды. Олар: сазан – 7 дана, мөңке - 14 дана, шортан – 3 дана, жыланбас - 17 дана, торта – 52 дана, ақмарқа – 2 дана, қылышбалық – 5 дана, ақ дөңмандай – 4 дана, көксерке – 3 дана, ақ амур – 2 дана,

түркістан теңге балығы – 3 дана, қырлықұрсақ – 10 дана, амур шабағы – 19 дана және қытай қонқақ мұрынды бұзаубас балығы – 2 дананы құрады.

Біздің зерттеулерде балықтардың орташа жас қатары: сазан 2 жас, мөңке 1 жас, жыланбас 3 жас, дөңмандай 1 жас, ақ амур 2 жас, ақмарқа 3 жас, көксерке 3 жас, торта 4 жас және қылышбалық 3 жасты құрады. Су айдын акваториясында кәсіптік ихтиофауна өкілдерінің кездесу жиілігін сараптау барысында саны бойынша басымдылық торта (49,1%) және жыланбас (16%) популяциясының үлесіне тиді. Су айдында тортаның жалпы саны 2,760 мың дана, жыланбас балығының саны 270,7 мың дананы құрады.

Мақпалкөл су айдының ихтиофаунасы облыс аумағында орналасқан көлдермен салыстыратын болсақ Қаязды-Бидайкөлімен шамалас болып келеді (13 түр) [7]. Сырдария өзенінің сағалық аудандарында орналасқан Домалақ су айдының ихтиофаунасы 9 түрмен, және *cyprinadae*, *percidae*, *esocidae*, *siluridae* тұқымдастарымен сипатталған. Домалақ көлімен салыстырғанда бізге кездеспеген *siluridae* тұқымдас түрімен ерекшеленді [8]. Су айдында өсімдік қоректі дөңмандай дарақтарының саны жалпы аулаудың 10% құрады. Оның дарақтарының Фультон бойынша орташа қондылық индексі 1,86 көрсетті және бұл аймақтағы басқа су айдындардағы көрсеткіштермен деңгейлес (Жирентай $F=1,70$) [9]. Су айдында және аймақта жоғарғы кәсіптік түр болып саналатын сазан дарақтары 2-4 жастағы балықтармен құралды. Балықтарының Фультон бойынша шекті көрсеткіштері 1,78-2,07 (орташа 1,93) аралығын құрады. 2023 жылғы зерттеулерде Шардара су қоймасындағы сазанның қондылық көрсеткіштері 1,20 – 3,55 (орташа 2,24) құраған [10]. Алакөл көлдер жүйесі бассейніне кіретін Сасықкөл су айдынында сазан популяциясының Фультон бойынша орташа қондылық көрсеткіші 2,57 құраған [11].

Кесте 3 - Мақпалкөл өзенінің кәсіптік балықтардың ұзындық-салмақтық сипаттамасы

Көрсеткіштер	мин	мак	орташа	m
Ақ дөңмандай, n= 4				
l, мм	215	275	246,25	16,25
Q, г	180	400	286,0	66,0
g, г	162	369	262,8	61,25
Fulton	1,77	1,95	1,86	0,072
Clark	1,63	1,79	1,71	0,072
Мөңке, n=14				
l, мм	95	150	111,8	18,36
Q, г	21	80	40,14	20,34
g, г	18	71	35,78	18,55
Fulton	2,2	3,1	2,63	0,24
Clark	1,8	2,7	2,33	0,22
Сазан, n=7				
l, мм	165	300	203,42	32,32
Q, г	93	500	183,6	164,85
g, г	87	451	164,85	90,93
Fulton	1,78	2,07	1,93	0,08

Clark	1,55	1,93	1,72	0,09
Жыланбас, n= 17				
l, мм	245	495	328,24	66,92
Q, г	161	1709	508,71	361,70
g, г	152	1602	470,82	341,75
Fulton	0,98	1,41	1,16	0,09
Clark	0,74	1,72	1,08	0,14
Ақ амур, n= 2				
l, мм	310	320	315	5
Q, г	500	745	622,5	122,5
g, г	439	423	481	42
Fulton	1,68	2,27	1,98	0,30
Clark	1,47	1,60	1,53	0,06
Ақмарқа, n=2				
l, мм	250	285	267,5	17,5
Q, г	222	320	271	49
g, г	207	295	251	44
Fulton	1,42	1,38	1,40	0,02
Clark	1,27	1,32	1,30	0,03
Көксерке, n= 3				
l, мм	240	335	301,6	41,11
Q, г	175	449	352	118
g, г	166	410	325,6	106,4
Fulton	1,15	1,26	1,22	0,048
Clark	1,20	1,09	1,19	0,046
Торта, n=52				
l, мм	130	230	178,75	24,1
Q, г	36	220	105,25	41,5
g, г	31	196	90,27	38,2
Fulton	1,10	2,59	1,72	0,16
Clark	0,69	2,78	1,47	0,19
Қылышбалық, n= 5				
l, мм	170	215	198	12,4
Q, г	51	80	62,2	9,04
g, г	49	71	56,8	6,16
Fulton	0,71	1,04	0,81	0,09
Clark	0,63	1,00	0,74	0,10

Сүзекі құралын сараптау барысында ихтиофауна өкілдері тек кәсіптік маңызы жоқ бөгде балық түрлерімен құралды. Олардың қатарында: амур шабағы 55,9%; қырлықұрсақ 29,4%, түркістан теңге балығы 8,8%, қытай бұзаубасы 5,9 % құрады.

Кесте 4 – Кәсіптік маңызы жоқ түрлерінің сызықтық-салмақтық сипаттамасы

Амур шабағы n=19				
	мин	мак	орташа	m
l, мм	27	60	42,1	20,3
Q, г	0,5	3,7	1,5	0,4
Fulton	1,57	2,47	1,88	0,21
Қырлықұрсақ n=10				
l, мм	33	50	43,9	4,52
Q, г	0,48	1,42	1,09	0,27
Fulton	1,09	1,45	1,24	0,09
Түркістан теңге балық n=3				
l, мм	50	55	52,7	1,8
Q, г	1,83	2,55	2,11	0,29
Fulton	1,31	1,53	1,44	0,08
Қытай бұзаубасы n=2				
l, мм	36	37	36,5	0,5
Q, г	0,67	0,76	0,72	0,05
Fulton	1,44	1,50	1,47	0,03

Ескерту: n – саны; l, мм – құйрық қанатынсыз ұзындығы; Q, г – толық салмағы; g, г – ішкі құрлысынсыз салмағы; Fulton – Фультон бойынша қондылығы; Clark – Кларк бойынша қондылығы; m – қалыпты ауытқуы.

Қорытынды. Біздің зерттеулерде Мақпалкөл су айдынының ихтиофаунасы 5 тұқымдасқа тиесілі 14 түрмен құралды. Оның ішінде амур шабағы, қырлықұрсақ, қытай бұзаубасы, жыланбас секілді бөгде ихтиофауна түрлері кездесті. Сонымен қатар Мақпалкөл су айдынының орташа сызықтық-салмақтық өсімі басқа су айдындарымен салыстырғанда біршама төмендігін аңғартады. Бұл ретте негізгі себептің бірі жаз айларында гидрологиялық жағдай төмендеп, жайылым алаңдарының азаюы себеп болуы ықтимал. Су айдындағы дарактардың биологиялық көрсеткіштері және әр түрдің Фультон бойынша қондылық индекстері басқа су айдындармен салыстырғанда бір қалыпты екендігі анықталды. Бұл дегеніміз Мақпалкөл су айдынында балықтардың корек қорының жеткілікті екендігін көрсетеді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі:

1. ИПС Адилет. Об утверждении перечней рыбохозяйственных водоемов местного значения и рыбохозяйственных водоемов и (или) участков местного значения в разрезе водоемов и (или) участков для ведения промыслового рыболовства, любительского (спортивного) рыболовства, озерно-товарного рыбоводного хозяйства, садкового рыбоводного хозяйства. Перечень рыбохозяйственных водоемов местного значения Б 2-3.
2. Правдин Н.Ф. Руководство по изучению рыб. – М.: Пищепромиздат, 1965. – 376 б.

3. Чугунова Н.Н. Руководство по изучению возраста и роста рыб. – М.: Пищепромиздат, 1950.–163 б.
4. Мельникова А.Г. Оценка запасов рыб в водоёме по уловам набора ставных сетей /Рыбные ресурсы Камско-Уральского региона и их рациональное использование //Материалы науч.-практ. конф. (5-6 ноября 2008). – Пермь, 2008. – 168 б.
5. Митрофанов В.П., Дукравец Г.М. и др. Рыбы Казахстана – Алма-ата: Наука-Гылым, 1896-1992. – Т.1-5.
6. Баимбетов А.А., Тимирханов С.Р. Казахско-русский определитель рыбообразных и рыб Казахстана. – Алматы: Издательство КазНУ, 1999. – 347 б.
7. Омар Б.М., Қызылорда облысы аумағындағы Қаязды-бидайкөл су айдынынң қазіргі ихтиофаунасы Central Asian Scientific Journal выпуск №4 июль-сентябрь 2024 36 бет.
8. Баракбаев Т.Т., Исхахов Ғ.Ж., Адаев Т.О., Домалақ көлінің кәсіптік ихтиофаунасының биологиялық сипаттамасы. «Ғылым және білім» 2-бөлім №3-2 (60) 2020-104 б.
9. Омар Б.М. Қызылорда облысында орналасқан жирентай көліндегі дөңмаңдай (*hyporhthalmichthys molitrix*) популяциясының өсу динамикасы»Central Asian Scientific Journal выпуск №3 (22), июнь 2024 г. 125 бет.
10. Омар Б.М. Шардара су қоймасындағы сазан (*cyprinus caprio aralensis*) популяциясы Central Asian Scientific Journal выпуск №8 (12), сентябрь 2022 г. 45 бет.
11. Сансызбаев Е.Т. Сасықкөлдегі сазан популяциясының биологиясы (Алакөл көлдер жүйесі бассейні) Қазақстан республикасы ұлттық ғылым академиясының хабарлары №5 (299) қыркүйек-қазан 2013 ж 57 бет.

УДК 639.3

Ахметов Рустем Саматович

магистрант 2 курса

Руководитель: к.с.х.н, асс.профессор Асылбекова А.С

«Казахский агротехнический исследовательский университет им.С.Сейфуллина»

(г.Астана, Казахстан)

КОРМЛЕНИЕ РЫБ ЭКСТРУДИРОВАННЫМ КОРМОМ ОБОГАЩЕННОЙ БИОДОБАВКОЙ

Аннотация: Материалом для исследования послужили бассейны, в которых осуществлялось кормление клариевого сома с использованием экспериментального комбикорма.

Это исследование имеет большое значение для улучшения условий содержания рыб, повышения их здоровья и продуктивности, а также для разработки экологически безопасных методов кормления, минимизируя загрязнение их водной среды. Измерение уровня растворенного кислорода в воде бассейна проводилась с помощью оксиметра. Методика измерения растворенного кислорода и водородного показателя была взята из руководства Методика измерений титриметрическим и амперометрическим методом которая была разработана Федеральным государственным бюджетным учреждением «Гидрохимический институт» (ФГБУ «ПХИ»).

Ключевые слова: кормление рыб, экструдированный корм, биодобавка, аквакультура, рыбоводство, кормление аквакультурных объектов, кормовые добавки

Первым шагом является подготовка оксиметра. Перед началом измерений мы проверяли состояние прибора, а также его калибровки. Обычно для калибровки используется раствор с известной концентрацией кислорода, либо оксиметр можно откалибровать в воздухе, при 100% насыщении кислородом. Всегда использовали чистую воду для промывания датчика после каждого измерения, чтобы избежать загрязнения и искажения показаний. После того как прибор откалиброван, мы опустили датчик в воду, до определенного участка. Как только датчик опускается в воду, ждали несколько минут, чтобы показания на экране оксиметра стабилизировались. В это время мы убедились, что прибор не касается стенок или дна бассейна, чтобы избежать погрешностей. Стабилизация данных может занять от 1 до 3 минут, в зависимости от конкретных условий. Далее мы измерили водородный показатель с помощью рН-метра. Калибровка — это важный этап. Для этого мы использовали буферные растворы, чьи значения рН известны.

Начинали с раствора рН 7, который является нейтральным, затем проверяли прибор на растворе рН 4 и рН 10. После каждого измерения очищали электрод и повторяли калибровку. После того как рН-метр откалиброван, погрузили электрод в воду, которую необходимо проанализировать. Это нужно делать осторожно, чтобы избежать повреждения электрода.

Нужно стараться не касаться стенок емкости или бассейна, чтобы результаты измерений не были искажены. Обычно мы погружали электрод на несколько сантиметров ниже поверхности воды, чтобы измерение было более представительным для общей массы воды.

В практическую часть входило измерение растворенного кислорода и pH бассейнов с сомами (клариевый сом), для этого использовались оксиметр и pH-метр, что позволило точно оценить условия водной среды, которых кормили экспериментальным кормом. Также было проведено измерение температуры воды, чтобы учесть ее влияние на содержание кислорода и pH.

В первом бассейне минимальный показатель растворенного кислорода составил 5 мг/л, а максимальный 7.1 мг/л. Как правило, для здоровья клариевого сома, минимальный уровень растворенного кислорода должен быть не менее 4-5 мг/л. Поэтому минимальное значение в первом бассейне (5 мг/л) находится в пределах нормы. Максимальный показатель (7.1 мг/л) также является хорошим показателем. (рис 1).

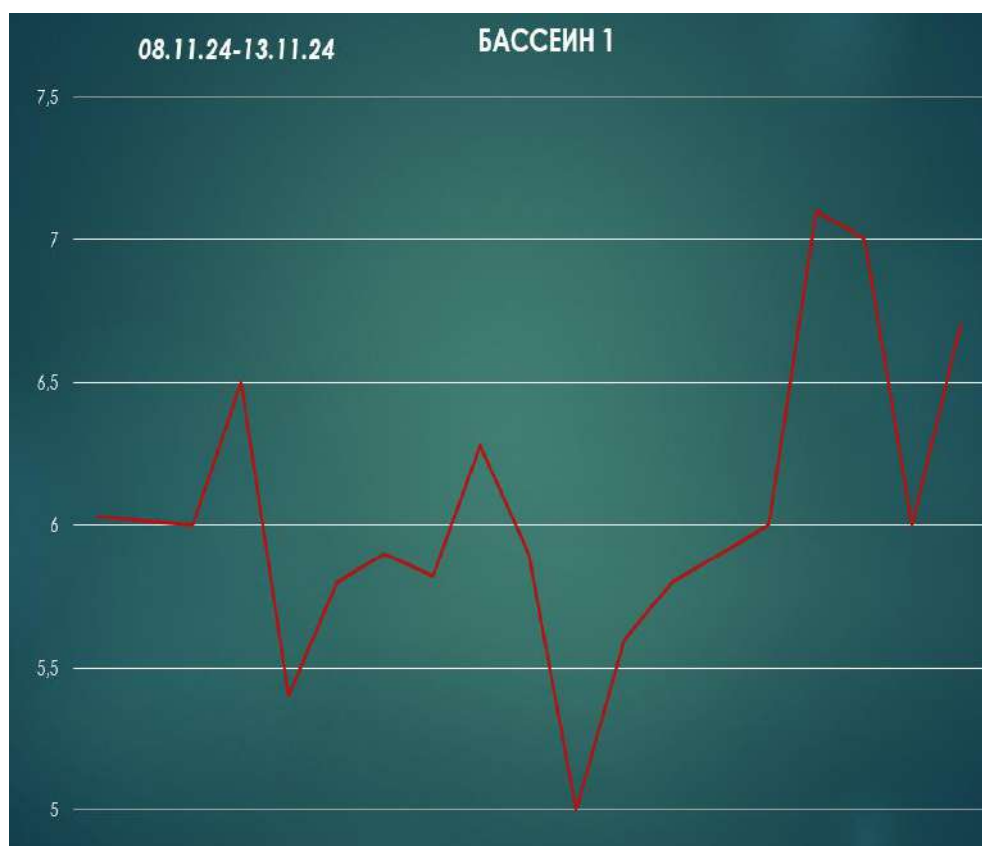

Рисунок 1 – растворенный кислород 1 бассейна.

Показатели растворенного кислорода 2 бассейна, минимальный показатель 5 мг/л, максимальный 6.6 мг/л (рис 2).

Рисунок 2 - растворенный кислород 2 бассейна.

Показатели растворенного кислорода 3 бассейна, минимальный показатель растворенного кислорода 5.3 мг/л, максимальный 6.5 мг/л (рис 3).

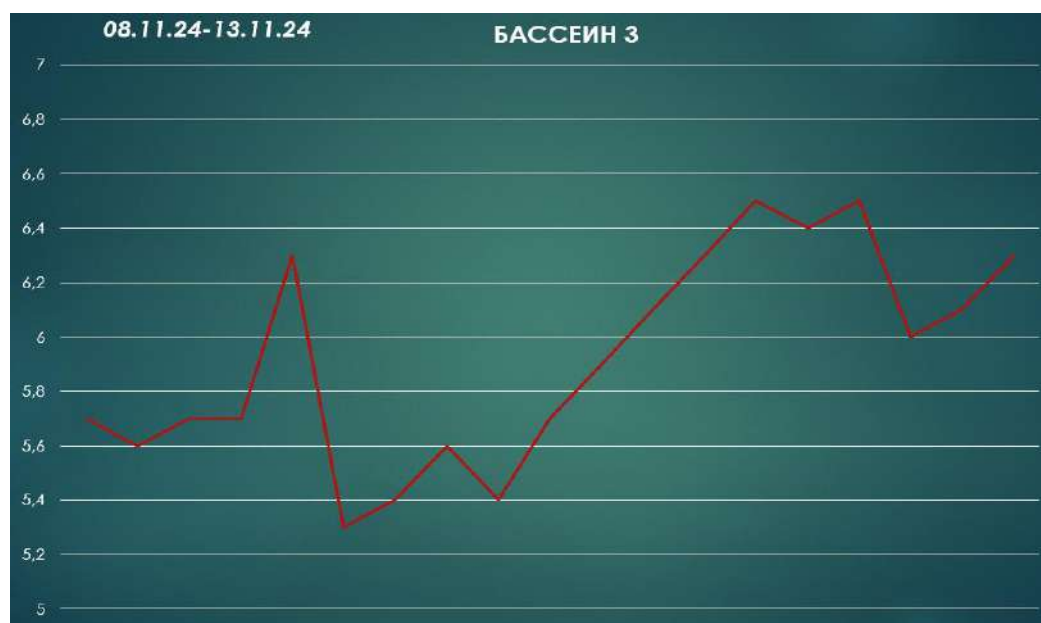

Рисунок 3 - растворенный кислород 3 бассейна.

В процессе исследования средний показатель рН (водородный показатель) равнялся 7.5. Минимальный показатель рН в трех бассейнов равнялся 6.7, максимальный до 8.7 (рис 4).

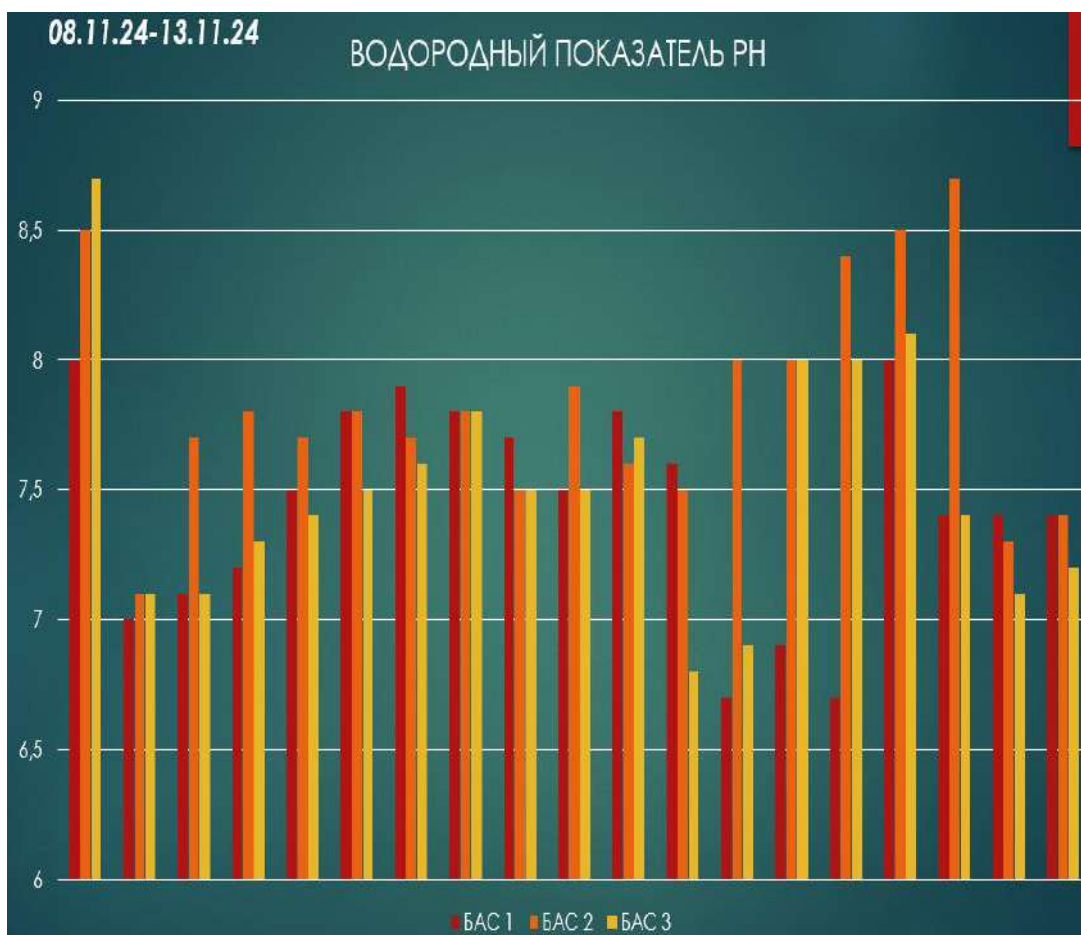

Рисунок 4 – pH (водородный показатель) 3 бассейнов.

Все данные фиксировались в специальную тетрадь, для сравнения показателей. За период 08.11.24 по 13.12.24 средний показатель растворенного кислорода колебался в пределах (6 мг/л), и средний показатель pH равнялся (7.5). Температура воды колебалась в пределах 22-23 °С, что является нормой для клариевого сома. Растворенный кислород и водородный показатель также не выходили за пределы нормы.

В составе комбикорма содержался протеин 41 %, жир 22 %, зола 8%, углеводы 18.5, клетчатка 1.3-1.8%. Процент протеина и жира в комбикорме соответствует рекомендуемым нормам: около 41% протеина и 22% жира. Допустимый диапазон содержания золы составляет от 1.3% до 1.8%. Уровень углеводов, как и другие компоненты, в пределах нормы.

Список использованной литературы:

1. Экструдированные комбикорма для клариевого сома Авторы: В. И. Сидорова, С. Ж. Асылбекова, Н. И. Январева, С. К. Койшыбаева, Н. С. Бадрызлова, А. А. Мухрамова, А. В. Шуткараев.

2. Использование биологически активных кормовых добавок для повышения пищевой ценности икры африканского клариевого сома. Авторы: Л.В. Николаевна, Р.Е Михайловна, Р.В. Васильевич, С.Е.Владимировна.

3 Effects of Dietary Fish Meal Replacement by Red Lentil Meal on Growth and Amino Acid Composition of Rainbow Trout (*Oncorhynchus mykiss*). Авторы: Keriman Yürüten, Özdemir

4 Hematological and productive parameters of trout fed with aller aqua and aquafeed fischfutter feeds». Авторы: I. Bobel, Ya. Pivtorak.

5 Перспективы использования кормов «Aller Aqua» в питании радужной форели Пивторак, Я.И.Бобель, И.Ю.Божик О.В. 6 « Комбикорма для радужной форели с различными видами протеина» Авторы : Ж. Кошак, Д. Долгая, А. Кохович, Л. Рукшан».

ПЕДАГОГИКА ЖӘНЕ ПСИХОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАР – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – PEDAGOGICAL AND PSYCHOLOGICAL SCIENCES

УДК 347.1

Гүламидин Нұргүл Минтажқызы

магистрант, физика математика және цифрлық технологиялар институты
Қазақ Ұлттық Қыздар педагогикалық университеті
(Алматы, Қазақстан)

ФИЗИКА САБАҚТАРЫНДА КҮН ЭНЕРГИЯСЫН ПАЙДАЛАНУ АРҚЫЛЫ ЖОБАЛЫҚ ОҚЫТУДЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ

Аннотация: Бұл мақалада физика сабақтарында күн энергиясын пайдалану негізінде жобалық оқытуды жүзеге асырудың жолдары қарастырылады. Жобалық оқытудың теориялық негіздері, күн энергиясын пайдалану тәжірибелері және жоғары сынып оқушыларының зерттеушілік құзыреттерін дамытудағы тиімділігі сипатталған. Сонымен қатар STEM-білім беруде күн энергиясы тақырыбының орны талданады.

Кілт сөздер: физика, күн энергиясы, жобалық оқыту, зерттеу дағдылары, STEM-білім.

XXI ғасырда білім беру жүйесінің алдында тұрған басты міндеттердің бірі – оқушыларды жаһандық ғылыми-техникалық өзгерістерге бейімдеу. Қазіргі қоғамда энергия көздерін тиімді пайдалану және баламалы энергияны дамыту мәселесі ерекше маңызға ие. Бүкіл әлемде электр энергиясына деген сұраныс жыл сайын артып келеді. Дәстүрлі энергия көздері – мұнай, газ, көмір – экологиялық проблемаларды ушықтырып қана қоймай, сарқылатын ресурстар болып табылады. Осы тұрғыдан алғанда, жаңартылатын энергия көздерін дамыту – уақыт талабы.

Қазақстан географиялық орналасуына байланысты күн энергиясын тиімді пайдалануға үлкен мүмкіндікке ие. Мысалы, еліміздің оңтүстік аймақтарында жылына 2500 сағаттан астам күн сәулесі түседі, бұл күн коллекторлары мен панельдерін қолдануға қолайлы жағдай жасайды. Мектеп қабырғасында осы мүмкіндікті пайдаланып, күн энергиясы туралы ғылыми білімді тәжірибемен ұштастыру оқушылар үшін аса өзекті.

Жобалық оқыту технологиясын пайдалану арқылы күн энергиясы тақырыбын физика сабақтарында қарастыру – тек пәндік білім берумен шектелмей, оқушыларды шығармашылыққа, зерттеушілікке және сыни тұрғыдан ойлауға жетелейді.

1. Жобалық оқыту технологиясының теориялық негіздері

Жобалық оқыту – бұл оқушылардың дербес немесе топпен жұмыс істеу арқылы нақты нәтижеге қол жеткізуін көздейтін педагогикалық әдіс. Оның басты ерекшелігі – оқушының белсенді позицияда болуы. Мұғалім тек бағыт беруші, ал білім алушы – ізденуші, зерттеуші рөлін атқарады.

Физика пәнінде жобалық оқытуды енгізудің бірнеше артықшылықтары бар:

- оқушылардың теориялық білімді практикалық жағдайларда қолдануына мүмкіндік береді;

- зерттеу жүргізу арқылы ғылыми әдістің элементтерін үйретеді;
- проблеманы шешудің бірнеше жолын қарастыруға үйретеді;
- топтық жұмыста коммуникациялық дағдыларды дамытады.

Мәселен, күн энергиясын пайдалану тақырыбындағы жоба барысында оқушылар энергия көздерінің физикалық табиғатын зерттеп қана қоймай, өздері шағын құрылғы құрастырып, оны сынақтан өткізе алады. Бұл олардың қызығушылығын арттырып, оқуға деген мотивациясын күшейтеді.

2. Күн энергиясын пайдалану жобаларының мазмұны

Күн энергиясын қолдану мектеп жағдайында әртүрлі жобалар арқылы жүзеге асады. Оқушыларға ұсынылатын жобалардың мазмұны олардың жас ерекшелігіне қарай жеңілден күрделіге қарай бағытталуы тиіс.

Мысалға:

- 7–8 сынып оқушыларына: күн сәулесінің жылулық әсерін зерттеу, судың қызу температурасын өлшеу;
- 9–10 сынып оқушыларына: шағын күн коллекторын жасау, күн панелінің қуатын өлшеу;
- 11-сынып оқушыларына: күн энергиясын пайдаланып жұмыс істейтін тұрмыстық құралдың моделін құрастыру (күн пеші, күн шамы, мини-станция).

Бұл жобалар оқушыларды тек физика заңдылықтарын түсінуге емес, сонымен қатар экологиялық ойлауға, «жасыл технологиялардың» маңызын түсінуге жетелейді.

Күн энергиясы тақырыбы физика мен географияны, физика мен информатиканы, тіпті физика мен экономика пәнін байланыстыруға мүмкіндік береді. Мәселен, күн панельдерін орнатудың құнын есептеп, оның қаншалықты тиімді болатынын зерттеу – экономикалық сауаттылықты арттырады.

3. Жобалық жұмысты ұйымдастыру кезеңдері

Жобалық оқыту нақты кезеңдерден тұрады:

1. Мәселені анықтау. Мұғалім оқушыларға энергия тапшылығы, қоршаған ортаның ластануы сияқты жаһандық мәселелерді ұсынады.
2. Мақсат қою. Оқушылар күн энергиясын пайдалану арқылы мәселені шешудің жолдарын қарастырады.
3. Жоспарлау. Топтарға бөлініп, зерттеу әдістерін, құрал-жабдықтарды анықтайды.
4. Зерттеу және тәжірибе. Эксперимент жүргізу: күн панельдерінің қуатын өлшеу, коллектордың тиімділігін сынау.
5. Нәтижені талдау. Алынған мәліметтерді кесте, график арқылы рәсімдеу.
6. Жобаны қорғау. Әр топ өз нәтижесін сынып алдында қорғайды.

Бұл кезеңдер ғылыми-зерттеу жұмысына ұқсайды, сондықтан оқушылар болашақта ғылыми жобаларға қатысуға дайындық алады.

4. STEM-білім берудегі күн энергиясының орны

STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) бағыты білім берудің жаңа парадигмасы ретінде қарастырылады. Ол пәндерді кіріктіре отырып, оқушыларды инженерлік ойлауға баулиды. Күн энергиясы – осының нақты мысалы.

- Science (ғылым): физика тұрғысынан күн сәулесінің табиғатын зерттеу.

- Technology (технология): күн панелдерінің жұмыс принципін талдау.
- Engineering (инженерия): құрылғы жобалау, макет жасау.
- Mathematics (математика): қуат, энергия, тиімділік коэффициентін есептеу.

Осылайша күн энергиясын пайдалану жобалары оқушыларға интегративті білім беріп, олардың кәсіби бағдарын анықтауға ықпал етеді.

5. Практикалық тәжірибе мысалы

Алматы қаласындағы бірнеше мектепте жүргізілген шағын тәжірибеде 10-сынып оқушылары күн панелінің қуатын өлшеп, оның ауа райына тәуелділігін зерттеген. Нәтижесінде оқушылар күннің ашық күндері панель қуаты 5 есе артатынын байқаған. Олар график тұрғызып, өз зерттеуін қорытындылаған.

Бұл тәжірибе көрсеткендей, оқушылар тек дайын ақпаратты қабылдап қана қоймай, оны өз бетінше іздеп, талдайды, ғылыми нәтижеге қол жеткізеді.

Қорытынды

Физика сабақтарында күн энергиясын пайдалану арқылы жобалық оқытуды жүзеге асыру оқушылардың білімін тереңдетіп қана қоймай, олардың ғылыми-зерттеу дағдыларын қалыптастырады. Сонымен қатар бұл әдіс оқушыларды шығармашылыққа, өздігінен ізденуге, экологиялық мәдениетке тәрбиелейді.

Күн энергиясына негізделген жобалар оқушыларды STEM-білімнің негізгі бағыттарымен таныстырады және олардың болашақ мамандық таңдауға деген қызығушылығын оятады.

Жалпы алғанда, мұндай жобалық жұмыстар Қазақстан мектептерінде жасыл энергетика идеяларын насихаттап, оқушыларды әлемдік ғылыми-техникалық жетістіктерге бейімдеуде үлкен рөл атқарады.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Сейтқұлов А.Ж. Жобалық оқытудың педагогикалық негіздері. – Алматы: Білім, 2020. – 212 б.

2. Күдерина А.К. Жаңартылатын энергия көздері және олардың мектеп физикасындағы қолданылуы // Қазақстан мектебі. – 2021. – №5. – Б. 45–50.

3. Петров П. Мектептегі физика жобаларындағы жаңартылатын энергия көздері // Халықаралық STEM білім беру журналы. – 2020. - Том 7 (3). – 56–64 беттер.

4. Барабанов А. Физиканы оқытудың инновациялық әдістері. М., Академия, 2019 ж. – 186 б.

Электронный научный журнал «Central Asian Scientific Journal»

Редактор: Байдильдинов Т.Ж.
Комп.верстка: Хусаинов Е.М.

Электронный научный журнал «Central Asian Scientific Journal»
-2025-3(27)-Астана-ИП Novaterra Academic
Зарегистрировано и выдано свидетельство
Министерством Информации и Общественного Развития РК
№KZ40VPY00067791 от 07.04.2023 г.

*За достоверность публикуемой информации, цитат и
иных изложений ответственность несет автор*

